1276.608.

301

6. АВГ. 1919

276.608
Андреев.
Народные
Старцы.
7/XI 49 Губаре
ва

12.ФЕВ.1919

12.ФЕВ.1919

8.МАР.1919

8.МАР.1919

28 ЯНВ. 1919

НАРОДЫ-СТАРЦЫ:

КИТАЙ, ЯПОНІЯ, ИНДІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.

В. Андреева.

РОСТОВСК. ГОРОДСК. ПУБЛИЧН. БИБЛИОТЕКА
1986 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ І. МОРДУХОВСКАГО, Офицерская, д. № 7—14.
1874.

НАРОДЫ-СТАРЦЫ:

КИТАЙ, ЯПОНІЯ, ИНДІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.

А 65,5
А 65,1
3
90

В. Андреева.

Проверено 1944 г.
Ревизія 1917-1918 г.
3301
БИБЛИОТЕКА им. К. Маркса

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ І. МОРДУХОВСКАГО ОФИЦЕРСКАЯ, № 7—14.
1874.

Библиотека
276.608
9
им. К. Маркса

Настоящій трудъ посвященъ народамъ пока почти внѣисторическимъ, но въ наше время быстро выдвигаемымъ исторіею впередъ.

Граждански-старый востокъ и югъ Азіи могутъ передать многое молодому историческому міру и многое позаимствовать у него.

Въ этомъ прямая *практическая*,—экономическая и политическая—польза знакомства съ судьбами Китая, Японіи и Индіи.

Уже Ренанъ и другіе оріенталисты указывали на Китай, какъ на члена той семьи исчезшихъ народовъ, представителемъ которыхъ является древній Египетъ. Авторъ надѣется, что сгруппировалъ рядъ доказательствъ въ подтвержденіе этого взгляда—фактовъ приводящихъ къ выводу, что на современномъ Китаѣ можно во многихъ случаяхъ изучать жизнь, давно угасшую на берегахъ Нила.

Въ этомъ *историческій* интересъ изученія быта народовъ-старцевъ.

Что касается внѣшней стороны изложенія, она приспособлена къ требованіямъ читателей, не имѣющихъ досуга и возможности знакомиться съ спеціальными трудами, но желающихъ воспользоваться наиболѣе существенными выводами современной исторической науки, и притомъ въ такой формѣ, которая скрыла бы кропотливый и черновой трудъ изслѣдователя.

Съ другой стороны, авторъ обращалъ особенное вниманіе на болѣе обстоятельное изложеніе фактовъ передаваемыхъ въ учебникахъ обыкновенно кратко, и указывалъ постоянно тѣ источники, гдѣ можно найдти болѣе матеріала для изученія данныхъ вопросовъ. Это позволитъ его труду явиться не лишнимъ пособіемъ при преподаваніи.

С.-Петербургъ.
24-го іюля, 1874 г.

КИТАЙ И ЯПОНІЯ.

„Составленныя идеи“ и разубѣжденія.

„Китаизмъ“—неподвижность и застой. О китайцахъ составилось понятіе какъ о народѣ заключившемся въ себѣ самомъ, ничего не желающемъ знать и предпочитающемъ чужому свое, прожившее тысячи лѣтъ безъ измѣненія.

Вѣрно ли это?

Во-первыхъ въ древнее время мы вовсе не видимъ замкнутости Китая. Нынѣшняя замкнутость Китая происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе естественныхъ причинъ: съ сѣвера онъ окруженъ монгольскими степями, съ запада среднеазіатскою степью, съ юга неприступными горами Тибета, съ востока самымъ негостепріимнымъ изъ морей—Японскимъ и океаномъ.

Какъ видимъ, онъ географически отрѣзанъ отъ остальнаго міра. Удивительна-ли въ такомъ случаѣ и политическая замкнутость страны?

Но было время, когда Китай поддерживалъ постоянныя сношенія съ сосѣдями. Развалины городовъ и водопроводовъ [1]) въ степяхъ Монголіи служатъ доказательствомъ, что когда-то эти, теперь пустынныя мѣстности, были заселены и процвѣтали. Западная степь, средняя Азія, стала степью уже на глазахъ исторіи, а когда она была населенною, обработанною мѣстностью, китайцы вели постоянныя сношенія чрезъ нее съ сосѣдями на западѣ и югѣ. Отрѣзанные горами отъ Индіи, китайцы вели сношенія съ нею чрезъ среднюю Азію и „паломанъ“ („брамшъ“ въ выговорѣ китайца) былъ давно покупщикомъ китайскаго шелка, шедшаго этимъ путемъ. Страна „Синимъ“ упоминаемая у пророка Исаіи —

---

[1]) *Ковалевскій*. Путешествіе въ Китай, I, 95.

безспорно Китай [1]), о которомъ евреи могли имѣть свѣдѣнія отъ финикіянъ, торговавшихъ съ народами средней Азіи. Сидонъ, славившійся своими шелковыми фабриками, не могъ получать шелкъ ни откуда кромѣ Китая, такъ какъ въ Индіи шелководство явилось лишь гораздо позже и въ санскритѣ нѣтъ даже слова, значащаго „шелковичный червь“ [2]). Наконецъ за вывозъ шелка именно изъ Китая говоритъ и самое названіе этого продукта въ западныхъ языкахъ, происшедшее отъ китайскаго *се* (шелкъ).

Средняя Азія представляла въ древнюю пору всѣ удобства для торговли. Вереницы возовъ, запряженныхъ волами и лошадьми, тянулись среди непрерывнаго ряда городовъ [3]), тамъ гдѣ теперь проходитъ лишь верблюдъ. Верблюдъ упоминается въ лѣтописяхъ средней Азіи лишь съ VII в. по Р. Х. [4]) и именно съ появленія этого вѣстника запустѣнія прерываются сношенія китайцевъ съ западнымъ міромъ чрезъ среднюю Азію. Эпоха Магомета заключила эти сношенія [5]).

Но прежде сношенія эти были оживленны. Китайцамъ были подвластны многія средне-азіатскія племена. Въ II и I вв. до Р. Х. цѣлыя арміи китайцевъ доходятъ до Каспійскаго моря. Предводитель одной изъ нихъ, мандаринъ Пейкіу [6]), увѣрялъ, что далеко на сѣверо-западъ отъ китайскихъ владѣній все изъѣзжено купцами. Достигнувъ Каспійскаго моря, китайцы не могли не имѣть свѣдѣній о римлянахъ, приближавшихся съ другой стороны къ тому же морю. Съ греками, поселившимися въ средней Азіи послѣ Александра Македонскаго, китайцы еще прежде не могли не имѣть дѣла. Самое названіе *сартовъ*, пившихъ жителей среднеазіатскихъ городовъ, производится многими отъ *серовъ* [7]), древняго названія жителей, отъ которыхъ получался китайскій шелкъ—*се*. Другое названіе жителей средней Азіи *таджики* объясняется китайскимъ названіемъ *та-тзи*, какъ жители небесной имперіи называли грековъ и римлянъ. Для народовъ, жившихъ къ западу отъ китайцевъ, было у нихъ общее названіе „азы“ [8]) (a-si—„на-

---

[1]) *Ritter*. Die Erdkunde von Asien, V, 558.
[2]) *Ritter*, VI, 691.
[3]) *Ritter*, V, 630—640.
[4]) *Ibid*, V, 649.
[5]) *Ibid*, V, 561—562.
[6]) *Ibid*, V, 563.
[7]) *Ritter*, VI, 695.
[8]) Ritter, V, 557. *Journal Asiatique*, X, 57.

ходящіеся къ западу“) и финикійцы, безъ сомнѣнія, заимствовали это китайское названіе для части свѣта „Азіи“. Замѣтимъ при этомъ что еще въ эпоху Геродота Азіей называется не вся нынѣшняя часть свѣта, а именно мѣстность, населенная народами, называвшимися у китайцевъ азами.

Стремленіе Китая на западъ и Рима на востокъ не могло не повести къ сношеніямъ между двумя государствами, но прямыя сношенія установились только при Антонинѣ (у китайцевъ Антунъ), когда было отправлено римское посольство въ Китай чрезъ Кантонъ [1]). При Діоклетіанѣ въ Китай было отправлено два римскихъ посла [2]). Но, до установленія сношеній между правительствами, постоянныя сношенія чрезъ среднюю Азію продолжались, и именно этимъ путемъ проникла въ Китай христіанская вѣра.

Китай ждалъ давно мессію. По преданію, со временъ Конфуція, на западѣ долженъ былъ явиться великій преобразователь закона [3]). За этого мессію былъ принятъ Будда и въ I вѣкѣ по Р. Х. буддизмъ сталъ быстро распространяться въ Китаѣ. Интересно самое совпаденіе буддистской проповѣди въ Китаѣ съ первыми временами христіанства.

Не касаясь церковно-догматической стороны религій, скажемъ, что съ культурно-исторической точки зрѣнія, буддизмъ принесъ Китаю многое, что несло христіанство. Религіозная реформа всегда проводила реформы общественныя, и распространеніе буддизма въ Китаѣ въ I вѣкѣ нашей эры показываетъ, что общеніе его съ представительницею индо-европейской расы, Индіею, началось именно въ тотъ историческій моментъ, когда греко-римскій міръ почувствовалъ необходимость въ обновленіи своихъ падавшихъ силъ христіанствомъ. Это намъ кажется однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ непрерывавшагося общенія между востокомъ и западомъ.

Отъ VIII вѣка, значитъ уже послѣ Магомета, остались несомнѣнныя свидѣтельства продолжавшагося общенія Китая съ западомъ. Это, во-первыхъ, несторіанскіе памятники [4]). Христіанство, хотя и въ искаженной формѣ, пройдя за буддизмомъ

---

[1]) *Ritter*, VI, 695.
[2]) *Ritter*, V, 558.
[3]) *Girard*, France et Chine, II, 234.
[4]) Труды русск. духовной миссіи въ Пекинѣ, т. III, 208.

въ Китай, сдѣлало въ VIII в. тамъ большіе успѣхи. За тѣмъ, припомнимъ, что если прекратилась прямая торговля самихъ китайцевъ съ западомъ чрезъ впадавшую въ запустѣніе среднюю Азію, то арабы, ставъ сосѣдями китайцевъ на берегахъ Оксуса и Сыръ-Дарьи, не переставали служить связью между Китаемъ и Европою. Мы имѣемъ рядъ свидѣтельствъ, что морскія сношенія Китая съ Индіею и Аравіею, начавшіяся съ путешествія буддистскаго жреца Фо-хіана въ Индію въ IV в. (буддистскіе жрецы въ Китаѣ, какъ въ Японіи, были піонерами сближенія народовъ), не прерывались послѣ многихъ столѣтій. Арабы ѣздили въ Кантонъ [1]), гдѣ жило въ VIII в. много персовъ и арабскихъ купцовъ. Изъ словъ купца Солеймана о китайской торговлѣ видно, что иностранцы въ Китаѣ въ то время пользовались многими льготами и правами, и правительство богдыхана, собирая съ нихъ въ видѣ пошлины столь любимую въ Китаѣ яванскую камфару, смотрѣло сквозь пальцы на иные ихъ поступки. Магометане въ китайскомъ городѣ имѣли своего судью.

Съ другой стороны корабли изъ Китая достигали Персидскаго залива и устья Тигра [2]).

Но довольно того, что киданцы, жители средней Азіи, дали Китаю цѣлую династію правителей [3]), а *Кидань*, по объясненію проф. Васильева, потомки *македонянъ*, поселившихся со времени Александра Македонскаго на границахъ Китая. Если прибавимъ къ этому, что царствовавшій нѣкоторое время въ Китаѣ, въ VIII в., *Ан-лушанъ* былъ грекъ Александръ [4]), то увидимъ, что Китай не только имѣлъ сношенія съ западомъ, но даже западъ прямо вліялъ на его судьбы. Марко-Поло и генуэзскіе торговцы поддерживаютъ торговую связь послѣ арабовъ.

Только благодаря этой непрерывавшейся связи, Европа могла усвоить себѣ то, чѣмъ Китай обладалъ уже давно—компасъ, порохъ, книгопечатаніе, потому что никто же серьезно не станетъ утверждать, что всѣ эти изобрѣтенья сдѣланы были въ Европѣ самостоятельно. Вѣра во Флавіевъ Джоіа, Шварцевъ и Гуттенберговъ столь же основательна, какъ увѣренность, что Китай

---

[1]) *Journal Asiatique*, 1846, VIII, 156.
[2]) Ibid., 140—141.
[3]) Іакинѳъ. Китай, I, 8.
[4]) *Васильевъ*. О движеніи магометанства въ Китаѣ (Акт. Спб. Унив. 1867), 24.

никогда не сносился съ европейскимъ западомъ и не зналъ его.

Все, что приведено нами, относится къ сравнительно позднѣйшему періоду китайской исторіи. Обстоятельное знакомство съ древними памятниками китайской письменности открыло [1]), что 4,000 лѣтъ назадъ китаецъ уже получалъ шелкъ отъ шелковичнаго червя, умѣлъ добывать желѣзо и другіе металлы, былъ знакомъ съ ремеслами—въ то время, когда историческая жизнь въ Европѣ еще не начиналась.

Китай началъ жить гражданскою жизнью очень давно. Имѣлъ-ли онъ прежде, въ доисторическую для Европы пору, сношенія съ другими народами? Вѣдь были же тогда, и процвѣтали, Ассирія, Египетъ. Позволимъ себѣ сгруппировать данныя, заставляющія дать положительный отвѣтъ.

Еще Винкельманъ замѣтилъ, что у древнѣйшихъ египетскихъ статуй встрѣчается китайскій разрѣзъ глазъ [2]). Предположить, что древніе египтяне походили на нынѣшнихъ китайцевъ, нѣтъ никакого основанія. Но если въ Египтѣ были китайскія статуи, тогда дѣло объясняется подражаніемъ.

Не менѣе интересно то, что на вазахъ, найденныхъ Шлиманомъ при раскопкахъ на мѣстѣ древней Трои, и именно въ пластахъ наиболѣе древняго культурнаго періода, оказываются надписи, единственный ключъ къ объясненію которыхъ китайская азбука [3]). Шлиманъ не могъ при помощи другихъ алфавитовъ разобрать этихъ надписей.

Какъ появились образцы китайской письменности на берегахъ Геллеспонта въ эту отдаленную пору? Очевидно, нельзя допустить, чтобы туземцы, мѣстные жители, писали знаками, похожими на китайскіе. Остается предположить, что китайскія произведенія находили сбытъ въ Малую Азію уже 3,000 лѣтъ назадъ.

Открытіе Шлимана важно въ томъ отношеніи, что оно подтверждаетъ справедливость заявленія Розеллини, сдѣланнаго давно, но стоявшаго до сихъ поръ особнякомъ въ исторіи археологіи. Въ 1837 г., изъ письма Розеллини къ Ф. Девису [4]) ученый міръ

---

[1]) *Plath*, China for 4000 Jahren.

[2]) *Schlegel*, Leçons sur l'histoire el téorie des Beaux-Arts, 117.

[3]) *Burnouf*. Les fouilles faites en Troade. Revue des Deux Mondes, 1874. Janvier.

[4]) *Annales de correspondance archéologique*, 3 avril, 1837.

съ удивленіемъ узналъ, что итальянскому археологу попадались въ египетскихъ могилахъ китайскія фаянсовыя вазы. Тотъ же археологъ видѣлъ въ коллекціяхъ египетскихъ памятниковъ металлическія зеркала совершенно такія же, какія существуютъ теперь въ Китаѣ. Лакированныя китайскія вазы были съ китайскими рисунками и надписями, такъ что о происхожденіи ихъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія [1]). Вся загадка заключалась въ томъ: какъ попали китайскія вазы въ египетскія могилы, которыхъ рука человѣка не касалась въ теченіе едвали не 3,500 лѣтъ?

Далѣе, какъ не обратить вниманія на тѣ мѣста у латинскихъ классиковъ, гдѣ прямо упоминается о постройкахъ, сходныя съ которыми по архитектурѣ мы встрѣчаемъ теперь лишь въ Китаѣ. Плиній упоминаетъ о башняхъ съ колокольчиками въ Додонѣ и Клузіумѣ [2]) и комментаторы не сомнѣваются, что эти увѣшанныя колокольчиками башни древнихъ грековъ и жителей Италіи были нѣчто въ родѣ извѣстной китайской звонящей башни.

Затѣмъ, нельзя не упомянуть, что лингвисты также заявляютъ о сходныхъ чертахъ между древне-египетскимъ языкомъ и китайскимъ [3]). Что касается китайской письменности, то первоначально она была вполнѣ іероглифическая въ томъ же смыслѣ, какъ и въ Египтѣ. Іероглифы запада стали впослѣдствіи соотвѣтствовать звукамъ и знакъ верблюда означалъ послѣ только букву г (гимель—верблюдъ). Въ Китаѣ „предметы“ и „идеи“ и теперь выражаются знаками, хотя явился также фонетизмъ, т. е. соотвѣтствіе знака не предмету, а звуку. Жираръ высказалъ предположеніе, что раннее введеніе печатнаго распространенія сочиненій было причиною того, что китайскій языкъ до сихъ поръ остался отчасти іероглифическимъ и не перешолъ къ окончательному фонетизму, т. е. къ исключительному соотвѣтствію знаковъ звукамъ, а не предметамъ [4]).

Но проводя далѣе параллель между древнимъ, похороненнымъ Египтомъ и древнимъ—живымъ Китаемъ, обратимъ вниманіе на общественную жизнь, на памятники народнаго быта.

Китайцы и теперь смотрятъ на смерть, какъ смотрѣли древ-

---

[1]) *Delaurier*, Journal Asiatique. 1846, VIII, 133.
[2]) *Plinii*. Historia Nat., XXXVI, 19.
[3]) *Renan*, De l'origine de language, 194—195
[4]) *Girard*. France et Chine, II, 270.

ніе египтяне. За богдыханомъ всюду возятъ гробъ [1]). Гробъ— принадлежность китайской домашней обстановки. Подарить гробъ опасно больному въ Китаѣ — знакъ расположенія и вниманія, и часто по цѣлымъ днямъ у кровати больнаго стоитъ его гробъ. Гробъ въ подарокъ престарѣлымъ родителямъ — знакъ сыновней любви...

Все это дико и странно на европейскій взглядъ, но все это совершенно естественно съ китайской точки зрѣнія. Китайцы, подобно древнимъ египтянамъ, безъ боязни, съ удовольствіемъ, смотрятъ на смерть. Слова Конфуція: «воздавай мертвому все, какъ бы онъ былъ живъ» — не отголосокъ ли той же египетской религіозной философіи, которая заставляла украшать и убирать жилище мертваго всѣмъ, что нужно было живому?

Известка и асфальтъ идутъ въ Китаѣ на предохраненіе труповъ отъ порчи [2]) точно такъ же какъ въ Египтѣ шли гипсъ и асфальтъ на изготовленіе мумій. Египтяне всю жизнь заботились о томъ, какъ бы быть похороненными съ большимъ почетомъ. Китайцы нерѣдко продаютъ все, чтобы только устроить пышныя похороны родственникамъ [3]). Египтяне судили своихъ фараоновъ послѣ смерти; китайцы обнародываютъ послѣ смерти императора его исторію, писавшуюся въ теченіе всего царствованія такъ, что никто, кромѣ писавшаго, не зналъ, до обнародованія, содержанія написаннаго. Имя богдыхану дается только послѣ смерти и въ немъ заключается оцѣнка его дѣятельности. Цензоры, блюдущіе за «сыномъ Неба», совершенно то же, что жрецы, регулировавшіе жизнь и поступки фараоновъ въ ихъ повседневной жизни.

Несомнѣнно, что черть сближенія между двумя народами было бы еще больше, еслибы въ Китай ѣхали для наблюденія и изученія страны люди изучившіе прежде Египетъ. Достаточно привести, въ подтвержденіе этого, нашего путешественника Ковалевскаго. Побывавъ прежде въ Египтѣ, и послѣ отправившись въ Китай, онъ не могъ не замѣтить многихъ сходныхъ чертъ между двумя столь отдаленными одна отъ другой странами, по сохранившимся историческимъ преданіямъ не имѣвшими сношеній другъ съ другомъ.

Богдыханы, расходующіеся при жизни на устройство для себя

---

[1]) *Ковалевскій.* Пут. въ Китай, II, 34.
[2]) *Girard.* II, 81.
[3]) Ibid., 83.

кладбищъ [1]), не могли не напомнить нашему путешественнику пирамидъ, строившихся въ Египтѣ, съ тою же цѣлью и съ тѣми же заботами, фараонами. Самые торговцы Китая напоминали ему, видѣвшему много странъ кромѣ Египта и Китая, именно канрскихъ продавцовъ. Мазанки на пути въ Пекинъ напомнили ему арабскія. Вглядываясь въ каменныя изображенія людей и звѣрей на богдыханскихъ кладбищахъ, нашъ путешественникъ не могъ не открыть въ китайскомъ „цилинѣ“ сходства съ египетскимъ сфинксомъ [2]). Сохранившіяся описанія чудовищныхъ животныхъ въ китайскихъ книгахъ очень часто представляютъ сфинксовъ— изображеніе звѣря съ человѣческою головою [3]). Позволимъ себѣ высказать при этомъ предположеніе, что египетскій и китайскій сфинксъ могъ быть первобытнымъ олицетвореніемъ басни, выводящей звѣрей, говорящихъ и дѣйствующихъ по-человѣчески. Старинный китайскій костюмъ напомнилъ Ковалевскому общій восточный.

На основаніи всего приведеннаго кажется не будетъ слишкомъ смѣло сказать, что въ отдаленную пору процвѣтанія Египта, Ассиріи и Вавилона, Китай былъ въ общеніи съ остальнымъ міромъ и жилъ жизнью, сходною съ другими народами. Но жизнь Месопотаміи и Египта исчезла, оставшись лишь въ памятникахъ; жизнь Китая сохранилась въ древнихъ стереотипныхъ формахъ и, почемъ знать, можетъ быть изученіе Китая въ скоромъ времени позволитъ ближе и точнѣе изучить ту несохранившуюся въ историческихъ описаніяхъ, исчезнувшую жизнь народовъ, которую мы изучаемъ только по іероглифамъ и клинообразнымъ надписямъ.

Скажемъ болѣе. Если основы гражданской жизни явились въ Китаѣ гораздо раньше чѣмъ во многихъ мѣстностяхъ теперь цивилизованнаго міра, и Китай имѣлъ постоянное общеніе съ сосѣдями и вліяніе на нихъ, то не проникали-ли вмѣстѣ съ китайскими предметами торговли и китайскіе обычаи, китайскія слова — такъ что не окажется-ли, при болѣе близкомъ изученіи языка и исторіи Срединной имперіи, китайская основа многаго въ жизни и лингвистикѣ европейскихъ народовъ? Мы увидимъ далѣе, что многое, особенно въ судьбѣ германскихъ народовъ, подтверждаетъ это предположеніе, а обстоятельное сравненіе обычаевъ въ странахъ Европы и въ Китаѣ и теперь уже можетъ до-

---

[1]) *Ковалевскій*, II, 178.
[2]) *Ibid.* 105, 185, 186.
[3]) *Journal Asiatique*, 1839, VIII, 345—347.

казать что не одни только компасъ, порохъ, книгопечатаніе, но и многое другое явилось въ Европѣ изъ Китая.

Уяснивъ связь между Китаемъ и остальнымъ міромъ въ древнюю и въ сравнительно новую историческую эпоху, необходимо остановиться именно на вопросѣ:

Не повліяла ли съ самой отдаленной поры китайская образованность на культурное развитіе народовъ запада, и если повліяла, то насколько?

Китай былъ образованною страною, когда еще въ Европѣ господствовалъ полнѣйшій мракъ варварства. Еслибы Китай былъ отрѣзанъ отъ остальнаго міра и не имѣлъ съ нимъ сношеній, его образованность не оказала бы вліянія на сосѣднія страны. Но какъ скоро связь Срединной имперіи съ западомъ не подлежитъ сомнѣнію, неизбѣжно представляется вопросъ: что заимствовалъ западъ у востока?

Клапротъ и Абель Ремюза, изучая памятники восточной литературы, пришли къ убѣжденію, что геты, или готы, родоначальники нынѣшнихъ германскихъ народовъ, кочевали въ отдаленную историческую эпоху въ средней Азіи, въ сосѣдствѣ съ Китаемъ, и естественно были подъ его непосредственнымъ вліяніемъ. Просматривая „Землевѣдѣніе Азіи“ Риттера, видно, какъ знаменитый географъ постепенно все болѣе и болѣе соглашается съ взглядомъ этихъ оріенталистовъ. Сначала онъ только заявляетъ ихъ мнѣніе, потомъ видимо становится на ихъ сторону [1]). Самое нѣмецкое König становится въ параллель съ китайскимъ *конгъ* [2]), какъ производное отъ китайскаго. Когда въ II в. до Р. Х. китайцы открыли готовъ [3]), это было племя кочевое, такъ какъ оно представляется странствующимъ въ телегахъ, запряженныхъ волами и владѣвшимъ стадами овецъ съ курдюками [4]).

Не трудно сказать, кто отъ кого долженъ былъ заимствовать— номады у цивилизованнаго народа, или наоборотъ.

Очень можетъ быть, повторяемъ, что болѣе основательное изученіе Китая и его языка откроетъ массу первобытныхъ заимствованій народовъ Европы у Китая. *König, King, Konung*, а слѣдовательно и *князь* дѣйствительно объясняются только ки-

---

[1]) *Ritter*, V, 608, 623, 624.
[2]) *Ibid.* V. 357, 362.
[3]) *Ibid*, V. 624.
[4]) *Ibid.* V. 676.

тайскимъ Koung (герцогъ), древнимъ названіемъ китайскихъ губернаторовъ провинцій [1]). Наше русское слово „книга“, думаемъ, также китайское „King“ (книга).

Сравнивая жизнь Европы и восточной Азіи, находя тутъ и тамъ сходныя, общія черты, нельзя не согласиться, что заимствованіе запада у востока началось давно, и можетъ быть не слишкомъ смѣло будетъ сказать что западъ учился у востока, только переработавъ многое заимтое, соотвѣтственно другимъ условіямъ жизни.

Виною того, что Европа такъ долго отрекалась отъ всякой солидарности съ Китаемъ и даже презирала его,—отчужденіе восточной Азіи отъ остальнаго міра именно въ ту эпоху, когда Европа только начала изучать исторію. Три послѣднихъ вѣка Китай замкнулся въ самомъ себѣ и только европейскіе миссіонеры и купцы поддерживали слабую память о немъ въ средѣ другихъ народовъ. Манчжуры-властители находили въ этомъ отчужденіи покоренной ими страны свою выгоду. Но конечно не желаніе манчжурской династіи властвовать въ странѣ, не пуская въ нее совмѣстниковъ, было главною причиною уединенія Китая, а, какъ мы видѣли, географическія причины, дѣлавшія изъ Срединной имперіи какой-то оазисъ среди пустыни.

Но если запустѣніе странъ, пограничныхъ съ Китаемъ—неотрицаемый фактъ, то можно спросить себя: настолько ли оно отрѣзало Китай отъ всѣхъ сношеній съ остальнымъ міромъ, чтобы оставить его съ этихъ поръ въ полномъ уединеніи? Успѣхи наукъ позволили обществу бороться съ естественными препятствіями. Что казалось непреодолимой преградой прежде — безъ труда устраняется теперь. Англія постарается чтобы горы Тибета не преграждали въ Китай пути изъ Индіи, Россія у западнаго Китая и на Амурѣ стала твердою ногою—также чтобы вступить въ торговыя сношенія съ азіатскимъ востокомъ—и нелюдимое море, окаймляющее китайскій берегъ, не остановитъ пароходовъ, какъ самая степь не помѣшала телеграфу и, вѣроятно, не помѣшаетъ также желѣзнымъ дорогамъ, пройти по ея необитаемымъ пространствамъ.

Англія, Америка, Россія слишкомъ заинтересованы въ дѣлѣ, чтобы оставить Китай въ его политическомъ и экономическомъ

---

[1]) *Pauthier*. Mémoires sur l'antiquité chinoise, 8.

уединенiи. Когда же Китай, подобно Японiи, вступитъ на путь прямыхъ и постоянныхъ сношенiй съ Европою—Европѣ придется не только учить, но и учиться многому.

„Учиться у страны застоя и неподвижности, у страны деспотизма и палочныхъ ударовъ!“

Такъ говорятъ многiе. Это—другое „составленное убѣжденiе“. Обратимся опять къ разубѣжденiямъ.

Возьмите „Описанiе Китая“ Гюка—что вы находите тамъ? Китайцы выпроваживаютъ дурныхъ чиновниковъ и не принимаютъ ихъ. Свобода печати въ Китаѣ ничѣмъ не ограничена и объявленья-памфлеты самаго рѣзкаго и сатирическаго содержанiя противъ правительственныхъ чиновниковъ прикленваются на стѣнахъ невозбранно. Правительство, зная мирныя наклонности народа и его справедливость, зная, что безъ причины его оппозицiя не является и помня девизъ Конфуцiя „слова народа—слова Бога“, допускаетъ это, и отрѣшаетъ мандариновъ, вызвавшихъ подобныя народныя манифестацiи. Изъ 300—350 м. китайскаго населенiя подати платитъ (съ 1711 г.) менѣе чѣмъ 25 м. (24.621,334 гражданъ [1]).

Кажется все это мало говоритъ о китайскомъ деспотизмѣ. Не приводимъ цитатъ изъ сочиненiя Гюка, предполагая его слишкомъ общеизвѣстнымъ. Въ „Современникѣ“ пятидесятыхъ годовъ былъ помѣщенъ рядъ статей о Китаѣ, составленныхъ по Гюку, и тѣмъ же авторомъ руководились многiе, писавшiе о Китаѣ за границей, напр. Жираръ (France et Chine).

Можно ли довѣрять Гюку? Но онъ приводитъ лишь то, что по большей части извѣстно и изъ другихъ описанiй Китая. Маркизъ де-Курси, прежнiй французскiй посланникъ въ Китаѣ, хочетъ дать понять, что цензура не допускаетъ въ Китаѣ нападокъ на правительственныя распоряженiя и даже сужденiй о нихъ [2]). Это невѣрно. Мы можемъ указать на прямое доказательство противнаго. Сохранилась собственноручная замѣтка красными чернилами императора Канъ-Хи о давней отмѣнѣ закона не позволявшаго критики правительственныхъ распоряженiй [3]). Притомъ допускать, что цензура можетъ въ Китаѣ имѣть вліянiе на печать, значитъ мѣрять европейскою мѣркою. Главная задача

---

[1]) *Труды р. миссiи въ Пекинѣ*, I, 328.
[2]) *De-Courcy*. L'empire du Milieu, 347.
[3]) *Pauthier*. Mém. Sur l'antiquité chin., 24.

китайской цензуры—охраненіе правовъ, и въ этомъ отношеніи богдыханъ подчиняется ей столько же, сколько каждый его подданный. Если распоряженія правительства богдыхана несправедливы, то цензура станетъ первая противъ нихъ и за народъ. Потому-то и странно называть власть богдыхана деспотическою: богдыханъ самъ находится подъ наблюденіемъ цензоровъ и долженъ быть неуклоннымъ исполнителемъ закона. Сколько было примѣровъ явной, стоической, оппозиціи цензоровъ богдыханамъ. Вспомнимъ гробы, которые цензора брали съ собою во дворецъ [1]), зная, что имъ придется лечь въ нихъ, потому что смерть была лучше отрѣченія отъ правды.

Деспотизмъ есть произволъ въ отношеніи другихъ и полная несдержанность никакими законами въ отношеніи себя. Значитъ о немъ не можетъ быть и рѣчи въ Китаѣ, гдѣ все опредѣлено закономъ. Богдыханъ руководится закономъ и общественнымъ мнѣніемъ. Богдыханы собирали народныя пѣсни и печатали ихъ именно для того, чтобы знать мысли народа—какъ онъ относится къ распоряженіямъ правительства. Наконецъ коллегія историковъ, ежедневно записящая на бумагу всѣ поступки и дѣла богдыхана, но находящаяся вполнѣ внѣ контроля правительства—уже сама по себѣ узда деспотизма, еслибы онъ когда-нибудь рѣшился проявиться; богдыханъ знаетъ, что каждый поступокъ его будетъ вѣстенъ всѣмъ.

Разъ одинъ изъ лучшихъ императоровъ Тай-Цонгъ [2]) пришелъ въ коллегію историковъ, „Лѣсъ перьевъ“, какъ называютъ въ народѣ эту академію, и просилъ президента показать ему, что они и его сотоварищи пишутъ. Надобно замѣтить, что „истина“ и „целицеприятіе“ первыя условія, которыя ставитъ себѣ китайскій историкъ. Чтобы нельзя было сдѣлать какихъ-нибудь поправокъ по частнымъ, личнымъ соображеніямъ, все написанное въ коллегіи историковъ едва перешло на бумагу, какъ кладется написавшимъ въ запертой ящикъ, который отопрется лишь по смерти царствующаго богдыхана.

— Ваше величество, отвѣчалъ президентъ,—я сожалѣю, что не могу исполнить вашего желанія.

— Такъ если я сдѣлаю что-нибудь дурное, вы и то запишите и внесете въ исторію.

---

[1]) *Girard.* I, 401.
[2]) *Ibid.* I, 406.

— Да.

— Еслибы президентъ исполнилъ вашу волю, государь—вмѣшался одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ академіи,—то мы занесли бы въ нашихъ трудахъ о его поступкѣ.

— Скажу болѣе того, ваше величество, прибавилъ президентъ;— вашъ разговоръ сегодня со мною также занесется на страницы исторіи.

Интересно посланіе цензора Юен-чинга къ богдыхану, приводимое въ переводѣ въ исторіи Кантю [3]). Юен-чингъ говоритъ, что „не понимаетъ, зачѣмъ онъ и его товарищъ находятся при богдыханѣ: они только напрасно считаются цензорами, когда не могутъ исполнять эту должность какъ слѣдуетъ по закону и обычаю. При императорѣ Тай-цонгѣ цензора были совѣтниками монарха во всѣхъ дѣлахъ, гражданскихъ и военныхъ, и всюду сопровождали его. Оттого дѣла страны шли блистательно и окрестные народы чтили Тай-Цонга. Вообще обычай цензоровъ былъ заявлять богдыхану гласно объ отступленіи его и его министровъ отъ закона, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сообщать о томъ же письменно. Отчего же, продолжаетъ Юен-чингъ, все это теперь оставлено, лица, дѣлающія представленія монарху, считаются авантюристами и интриганами, и дѣло цензора—вдали отъ двора слѣдить за второстепенными нарушителями обычаевъ. Если цензоры должны быть молчаливыми свидѣтелями придворныхъ церемоній и не смѣть дѣлать замѣчаній, то лучше, замѣчаетъ авторъ, пусть дозволятъ ему удалиться отъ должности“.

Какъ ни странно звучитъ „китайская конституція“, но надобно признаться, что правленіе въ Китаѣ скорѣе можно назвать конституціоннымъ, чѣмъ деспотическимъ. Богдыханъ царствуетъ, ограниченный закономъ и обычаемъ, и лишенный всякой возможности выступить изъ предѣловъ закона. Распоряжается всѣмъ въ странѣ правительство. Но изъ кого состоитъ оно? Изъ лицъ, которыхъ выдвинули впередъ, въ высшія должности, наука, экзаменъ. Научныя испытанія замѣняютъ въ Китаѣ избраніе большинствомъ голосовъ, но результатъ все тотъ же: люди болѣе достойные изъ народа, становятся во главѣ правительства, имѣя всѣ задатки, чтобы относиться честно къ своему дѣлу и преслѣдовать нарушеніе закона одинаково вверху и внизу.

---

[3]) *Cantu*, Hist. Univ. II, 461.

Китай славится своею нелюбовью къ нововведеніямъ. Правда. Но постоянство дурно только въ дурномъ. Если же мы видимъ въ странѣ много хорошаго, хотя установившагося вѣка назадъ— зачѣмъ его мѣнять? Застоя, впрочемъ, въ Китаѣ не было, если не говорить о послѣднихъ двухъ, трехъ столѣтіяхъ. Государственное устройство и жизнь развивались одновременно.

Прежде пусть Европа сдѣлаетъ, чтобъ каждый изъ гражданъ ея былъ грамотенъ, какъ въ Китаѣ,—а потомъ говорить о китайскомъ застоѣ.

Что касается раболѣпныхъ отношеній, существующихъ на востокѣ, то это вовсе не характеристика политическихъ нравовъ, а только черта общественнаго быта. Свѣтскость въ Китаѣ и Японіи состоитъ въ приниженіи своей личности и въ возвышеніи той, съ которой имѣешь дѣло. Это—европейская любезность, доведенная до крайности. Но кто же станетъ отрицать, что такъ-называемая свѣтская любезность оказывается съ тѣмъ чтобы ее взаимно оказывали намъ. Въ такомъ случаѣ ее можно назвать лишь наиполнѣйшимъ проявленіемъ эгоизма, и китайскія церемоніи—отраженіе этого внутренняго, холоднаго себялюбія. Относясь до притворности любезно къ своему сосѣду (чтобы такъ относились и къ нему самому) китаецъ раболѣпствуетъ для вида и предъ властью, чтобы низшіе такимъ рабол[illegible]но относились къ нему. Это, конечно, общественный по[illegible]къ, но именно *общественный* порокъ, а не политическая черта, и китайское преклоненіе предъ богдыханомъ столь же выражаетъ страхъ, какъ машинальное повертываніе ручки молельнаго колеса на перекресткѣ японскаго города можетъ быть принято за теплую молитву.

И такъ, застой въ Китаѣ безспорно есть, но онъ только на поверхности, онъ—дѣло недавняго послѣдняго времени. Государства застаиваются, если не имѣютъ сношеній съ другими, точно также какъ рѣки, если вода въ нихъ запружена. Тутъ и тамъ застой сопровождается броженіемъ и гніеніемъ. Застой Китая при маньчжурской династіи уже отозвался единичностью языка, начавшею распространяться въ странѣ, распространеніемъ картежной игры какъ доказательства незнанія что дѣлать съ временемъ, наконецъ взяточничествомъ мандариновъ и цензоровъ [1]), и въ заключеніе всеобщимъ волненіемъ, вызвавшимъ появленіе тайпиновъ на югѣ и смуты масульманъ на западѣ.

---

[1]) *Girard*, I, 400,

Но волненіе южнаго Китая что иное какъ не протестъ противъ политики заключенности и замкнутости, которой слѣдуетъ эгоизмъ манчжурской династіи? „Тай-пинги по политическимъ дѣйствіямъ — евреи, по жизни—христіане (по очень плохіе христіане), по образу мыслей — китайцы". Такъ характеризуетъ ихъ одинъ компетентный англійскій авторъ [1]). Но если даже допустимъ, что плохо организованное возстаніе опирается на людей и средства, съ которыми рѣшительный переворотъ въ странѣ невозможенъ, то это все же доказательство, что сѣмя несомнѣннаго недовольства положеніемъ дѣлъ кроется въ слояхъ общества, которое ощутило вредныя послѣдствія отчужденія отъ другихъ народовъ. „Плохіе христіане" китайскаго юга все же вѣстники новаго времени и новыхъ требованій, и именно благодаря имъ, небольшой европейской арміи такъ легко было въ послѣднее время открыть путь къ Пекину. Д'Ириссонъ [2]) разсказываетъ, какъ 2000 южныхъ китайцевъ, нанятые, въ послѣднюю экспедицію французовъ въ сѣверный Китай, для несенія лѣстницъ къ фортамъ, предназначавшимся для приступа, сами бросались на приступъ и бились мужественно и стойко. При помощи китайскаго юга, Европѣ легко побѣдить китайскій сѣверъ, и манчжурская династія очень хорошо это знаетъ.

И такъ, открытіе Китая европейцами только вопросъ времени, но, повторяемъ, открывъ его, Европа должна будетъ не только учить, но и учиться.

Конечно не можетъ быть рѣчи о заимствованіи *всего* у китайцевъ. Китай—старикъ. Мы постараемся сейчасъ доказать, что запустѣніе окрестныхъ странъ распространилось и на Китай, и его мѣстностямъ угрожаетъ та же рука времени, которая обезлюдила страны къ сѣверу и западу отъ него. Застой послѣднихъ двухъ-трехъ вѣковъ въ Китаѣ—можетъ быть тотъ застой крови въ старческихъ жилахъ, который отмѣчаетъ приближающійся конецъ жизни. Китай—остатокъ той плеяды историческихъ народовъ, которыхъ прошлое похоронено на берегахъ Нила и въ Месопотаміи. Но пока старецъ еще не сошелъ въ могилу, у него есть чему поучиться народамъ-новичкамъ.

Брюзгливость старца-Китая, съ какою относится онъ къ жен-

---

[1]) *Oliphant.* Earl Elgin's mission to China and Japan, II, 463.
[2]) *D'Irisson.* Etudes sur la Chine contemporaine, 93

щинѣ въ семьѣ и обществѣ, не переймется Европою, помнящею, что „не уважать женщину—значитъ не уважать мать“. Китайскія церемоніи также могутъ остаться при немъ — у стариковъ есть свято соблюдаемыя привычки; это естественно, и пусть онѣ при немъ остаются. Но старецъ богатъ опытомъ, которому слѣдуетъ поучиться молодежи, богатъ совершенствомъ сельскаго хозяйства и ремеслъ, и умѣньемъ жить такъ, что ничего не пропадаетъ, изъ всего извлекается польза и все идетъ на пользу массамъ.

Три послѣдніе вѣка въ исторіи азіатскаго востока.

Китайцы и японцы по природѣ общительны не менѣе другихъ народовъ. Отчужденіе ихъ отъ остальнаго міра въ эпоху новыхъ вѣковъ было отчасти дѣломъ эгоизма правительствъ, но всего болѣе результатомъ естественныхъ условій, а не народнаго характера. Манчжуры—завоеватели Китая, имѣли свои интересы въ недопущеніи въ страну никакого вліянія извнѣ. Опасенія за власть были главною пружиною въ ихъ политическомъ образѣ дѣйствій. Географическія преграды имъ помогли. Въ свою очередь японское правительство, найдя замыслы іезуитовъ опасными для себя, и испуганное громаднымъ вывозомъ золота и серебра изъ страны. отказалось почти отъ всѣхъ сношеній съ Европою и не имѣло почти никакихъ сношеній даже съ сосѣднимъ Китаемъ.

Что хотѣла Европа дать въ XVI ст. Японіи и дала Китаю? Іезуитовъ, отъ которыхъ скоро сама отреклась какъ отъ зла? Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ винить Азію въ нежеланіи имѣть дѣла съ Европою, когда Европа ничего хорошаго не давала Азіи?

Въ торговомъ отношеніи Европа, далекая и незнаемая, могла дать въ XVI ст. азіатскому востоку очень мало. „Мы ни въ чемъ иностранномъ не нуждаемся, кромѣ лекарствъ“ писалъ японскій ученый три вѣка назадъ [1]).

„Не нуждаемся“—вотъ гдѣ разгадка отчужденности азіатскаго востока отъ европейскаго запада въ XVII и XVIII ст. Но когда Европа и Америка своими владѣніями обступили — если такъ

---

[1]) *Oliphant*, II, 47.

выразиться — Китай и Японію, сдѣлавъ сами большіе успѣхи въ наукѣ и гражданственности со времени реформаціи и іезуитовъ, обстоятельства измѣнились. Явилась „нужда“ въ сношеніяхъ и она-то открыла азіатскій востокъ вновь сношеніямъ съ Европою.

Прослѣдимъ же эти три вѣка политическаго анахоретства восточной Азіи.

Въ Китаѣ представителями Европы являлись только миссіонеры. Изгнанные изъ Японіи христіане были терпимы въ Китаѣ. Но японское правительство строго наказывало китайскимъ купцамъ не привозить съ собою въ Нангасаки ни христіанскихъ книгъ, ни христіанъ. Китайцы должны были попирать христіанскую икону [1]), чтобы показать японцамъ, что они не сочувствуютъ христіанству. Но китайцы очень мало заботились о распространеніи христіанства; они учились у миссіонеровъ не столько христіанству, сколько наукамъ. Главныхъ своихъ учителей въ наукахъ математическихъ и естественныхъ — іезуитовъ они впрочемъ скоро изгнали.

Собственно христіанство было терпимо въ Китаѣ долго, и лишь въ 1795 г. вышелъ указъ, запрещавшій христіанское исповѣданіе. Есть основаніе предполагать, что такъ называемое „женское движеніе“ 1788 г. въ Китаѣ, причинившее много хлопотъ правительству, было одною изъ главныхъ причинъ гоненія на вѣру, возвышающую общественное положеніе женщины.

Что касается торговыхъ сношеній Китая съ Европою, они были въ XVI—XVIII вв. очень незначительны. Торговля чрезъ Кяхту съ Россіею, открывшаяся сравнительно недавно, всегда происходила при большихъ естественныхъ препятствіяхъ. Сношенія португальцевъ съ Китаемъ въ Макао — долго представляли торговую монополію, отъ которой Европа очень мало выигрывала.

Въ 1537 г. португальцы обратились къ китайцамъ съ просьбою дозволить имъ приставать у о-ва Макао. Съ неохотою было дано имъ разрѣшеніе и только благодаря подкупу, дозволено португальскимъ купцамъ поставить нѣсколько амбаровъ на берегу. Новое позволеніе нужно было, чтобы выстроить нѣсколько каменныхъ домовъ на негостепріимныхъ песчаныхъ берегахъ.

---

[1]) Труды русск. дух. миссіи въ Пекинѣ, III, 164: „попереть посами“ не опечатка-ли вмѣсто „попрать погами“?

Въ послѣднее время въ Макао было не болѣе 5000 жителей и изъ этого лишь очень незначительная доля португальцевъ. Никогда португальцы не были полными господами этой полосы земли въ 5 верстъ длины и 1½ ширины, но платили китайскому правительству аренду и китайскій мандаринъ, жившій въ Макао, вѣдалъ тамошнее китайское населеніе, очень гордо и нерѣдко самоуправно относясь къ португальскому коменданту и его крошечному гарнизону.

Китайскіе солдаты тутъ стояли бокъ-о-бокъ съ европейскими, и крѣпость съ пушками въ рукахъ португальцевъ была, очевидно, непадежная опора, если европейцы безропотно переносили притязанія китайскихъ властей. Чуть что не такъ, китайскій мандаринъ останавливалъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, и португальцы должны были уступать.

Торговцы, побывавшіе въ Китаѣ, могли выразиться словами одного изъ нихъ: „Насъ приняли какъ нищихъ, держали какъ плѣнниковъ, отослали какъ воровъ“ [1]).

Макао памятенъ еще тѣмъ, что здѣсь знаменитый Камоенсъ провелъ нѣкоторое время. Указываютъ гротъ, гдѣ португальскій поэтъ любилъ уединяться. Въ 1828 г. одинъ европейскій туристъ, Ріензи, поставилъ памятникъ съ португальскою надписью, которая была, однакожъ, сорвана какимъ-то англичаниномъ изъ чувства національнаго соперничества.

Очевидно, китайцы, долго имѣя дѣло только съ португальцами, монополизировавшими ихъ торговлю, научились изъ сношеній съ ними гордо смотрѣть на европейцевъ вообще. Отсюда-то, можетъ быть, и та смѣлость, съ какою въ 1839 г. китайскіе мандарины выкинули въ Кантонѣ въ воду опіума на 25 мил. рублей. Можетъ быть, они не поступили бы такъ съ этимъ драгоцѣннымъ для массы китайцевъ товаромъ, еслибы предвидѣли месть Англіи, но уступки португальцевъ пріучили ихъ къ слабости европейцевъ. И вотъ 20,000 ящиковъ опіума, фунтъ котораго стоитъ 7—8 рублей, выброшены въ мутную воду канала, опіумъ смѣшанъ съ грязною водою, пока не превратился въ вонючую массу. Затѣмъ, его спустили въ море.

Главною причиною недовольства китайскаго правительства противъ англичанъ, какъ полагаютъ, было то, что опіумъ отнялъ

---

[1]) *Cantu*, Hist. Univ., II, 143.

у китайской казны серебро, которое она получала прежде отъ Европы за чай. Извѣстно, что съ оживленіемъ торговли между Китаемъ и Европою въ началѣ прошлаго столѣтія, изъ китайскихъ портовъ сталъ вывозиться чай на громадныя суммы и за него платились Китаю такія суммы наличными деньгами, что правительство богдыхана скоро могло изъять всѣ ассигнаціи изъ обращенія [1]).

Напрасно мандаршы думали, принятою ими мѣрою, пресѣчь торговлю опіумомъ. Англія стала за своихъ контрабандистовъ. и отмстила Китаю за это водяное ауто-да-фе.

Дѣятельность Португаліи въ торговлѣ съ Китаемъ особенно значительна въ XVI и въ началѣ XVII в. Тогда португальцы посредничали между Китаемъ, Японіею и Европою. Роль ихъ потеряла въ значеніи, когда прочіе европейцы вступили въ сношенія съ Китаемъ и особенно англичане утвердились въ сосѣднемъ Кантонѣ. Китайцы не позволяли приходить въ Макао болѣе чѣмъ 25 судамъ и потомъ число это было уменьшено еще почти вдвое. Но утвержденіе англичанъ въ Индіи было шагомъ къ открытію Китая европейской торговлѣ, и вскорѣ Кантонъ сдѣлался обширнымъ англо-китайскимъ рынкомъ.

Когда Россія съ береговъ Амура, Англія изъ Кантона, Франція изъ Кохинхины и Соединенные Штаты изъ-за Тихаго океана стали вліять на Срединную имперію, дальнѣйшее затворничество ея стало невозможно.

Что касается Японіи, она въ первое время съ распростертыми объятіями приняла европейцевъ. Но вскорѣ іезуиты заявили себя и дѣянія ихъ не могли укрыться отъ такихъ наблюдательныхъ судей, какъ японцы. Іезуиты, и съ ними всѣ христіане, подверглись преслѣдованію. Голландцы помогли японцамъ истребить своихъ торговыхъ враговъ, португальцевъ. Голландцы сдѣлали болѣе: они отреклись отъ названія христіанъ, чтобы удержать за собою японскую торговлю. Едва приставалъ въ Десимѣ голландскій корабль, какъ первымъ дѣломъ капитана и матросовъ было собрать всѣ церковныя книги, находившіяся на кораблѣ, сложить ихъ въ сундукъ, забить его гвоздями и отдать на храненіе японскому чиновнику. Только уѣзжая обратно, они получали свои книги. Крестъ и крестное знаменіе во время пребыванія на японскомъ берегу послужили бы поводомъ къ распрѣ.

---

[1]) *Journal Asiatique*, 1841, XI, 92.

Одинъ, или два голландскихъ корабля въ теченіе года впускались въ портъ Десимы. Всѣхъ прибывавшихъ голландцевъ тщательно осматривали. На одного европейца было по нѣскольку шпіоновъ и надсмотрщиковъ. Съ своего острова голландцы могли отлучаться на берегъ лишь на опредѣленные часы и съ разрѣшенія японскаго начальства. Ни одной европейской женщины не могло быть въ Десимѣ, и когда разъ начальникъ факторіи, Бломгофъ, привезъ съ собою жену и ребенка, изъ Іеддо пришло строгое предписаніе т-те Бломгофъ немедленно оставить факторію, что и было исполнено.

Даже родиться и умирать запрещено было на этомъ искусственно насыпанномъ островѣ, и мертвыхъ выносили тайкомъ изъ факторіи, чтобы не прослышали о томъ на сторонѣ [1]).

Островъ, пріютившій голландскую факторію, былъ, какъ извѣстно, искусственно устроенъ у Нангасаки. Тайкунъ велѣлъ „насыпать“ новый островъ для поселенія европейцевъ и когда его спросили, какую форму придать острову, онъ показалъ случившійся у него въ рукахъ вѣеръ. Форма вѣера и была придана острову.

На своемъ крошечномъ островѣ голландцы были какъ въ плѣну и въ тюрьмѣ, не смотря на сообщество японскихъ дамъ, которымъ былъ открытъ свободный доступъ къ иностраннымъ купцамъ. Періодическія странствованія голландскихъ капитановъ въ столицу тайкуна были сопряжены съ возмутительно унизительными подробностями для европейскихъ искателей японскихъ денегъ. Португальцы вывезли изъ Японіи массу золота. Голландцамъ даже японская мѣдь давалась съ такими испытаніями для народнаго и человѣческаго достоинства, что надобно дивиться, какъ даже голландскіе купцы могли выносить такое обращеніе.

Когда голландецъ, представлявшій подарки, являлся въ присутствіе тайкуна, голосъ выкрикивавшій „капитанъ Хоранда!“ (голландскій капитанъ), заставлялъ принесшаго дары опуститься на руки и ноги, и ползкомъ подвигаться впередъ и назадъ. Иногда японскіе аристократы и аристократки, а случалось и самъ тайкунъ, желали взглянуть, какъ европейцы ходятъ, маршируютъ, дѣлаютъ ружьемъ, какъ они танцуютъ, дерутся между собою,—и тогда несчастные искатели богатства на чужбинѣ должны были

---

[1]) *Oliphant*. Earl Elgin's Mission to China aud Japan, 16.

являться экспромтомъ солдатами, акробатами, боксерами—на потѣху японскихъ зрителей. Кемферъ замѣчаетъ о себѣ, что онъ при подобномъ представленіи тайкуну затянулъ для разнообразія нѣмецкую пѣсню.

Посмѣявшись и нашутившись надъ голландцами, японцы отпускали ихъ съ значительными подарками, но вмѣстѣ, конечно, и съ невольнымъ чувствомъ презрѣнія къ людямъ, которыхъ корысть заставляла быть посмѣшищемъ иноземцевъ.

Японія въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій почти отрекласъ отъ всякихъ сношеній даже съ Китаемъ. Но положеніе китайцевъ-купцовъ въ Японіи было все-таки сноснѣе, чѣмъ голландцевъ. Китай имѣлъ право отправлять ежегодно 10 джонокъ съ товарами въ Нангасаки и китайцы наживали отъ японцевъ огромныя суммы денегъ, которыя, впрочемъ, иные изъ купцовъ тутъ же, въ Нангасаки, и сорили, отдавая дань ярмарочнымъ нравамъ и тратясь иногда мѣшкомъ золота за одинъ поцѣлуй японской феи.

О китайскомъ поселеніи у Нангасаки мы имѣемъ свидѣтельство одного китайскаго путешественника, напечатанное въ переводѣ въ „Трудахъ“ русской духовной миссіи въ Пекинѣ [1]).

Надобно замѣтить, что, не смотря на близкое сосѣдство, въ Китаѣ почти ничего не было писано о Японіи. Китайская географія эпохи застоя только въ послѣднее время стала давать мѣсто описанію странъ, сосѣднихъ съ Срединною имперіею—Россіи, Аравіи и Индіи. Японіею естественно интересовались въ Китаѣ больше другихъ сосѣдей, но также очень мало. Ванъ-и-Цанъ, авторъ описанія путешествія, подъ заглавіемъ „Море въ рукавѣ“ (какъ у насъ выражаются „въ карманѣ“), первый сообщилъ китайцамъ подробности о ихъ небольшой факторіи въ Нангасаки. Въ прошломъ столѣтіи считалось въ нангасакскомъ китайскомъ подворьи 20 домовъ. Надсмотрщиками за магазинами были исключительно японцы. Японскій запретъ простирался только на христіанскія книги, а китайскихъ привозилось въ Японію много и японская знать наперерывъ старалась покупать ихъ, набивая свои комнаты иногда до потолка книгами, смысла которыхъ, говоритъ китайскій авторъ, она часто не понимала.

Китайскій авторъ касается нѣкоторыхъ отраслей промышленности Японіи, напр. приготовленія туши. Далѣе небезъинтересно

---

[1]) Цвѣтковъ, Труды, III, 146—175.

его наблюденіе, что слухъ у японцевъ изощренъ больше чѣмъ у китайцевъ, потому что японцы никогда не касаются ухомъ подушки, когда спятъ. Китайскій авторъ былъ пораженъ также недолговѣчностью японцевъ, у которыхъ 60 лѣтъ считается уже дряхлымъ возрастомъ и 70—80-лѣтніе старики почти вовсе не встрѣчаются. Здѣсь не лишнее прибавить, что свящ. Маховъ, посѣтивъ въ первый разъ Японію, былъ пораженъ малымъ ростомъ японцевъ, которымъ русскіе казались великанами, и замѣчастъ, что взрослый японецъ ѣстъ не больше нашего семилѣтняго. Тотъ же соотечественникъ нашъ говоритъ, что и домашнія животныя Японіи—коровы, волы, собаки также мелкой породы [1]).

Такъ Китай и Японія больше двухъ вѣковъ держались особнякомъ отъ остальнаго міра и другъ отъ друга. Японія, до 1634 г. сама отправлявшая корабли въ Сіамъ, Аннамъ и Манилью [2]), помнила, что она этою торговлею и благодаря португальцамъ, лишилась груда сѣребра и золота, и кромѣ мѣди съ тѣхъ поръ не отпускала металловъ въ Голландію.

Когда въ 1811 г. губернаторъ о. Іесо и сосѣднихъ острововъ предлагалъ открыть порты для сношеній съ иностранцами [3]), японское правительство, подъ вліяніемъ тѣхъ же опасеній, отозвало своего просвѣщеннаго сановника, найдя благовидный предлогъ отъ его поста и осталось при своей политикѣ отчужденія.

Китай же въ своемъ уединеніи не только не разставался съ серебромъ и золотомъ, но скоро, какъ мы видѣли, нашелъ средство пополнить свою казну драгоцѣнными металлами изъ Европы.

Средство это было—вывозъ чая.

Чай—игралъ видную роль въ поддержаніи сношеній Срединной имперіи съ Европою въ глухую пору китайской апатіи ко всему чужому. Чай въ Китаѣ пьютъ съ IV в. по Р. Х. Разсказываютъ что богдыхану Вен-ти разъ показалось, что злой геній перемѣнилъ ему черепъ. Богдыханъ выводилъ это изъ того что у него явились страшныя головныя боли. Буддійскій жрецъ объявилъ на это богдыхану, что одно средство избавиться отъ нихъ—пить чай. Богдыханъ будто бы поступилъ такъ, и не раскаялся. Чай у буддистовъ имѣетъ даже религіозное значеніе [4]). Лучшіе стихи ки-

---

[1]) Маховъ, Фрегатъ „Діана“, 54, 57, 58.
[2]) Nouveau Journal Asiatique, 1828, II, 16.
[3]) *De Rosny*. Etudes Asiatiques, 337.
[4]) *Ковалевскій* II, 123.

тайскаго богдыхана Цянь-Луна написаны на чашку чая. Китай не можетъ обойтись безъ чая и сдѣлалъ, что европеецъ также безъ него не обойдется. Китаецъ или пьетъ его, или жуетъ чайную эссенцію для утоленія жажды и пищеваренія. Въ 1638 г. русскіе послы хотѣли выкинуть „траву чай“, подарокъ отъ Алтынъ-хана русскому царю, но въ 1658 г. французъ — докторъ Жонке, уже называлъ чай „божественною травою“.

При манчжурской династіи безъ дозволенія правительства никто не смѣлъ продать и купить чая. Одна изъ главныхъ заслугъ буддистскихъ жрецовъ предъ Японіею — та, что они познакомили ее съ чаемъ.

Замѣчательно, что въ эпоху составленія первой китайской азбуки чай, подобно шелковицѣ, ячменю и пшеницѣ, еще не былъ извѣстенъ китайцамъ. Это заставляетъ предполагать, что чайный кустъ въ нынѣшнемъ состояніи есть не столько произведеніе природы, сколько культуры. Въ самомъ дѣлѣ японецъ, надѣвающій при сборѣ чая перчатки, удобряетъ землю подъ него сухою рыбою и выжимками изъ горчичнаго зерна. Китаецъ не менѣе рачительно воздѣлываетъ землю подъ чай. Пока чайные листья (болѣе нѣжные и ароматическіе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ) потеряютъ 70% своего вѣса при сушкѣ, заставятъ перетрескаться кожу на рукахъ работника и наконецъ опрыскаются эссенціею какихъ нибудь цвѣтовъ — принимаемою довѣрчивостью иныхъ европейцевъ за букетъ чая—китайцу много хлопотъ съ этимъ растеніемъ; но зато онъ получаетъ отъ него много и выгодъ, сдѣлавъ его „всемірнымъ“ напиткомъ—если заимствовать японское выраженіе.

Можно сказать, что чай болѣе всего сдѣлалъ Китай популярнымъ въ остальномъ мірѣ. Но китайцы, надѣляя имъ весь міръ, заботливо охраняли себя отъ вліянія этого міра, пока дальнѣйшее одиночество стало невозможнымъ.

Причина этой невозможности заключается не въ томъ только, что Европа хотѣла сблизиться съ Китаемъ. Здѣсь мѣсто указать на то, что самъ Китай волею - неволею долженъ былъ пойдти на встрѣчу европейскимъ желаніямъ.

Каждый читавшій «Путешествіе» Ковалевскаго припомнитъ слова наблюдательнаго туриста, что въ Китаѣ все рушится, дряхлѣетъ [1]). Тотъ же путешественникъ приводитъ еще болѣе знаме-

---

[1]) *Ковалевскій*. II, 23.

нательный фактъ, что въ Монголіи постоянно попадаются развалины городовъ и водопроводовъ [1]). Высокую стѣну города Сянь-хуа-фу, по его словамъ, заносятъ подвижные пески [2]). Припомнимъ при этомъ что записали въ своемъ дневникѣ китайцы-миссіонеры, посланные для розысканія въ центрѣ Китая древней еврейской колоніи [3]). Проѣзжая 1000 верстъ на сѣверо-западъ отъ Шанхая, они видѣли всюду картину запустѣнія по берегамъ Желтой рѣки. Напрасно думать, что это запустѣніе было временное, вслѣдствіе какихъ нибудь случайныхъ причинъ. Нѣтъ, видно было, что оно началось давно и представляетъ хроническое явленіе. Города и селенія запустѣли, жители разбѣжались. Отъ еврейской колоніи остались только одни жалкіе слѣды и населеніе жаловалось, что оно голодаетъ.

Итакъ, Китай дряхлѣетъ и старѣетъ, какъ дряхлѣли и старѣли въ старину Египетъ и Месопотамія. Не даромъ онъ мѣнялъ свои столицы и переносилъ резиденцію въ Си-янъ-фу, Нанкинъ, Пекинъ. Все говоритъ, что страна приноравливалась къ измѣнявшимся условіямъ, что мѣстности, прежде процвѣтавшія, приходили въ запустѣніе и уступали свое значеніе другимъ.

Самый застой Китая въ послѣднее время такъ живо напоминаетъ предсмертный застой древняго Египта и не даромъ поразительно сходство между двумя странами.

Но гдѣ же причина одряхлѣнія Китая?

Мы видимъ ее въ осушеніи страны, въ обезводненіи ея. Отсюда засухи и подвижные пески. Желтая рѣка когда-то впадала въ море девятью рукавами, потомъ тремя и, наконецъ, впадаетъ однимъ, до того занесеннымъ пескомъ и мелкимъ, что уже въ 1839 г. входъ въ нее для кораблей представлялъ большія затрудненія. Прежде она была втрое шире [4]). Портъ богатаго города Кан-фу, славившійся торговлею въ IX в., по „Великой географіи“ XVII ст. уже обмелѣлъ на столько, что потерялъ всякое значеніе [5]). Интересенъ фактъ о начавшихся опустошеніяхъ страны саранчею — очевидный результатъ превращенія части страны въ степь. Кантонскій китайскій губернаторъ долженъ былъ недавно

---

[1]) Ibid., I, 95.
[2]) Ibid., I, 119.
[3] Journ. of the Amer. Oriental Soc., III, 236.
[4]) *Journal Asiatique*, 1844, IV, 437.
[5]) *Ibid*, V, 40.

изобрѣсти слово для «зародившейся саранчи», еще не получившей крыльевъ [1]). Изобрѣтеніе новыхъ словъ въ стереотипномъ Китаѣ вещь почти неслыханная. Миссіонеры насчитываютъ, что едвали не всего шесть новыхъ словъ вошло въ китайскій языкъ съ классической эпохи. Значитъ, *надобно* было создать новое слово, и молодая саранча, очевидно, не была въ старину извѣстна въ странѣ, если языкъ не имѣлъ для нея слова.

Гдѣ же источникъ обезводненія Китая, очевидно, начавшагося уже давно и постепенно отнимающаго у земледѣлія болѣе и болѣе земли? Что производитъ во многихъ мѣстностяхъ Китая такія же перемѣны, какія послѣдніе вѣка принесли средней Азіи, превративъ въ степь недавно процвѣтавшія мѣстности?

Приписывать вырубкѣ лѣсовъ явленіе, какое мы видимъ въ Китаѣ, нельзя. Тамъ давно уже нѣтъ лѣсовъ, дерево дорого тамъ цѣнится и составляетъ такую рѣдкость, что каменныя зданія въ странѣ украшаются деревомъ какъ у насъ мраморомъ. Китай давно сжегъ каменный уголь вмѣсто дерева.

Мы видимъ причину постепеннаго уменьшенія влаги въ странѣ въ постепенномъ, но постоянномъ повышеніи ея почвы.

Существуетъ цѣлая масса свидѣтельствъ, что море все болѣе и болѣе отходитъ на востокѣ Китая отъ первоначальнаго берега. Огромныя пространства, прежде бывшія подъ водою моря, теперь сухи. Города, бывшіе прежде при самомъ морѣ, теперь вдали отъ него. Солончаки простираются на далекое разстояніе отъ береговъ, какъ слѣдъ отступленія моря. Берегъ обнажается на $^1/_7$—$^1/_8$ версты въ годъ и только въ глубокихъ мѣстахъ на югѣ въ 2,000 лѣтъ обнажился всего на 16 сажень. Тіен-цзинь прежде стоялъ у моря, какъ видно и изъ названія его: „Морской берегъ“; Только со временъ Марко-Поло и до 1710 г. этотъ городъ отдалился отъ моря на 50 верстъ [2]). Городъ, еще при династіи Минговъ бывшій портомъ, теперь въ 16 верстахъ отъ моря [3]). Что же это означаетъ — какъ скоро пониженіе уровня океана немыслимо—какъ не повышеніе материка?

И мы имѣемъ прямыя свидѣтельства объ этомъ постепенномъ поднятіи материка, на сѣверѣ Китая болѣе замѣтномъ, чѣмъ на

---

[1]) Journal ot the Amer. Or. S, II. 182.
[2]) Biot. *Journal Asiatique*, 1844, IV, 411—415.
[3]) *Ibid*. 421.

югѣ. Русло Желтой рѣки уклонилось на 5 градусовъ на югъ въ сравненіи съ прежнимъ. Всѣ работы китайскихъ инжиперовъ направлены на то, чтобы не дать рѣкѣ принять еще болѣе юго-восточнаго теченія. Повышеніе почвы во многихъ мѣстахъ Китая записано китайскими историками [1]).

Это поднятіе материка прямо объясняется вулканическою дѣятельностью, особенно сильно проявляющеюся въ Японіи и Японскомъ морѣ, но отражающеюся также въ Китаѣ и, конечно, болѣе въ сѣверномъ.

Воды рѣкъ должны естественно падать при повышеніи почвы въ сравненіи съ уровнемъ океана, влаги на поверхности земли становиться меньше. Искусственное орошеніе весьма обыкновенно въ Китаѣ, но оно возможно лишь когда вода подъ рукою, а когда рѣки мелѣютъ и отступаютъ отъ береговъ, когда страны, прежде еще имѣвшія нѣсколько естественной влажности, обсохли, самое искусственное орошеніе становится затруднительнымъ и потомъ невозможнымъ.

Обмеленіе «Великаго канала» пропитывающаго сѣверный Китай и Пекинъ южнымъ хлѣбомъ, можетъ быть приведено какъ одно изъ наглядныхъ доказательствъ всеобщаго обмеленія рѣкъ въ странѣ.

Ежегодно шли барки съ хлѣбомъ по этому каналу съ юга на сѣверъ. Почти непрерывный рядъ строеній дѣлалъ изъ береговъ канала, отъ Кантона до Пекина, какъ бы одинъ сплошной городъ. Оконченный еще при Кублай-Ханѣ, въ XIII столѣтіи, каналъ представлялъ олицетвореніе энергическихъ усилій инженернаго искусства воспользоваться всею водою, какою только можно было для поддержанія судоходства между югомъ и сѣверомъ имперіи. Сорокъ дней длилось плаваніе каравана съ хлѣбомъ по каналу. И не мудрено: тутъ не было перегрузки у шлюзовъ, а самыя суда переносились машинами съ одной стороны шлюза на другую.

Но всѣ усилія стали оказываться наконецъ тщетными. Каналъ иногда пересыхалъ [2]). Вода, которую такъ берегли, что не могли подумать отворять шлюзы—все болѣе изсякала. И наконецъ Китай очутился предъ вопросомъ: оставить сѣверъ имперіи и столицу безъ хлѣба, или начать привозить хлѣбъ моремъ?

---

[1]) *Journal Asiatique*, 1846, VII, 177.
[2]). Іакинѳъ. Описаніе Пекина, стр. VIII.

Кто не замѣтитъ сразу всей важности этой дилеммы для китайскаго правительства? Оставить Пекинъ безъ хлѣба было невозможно, но, съ другой стороны, что должно было статься съ китайскою замкнутостью и отчужденіемъ отъ иностранцевъ, когда хлѣбъ сталъ бы подвозиться моремъ. Развѣ два—три иностранныхъ корабля не держали бы тогда въ своихъ рукахъ продовольствіе Пекина? Надобно было или ладить съ иностранцами, или жертвовать продовольствіемъ населенія.

Этотъ вопросъ о привозѣ хлѣба въ Пекинъ моремъ, имѣющій такую очевидную политическую важность и вмѣстѣ раскрывающій намъ зло, изъ вѣка въ вѣкъ подтачивавшее страну—постепенное обсыханіе ея—былъ затронутъ архим. Палладіемъ въ „Трудахъ“ нашей пекинской миссіи [1])

Обсыханіе для громадной страны естественно имѣетъ не столь гибельныя и наглядныя послѣдствія, какъ для страны незначительной по пространству. Разнообразіе очертаній поверхности, сравнительная вышина однѣхъ мѣстностей и низменность другихъ (Китай—страна террасъ, какъ бы ступенями сходящихъ внизъ) дѣлаютъ то, что указанныя нами причины могутъ не вездѣ одинаково чувствоваться. Напротивъ въ иныхъ мѣстностяхъ то же обсыханіе почвы можетъ изъ болота сдѣлать пахатную землю и такимъ образомъ вознаградить за превращеніе въ степь сосѣдней мѣстности. Словомъ иногда до времени трудно замѣтить въ общемъ результатѣ вліяніе уменьшенія влаги. Но наконецъ должно же наступить время, когда обезводненіе дойдетъ до степени гибельной для страны.

Какъ кажется, нынѣшній Китай достигъ этой степени. За это говоритъ, кромѣ приведенныхъ обстоятельствъ, и быстрое распространеніе магометанства въ Китаѣ, какое мы видимъ въ послѣднее время. Магометанство—религія степей, постепенно охватившая всѣ мѣстности, гдѣ земледѣліе стало почти невозможнымъ по безводію. Религія—выраженіе жизни народа; религіозная обрядность—отраженіе уровня народнаго развитія и обстановки народной жизни. Магометанство—религія одряхлѣвшихъ народовъ, народовъ-старцевъ; она являлась въ странахъ, гдѣ доживали тысячи населенія вмѣсто прежнихъ милліоновъ.

Когда страна превращается въ степь, смолкаютъ живые голоса

---

[1]) Труды, III, 383.

въ природѣ. Нѣтъ пѣвчихъ птицъ, нѣтъ шума деревьевъ; все молчитъ. Молчаливъ и человѣкъ среди этой обстановки. Онъ не знаетъ поэзіи, музыки, пѣсни, танцевъ; живопись для него—грѣхъ; любовь превратилась въ животное чувство. Онъ угрюмъ и необщителенъ, потому что сношенія съ людьми въ рѣдкомъ населеніи оазисовъ рѣдки и трудны, но благотворителенъ, потому что безъ взаимной помощи скоро исчезли бы въ степи и эти остатки людей.

Таковъ магометанинъ вездѣ, таковъ и въ Китаѣ. Въ Китаѣ, говоритъ проф. Васильевъ, мосульманство какъ бы неожиданно выросло изъ земли, потому что никто не наблюдалъ за его успѣхами въ странѣ. Теперь мечети въ Китаѣ считаются тысячами; въ Пекинѣ 13 мечетей и жило въ послѣднее время до 20,000 мосульманскихъ семействъ. Цѣлыя деревни вокругъ Пекина заселены мосульманами. Въ Нанкинѣ и Кантонѣ множество мосульманъ. Китайскіе мосульмане вліятельны, и отдѣляя сороковой процентъ съ имущества въ пользу бѣдныхъ, не даютъ своимъ впадать въ нищету. Изъ нихъ есть не мало мандариновъ.

Мосульманство въ Китаѣ шло тѣмъ же путемъ, какъ и буддизмъ [1])—вѣрное доказательство того, какъ съ перемѣною обстановки народной жизни измѣнялись, въ однихъ и тѣхъ же странахъ, и религіозныя потребности.

Но конечно главное доказательство остепненія Китая заключается въ потокѣ эмиграціи, устремившейся изъ этой страны.

Китаецъ не любитъ покидать родной страны, для него самая мысль о томъ невыносима. Слѣдовательно, если онъ дѣлается эмигрантомъ, то къ тому принуждаетъ его тяжелая доля; значитъ его гонитъ нужда.

Китаецъ трудолюбивъ. Онъ занятъ семейными дѣлами и бесѣдами съ сосѣдями только ночью, потому что днемъ онъ въ полѣ, на работѣ. Въ этой работѣ онъ дѣятеленъ и подвиженъ; величайшая брань въ Китаѣ „черепаха“. Искони праздность считалась въ Китаѣ гнуснѣйшимъ изъ пороковъ. Если можно обработать клочекъ земли, китаецъ его обработаетъ. Онъ обработаетъ его, если даже нужно привезти на обломокъ скалы землю издалека. Китаецъ, подобно японцу, не брезгаетъ ничѣмъ годнымъ въ пищу и обращаетъ въ здоровое кушанье, даже корни и листья иныхъ деревьевъ. Все это объясняетъ густоту китайскаго населе-

---

[1]) Васильевъ. О движеніи магометанства въ Китаѣ, 10.

нія. Уже до Р. Х. Китай насчитывалъ 25 м. жителей. Если вѣрить китайскимъ статистическимъ даннымъ, число жителей въ странѣ то увеличивалось, то значительно падало, такъ что постояннаго, непрерывнаго приращенія не было. Напримѣръ за 2000 л. до Р. Х. число жителей показывается въ 13 м.; за 2 года до Р. Х.—60 м.; въ 57 по Р. Х. только 21 м.; въ 1606—46 м. [1]). Причиною такихъ колебаній, если опустить возможныя ошибки въ счетѣ, были, конечно, общественныя несчастія—чума, землетрясенія, также опустошительныя войны. При всемъ томъ однакоже самыя цифры должны приниматься съ осторожностью. Макартней, въ 1795 г., основываясь на сообщеніяхъ мандариновъ, насчитывалъ 150 м., въ томъ числѣ $2^1/_2$ м. живущихъ на водѣ. Теперь многіе насчитываютъ слишкомъ вдвое больше.

Китайское правительство всегда прилагало заботы объ умноженіи населенія. Было время, что взрослыя лица въ странѣ, не вступившія въ бракъ, платили штрафъ и притомъ такъ, что женщина платила въ пять разъ болѣе мужчины. Женщины, готовившіяся сдѣлаться матерями семейства, получали отъ правительства по три мѣры хлѣба и мужья ихъ на годъ освобождались отъ всѣхъ повинностей. Философъ Менг-цё говоритъ, что главный знакъ неуваженія къ родителямъ — невступленіе въ бракъ и неприобрѣтеніе потомства.

При искусственныхъ средствахъ для увеличенія цифры населенія неудивительно, что эта цифра росла. Въ прошломъ столѣтіи опредѣляли населеніе Китая въ 145—150 м., теперь иные доводятъ цифру населенія имперіи до 300—400 м. Населеніе должно было особенно умножиться съ 1711 г., когда разъ навсегда опредѣлено было число плательщиковъ податей, съ изъятіемъ всего будущаго населенія свыше этой нормы отъ поземельныхъ сборовъ.

Итакъ, не недостатокъ въ трудѣ и теріѣніи, не тяжесть податей гонятъ китайца изъ страны, гдѣ, по закону Конфуція, онъ долженъ хоть разъ въ годъ молиться на могилѣ отца, а причины не зависящія отъ людскаго произвола. И мы старались уяснить, въ чемъ заключаются эти причины.

Одинъ вопросъ о снабженіи сѣвернаго Китая хлѣбомъ, морскимъ путемъ, вмѣсто прежняго сухопутнаго, въ состояніи былъ,

---

([1] Труды русск. миссіи въ Пекинѣ, 266, 269, 270, 281.

по нашему мнѣнію, заставить Китай выдти изъ своего старческаго коснѣнія и не отказываться отъ сближенія съ Европою, и съ тою наукою, которая научила европейца бороться съ естественными препятствіями и преодолѣвать ихъ. Китай научитъ Европу терпѣнію въ трудѣ, научитъ извлекать изъ малаго многое; Европа и Америка, въ свою очередь, можетъ быть, помогутъ ему успѣшно бороться съ зломъ, подтачивающимъ самое его существованіе.

Какъ Китай самъ нашелся вынужденнымъ естественными обстоятельствами установить болѣе тѣсныя сношенія съ Европою и Америкою, такъ Японія была увлечена на тотъ же путь невольно за своимъ сосѣдомъ. Даже тутъ выразилась зависимость судебъ одной страны отъ другой, зависимость, примѣры которой видимъ постоянно въ исторіи этихъ двухъ странъ. Какъ скоро Китай увидѣлъ, что нужно проститься съ замкнутостью—Японія не могла оставаться вѣрною традиціонной политикѣ политическаго уединенія.

Соединенные Штаты, пріобрѣтя Калифорнію и широкую полосу берега Восточнаго океана, скоро вступили въ оживленныя торговыя сношенія съ Кантономъ. На пути ихъ судовъ въ Китай и обратно лучшею стоянкою были Сандвичевы острова. Но скоро опытъ показалъ, что для кораблей республики необходимы остановки также у японскихъ береговъ, особенно для нагрузки пароходовъ каменнымъ углемъ.

Въ 1852 г. сдѣланъ былъ президентомъ Штатовъ, Филлиморомъ, рѣшительный шагъ. Многочисленная эскадра была отправлена въ японскія воды, съ предписаніемъ во что бы ни стало открыть американской торговлѣ японскіе порты. Президентъ Филлиморъ, въ своемъ письмѣ къ тайкуну, увѣрялъ, что его посольство отправлено вовсе не съ миссіонерскими цѣлями и никакого отношенія къ религіозной пропагандѣ не имѣетъ[1]). Успокоивъ подозрительность японцевъ на этотъ счетъ, президентъ указывалъ, что Соединенные Штаты, съ пріобрѣтеніемъ Орегона и Калифорніи, отстоятъ отъ Японіи на 20 дней пути. что американскимъ кораблямъ на пути въ Китай нуженъ уголь и если высокій тайкунъ позволитъ своимъ подданнымъ открыть торговыя сношенія съ Америкою, то онъ, президентъ, строго обяжетъ своихъ согражданъ уважать обычаи страны.

---

[1]) Journal of the Amer. Orient. Soc., III, 493.

Результатъ этого посольства извѣстенъ. Тайкунъ съ удовольствіемъ принялъ модель желѣзной дороги и маленькій телеграфъ— подарки президента Штатовъ, и скоро подаренный телеграфъ уже былъ въ дѣйствіи на 6-ти-мильномъ разстояніи между дворцомъ тайкуна и жилищами его приближенныхъ. Желанія американцевъ исполнились, а Англіи, Франціи и Россіи оставалось лишь выговорить себѣ тѣ же льготы, какія даны были американцамъ.

Историческій бытъ Китая.

За три тысячи лѣтъ до Р. Х. китайцы еще строили шалаши на деревьяхъ и добывали огонь треніемъ двухъ кусковъ дерева одинъ о другой, но 300 лѣтъ спустя уже царствовалъ Янъ-ди, научившій подданныхъ сѣять хлѣбъ [1]).

За 2200 лѣтъ до Р. Х. Китай уже имѣлъ свою исторію. Учрежденіе брака, изобрѣтеніе письменъ и музыкальныхъ инструментовъ, первый календарь, первое развитіе ремеслъ, начало наукъ и искусствъ—относятся въ Китаѣ къ отдаленнымъ временамъ легендарнаго императора Фо-ги, котораго лѣтописи называютъ астрономомъ.

Европейскіе ученые находятъ, что успѣхи китайцевъ въ астрономіи были совершенно самостоятельны. Новѣйшая наука провѣрила показанія китайскихъ лѣтописей о солнечныхъ затмѣніяхъ и нашла ихъ хронологически совершенно точными. Лаплассъ признаетъ ихъ и самыми древними [2]).

Но дойдя до извѣстной степени просвѣщенія, Китай остановился. Съ тѣхъ поръ все должно было идти въ немъ по старому. Развитіе разъ выработанныхъ формъ жизни, впрочемъ—хотя медленно—продолжалось.

Съ тѣхъ поръ, какъ Китай началъ жить исторической жизнью, въ немъ царствуютъ императоры, какъ сыны неба, съ властью, не ограниченною ничѣмъ, кромѣ обычая и закона. Но каждый согласится, что это ограниченіе достаточное для того, чтобы не называть власти богдыхана даже самодержавною. Отъ

---

[1]) *Іакинфъ*. Китай, 129, 183.

[2]) *Laplace*, Exposition du système du monde II, 266.

воли его немного зависитъ. Онъ самъ первый рабъ обычая и еслибы хотѣлъ отступить отъ него, цензоры напомнятъ ему о томъ. Еслибы богдыханъ не воздалъ всѣхъ почестей своей матери, или даже мачихѣ, она можетъ жаловаться на него въ Обрядовую палату.

Конечно, деспотизмъ власти въ Китаѣ проявлялся, но то было въ отдаленныя времена и какъ случайное явленіе. Такъ въ III в. до Р. Х. богдыханъ Цинъ-ши-гоан-ти, побѣдивъ всѣхъ соперниковъ и соединивъ Китай подъ одной властью, велѣлъ уничтожить всѣ книги, существовавшія въ странѣ, и въ одной своей столицѣ закопалъ живыми въ землю 460 ученыхъ, не желавшихъ подчиниться этому повелѣнію [1]).

Земледѣліе—главное занятіе китайскаго народа, и императоръ идя за плугомъ во время ежегоднаго земледѣльческаго празднества въ странѣ, подаетъ примѣръ патріархальнаго сельскаго труда своимъ подданнымъ. Девять разъ ударивъ челомъ въ землю въ молитвѣ, обращенной къ Высшему существу, императоръ надѣваетъ крестьянское платье и полчаса работаетъ плугомъ. Затѣмъ всѣ высшіе чины по старшинству дѣлаютъ тоже. Императрица, супруга богдыхана—такая же покровительница шелководства. Въ ея комнатахъ разводятся и содержатся черви и мотается шелкъ. Золотая отдѣлка желтаго императорскаго плуга, великолѣпныя лошади, запряженныя въ него; золотой крюкъ для срыванія вѣтвей шелковицы въ красную коробку—дѣлаютъ изъ ежегодныхъ земледѣльческаго и шелководческаго торжествъ, конечно, одинъ только церемоніалъ, но онъ имѣетъ важное значеніе какъ почитаніе старины.

Общественность и гражданственность могли сохраниться въ Китаѣ въ теченіе вѣковъ безъ перемѣны въ особенности потому, что океанъ, спокойная Индія и восточная пустыня лучше воздвигнутой за 2 вѣка до Р. Х. «Великой стѣны» охраняли Китай отъ вліяній извнѣ. «Великая стѣна» построена была тѣмъ же самовластнымъ богдыханомъ, который хотѣлъ (хотя не успѣлъ въ томъ вполнѣ) сжечь всѣ китайскія книги. 400,000 человѣкъ трудилось надъ построеніемъ этой стѣны [2]); другіе утверждаютъ [3]), что трудились милліоны и только погибло въ работахъ 400,000 человѣкъ;

---

[1]) *Pauthier*. Mém. sur l'antiquité chin., 16.
[2]) Труды русской миссіи въ Пек., I, 201.
[3]) *Cantu*. Hist. universelle, II, 148.

но это, конечно, преувеличеніе. «Великая стѣна» тянется, по вычисленію Ковалевскаго [1]), на 5,000 верстъ и этому можно повѣрить, потому что она идетъ нерѣдко зигзагами и притомъ во многихъ мѣстахъ двойная и тройная. Она впослѣдствіи перестроивалась и въ XV в. на всѣмъ пространствѣ одѣта камнемъ и кирпичемъ. Внизу громадные камни, верхнія части покрыты кирпичемъ; въ серединѣ земля. Башни идутъ на стѣнѣ непрерывною цѣпью. Барроу, спутникъ Макартнея, вычислилъ, что на постройку Великой стѣны пошло камня и кирпича больше чѣмъ на всѣ постройки въ Англіи. Разсчитано, что изъ матеріала, пошедшаго на устройство этой стѣны, можно было бы построить стѣну — въ шесть футовъ вышины и 2 толщины, — которая охватила бы два раза земной шаръ.

Въ Великой стѣнѣ четверо желѣзныхъ воротъ: Даурскія, Тибетскія и т. д.

Великая стѣна — чудо Китая, которымъ онъ гордится, но въ сущности это безплодное сооруженіе, никого не охранившее и не защитившее. Только колоссальные размѣры ея поражаютъ европейца. Іезуиты переслали въ Европу нарисованное на шелкѣ точное изображеніе Великой стѣны на всемъ ея протяженіи.

Прошло не болѣе 12 лѣтъ со времени построенія Великой стѣны'' и гунны-завоеватели уже перешли черезъ нее [2]). Стѣна не высока (26 футовъ) и предназначалась, вѣроятно, болѣе для защиты отъ дикихъ звѣрей чѣмъ отъ ордъ завоевателей. Первыя сношенія Китая съ среднею Азіею относятся ко времени этого нашествія гунновъ. За два вѣка до Р. Х. китайцы перенесли къ себѣ виноградную лозу и грецкій орѣхъ съ Аму-Дарьи. Въ это время гунны, соединивъ всю Монголію подъ своею властью, наложили дань на Китай [3]). Съ тѣхъ поръ Китай часто подчинялся чужеземнымъ властителямъ и находится подъ властью ихъ теперь, но побѣдители обыкновенно принимали нравы побѣжденныхъ, какъ болѣе гражданскі развитаго племени.

Въ Китаѣ исповѣдывались издавна разныя религіи. Главныя изъ нихъ явились почти одновременно: въ VII и VI вв. до Р. Х. Религія первобытнаго разума (Тао) требуетъ убиванія плоти, самосозерцанія и, вѣроятно, заимствована изъ Индіи. Изъ Индіи

---

[1]) Путешествіе въ Китай, 101.
[2]) *Іакинѳъ,* Записки о Монголіи, 27,
[3]) *Іакинѳъ,* Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана, стр. XI.

же проникла сюда религія Будды, извѣстнаго подъ именемъ Фо. Но собственно государственною религіею считается Конфуціева.

Конфуцій, изъ царскаго рода, мудрецъ благоговѣйно чтимый китайцами до настоящаго времени, составилъ, на основаніи древнихъ преданій, 5 книгъ, знать которыя необходимо каждому образованному китайцу.

Окончивъ ученіе семнадцати лѣтъ отъ роду, Конфуцій былъ нѣкоторое время надсмотрщикомъ за продажею хлѣба у одного мандарина. Двадцати-четырехъ лѣтъ онъ—уже министръ земледѣлія, но затѣмъ надѣваетъ на три года трауръ по отцѣ и матери и удаляется отъ житейскихъ хлопотъ и заботъ. Это время онъ посвящаетъ на самообразованіе и затѣмъ путешествуетъ на телегѣ, запряженной быкомъ, съ возницею-ученикомъ, по всѣмъ областямъ Китая, чтобы лично ознакомиться съ ихъ бытомъ. Послѣ онъ является окруженный массою послѣдователей, изъ которыхъ выбираетъ 72 ученика и 12 изъ нихъ приближаетъ къ себѣ болѣе другихъ. Потомки его, въ знакъ уваженія къ памяти предка, отличаются отъ прочихъ китайцевъ желтыми поясами (желтый цвѣтъ—самый почетный въ Китаѣ). Религія Конфуція учитъ, что человѣкъ по существу своему совершенъ, и лишь уклоненіе отъ природы лишаетъ его чистоты; что награда добродѣтели — достаточна въ жизни. Поэтому ученія о загробной жизни и загробныхъ наградахъ и наказаніяхъ у Конфуція нѣтъ.

Конфуцій требовалъ отъ своихъ послѣдователей гуманности, справедливости, слѣдованія принятымъ обычаямъ, правоты, чистосердечія. «Я васъ ничему не учу — говорилъ онъ своимъ ученикамъ—все это было до насъ». Онъ говорилъ, что возстановляетъ хорошее изъ стараго и забытаго. 3000 учениковъ еще при жизни его распространяли его ученіе въ Китаѣ.

Конфуцій умеръ 75 лѣтъ.

Легенда говоритъ о встрѣчѣ его съ Лао-цзе, основателемъ религіи разума. Лао-цзе—значитъ „ребенокъ-старикъ“.—Это имя дано было философу, старавшемуся въ основу всего положить математическіе выводы (подобно тому какъ Конфуцій все построилъ на морали), потому, что онъ родился съ сѣдыми волосами—знакъ мудрости уже въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ гласитъ довѣрчивая легенда. Лао-цзе, бывшій императорскимъ библіотекаремъ, слышалъ о Конфуціѣ и, встрѣтясь съ нимъ, упрекалъ его за то, что тотъ безъ устали перерывалъ прахъ прошлаго. „Бери изъ современ-

лаго, примѣняйся къ окружающему" — было правило, которому слѣдовалъ Лао-цзе [1]).

Абель Ремюза не только видитъ въ ученіи Лао-цзе полное отраженіе ученій Пиѳагора и Платона, но и даетъ понять, что путешествіе китайскаго мудреца на западъ могло прямо привести его къ тому же источнику, изъ котораго черпали греческіе мудрецы [2]). Во всякомъ случаѣ ученіе Лао-цзе, вовсе не соотвѣтствующее китайскимъ пріемамъ мышленія и чуждое духу китайской житейской практичности, не привилось къ массѣ его соотечественниковъ. Ириссонъ полагаетъ, что Лао-цзе изучалъ индѣйское брамиство [3]) и, какъ кажется, въ немъ Индія впервые повліяла на Китай, открывая такимъ образомъ дорогу послѣдовавшему буддизму.

Сущность государственной — Конфуціевой—религіи Китая заключается въ слѣдованіи старому, установленному, и хотя богдыханъ — сынъ неба, и ему воздвигаютъ жертвенники какъ богу и падаютъ предъ нимъ ницъ, но и онъ не можетъ, какъ мы видѣли, уклониться отъ разъ предписаннаго, и за нимъ, въ этомъ отношеніи, какъ за его подданными, блюдутъ цензоры, на обязанности которыхъ лежитъ охраненіе установленныхъ законовъ и обычаевъ. Онъ даже болѣе своихъ подданныхъ рабъ установленнаго обычая: обѣдъ, ужинъ, даже кушанья, какія должны подаваться къ столу [1]), все опредѣлено и указано ему.

Виновникъ обоготворенія старины и обычая, Конфуцій, сначала не находилъ послѣдователей между властителями страны, но теперь и они, подобно своимъ подданнымъ, преклоняются предъ его памятью.

Религія Лао-цзе и, послѣ, буддизмъ распространились больше въ среднемъ кругу общества и въ низшемъ; буддизмъ же по преимуществу въ низшемъ. Религія Конфуція — религія политическихъ дѣятелей, государственныхъ лицъ Китая, и вообще наиболѣе образованнаго класса. Это китайская правительственная религія, если такъ можно выразиться, и не рѣдко можно встрѣтить китайца, который исповѣдуетъ двѣ религіи—религію Тао (Лао-цзе), или буддизмъ—какъ частный человѣкъ, и конфуціеву—какъ чиновникъ.

---

[1]) Архимандр. *Гавріилъ*, Исторія философіи, V, 60.
[2]) *Journal Asiatique*, III, 7, 11.
[3]) *Irisson*, L'ésprit Chinois, 16.
[1]) Ковалевскій, II, 40.

Конфуцій находилъ жаркихъ поклонниковъ и между европейцами. Это былъ дѣйствительно философъ понятный всѣмъ народамъ и притомъ многосторонне-развитый.

Говорятъ, Конфуцій такъ любилъ музыку, что заслушавшись мелодій сочиненія извѣстнаго китайскаго императора Шуна, потерялъ всякій вкусъ въ кушаньяхъ на три мѣсяца. Вообще о словахъ и дѣлахъ этого мудреца существуютъ цѣлыя „сунны“. Ученики такъ любили его, что когда учитель ихъ умеръ, они поставили шатеръ около его гробницы и три года провели вблизи дорогихъ останковъ, молясь и принося жертвы; а одинъ оставался даже шесть лѣтъ.

Правила, преподанныя Конфуціемъ, даютъ понятіе объ этой религіи, болѣе учащей какъ мы видѣли морали, чѣмъ сообщающей понятіе о божествѣ, имени котораго Конфуціемъ почти не упоминается. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ правилъ.

„Не исправлять своихъ недостатковъ, значитъ усвоивать новые“.

„Чтобъ не имѣть враговъ, будьте строги къ себѣ и снисходительны въ другимъ“.

„Умный человѣкъ любитъ одиночество, общества ищетъ глупецъ“.

„Самыя ошибки людей научаютъ различать хорошаго человѣка отъ дурнаго. Ошибки хорошаго человѣка проистекаютъ отъ переступленія границъ въ чувствѣ привязанности и благодарности. Ошибки дурнаго отъ избытка чувства ненависти и неблагодарности“.

„Знать какъ поступить справедливо и не поступать такъ — есть слабость“.

„Не имѣйте друга, по развитію стоящаго ниже васъ.

„Не досадуйте, что люди не знаютъ васъ, а сѣтуйте на свое незнаніе людей“.

„Учите всѣхъ, положеніе въ обществѣ не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи различія“.

„Всегда имѣйте въ виду свои обязанности, не забывайте никогда добрыхъ дѣлъ, и только если есть досугъ, занимайтесь искусствами“.

„Держаться должной середины—значитъ держаться должнаго. Люди рѣдко знаютъ это“.

„Человѣкъ по природѣ прямъ. Если онъ теряетъ душевную прямоту — онъ удаляетъ отъ себя счастіе“.

Когда Конфуція спросили: не слѣдуетъ ли воздавать добромъ за зло, онъ отвѣтилъ: а чѣмъ же тогда будете воздавать вы за

добро? Относитесь такъ, какъ къ вамъ относятся, и воздавайте добромъ за добро.

Другой разъ одинъ изъ учениковъ просилъ научить его умереть какъ должно. „Ты еще не научился какъ должно жить, отвѣчалъ мудрецъ. Научись этому и тогда будешь знать, какъ должно умереть.“

Когда его просили сказать, какое должно быть главнымъ правиломъ въ жизни, онъ отвѣчалъ: „Не поступайте такъ въ отношеніи другихъ, какъ бы вы не хотѣли, чтобъ поступали съ вами“.

Въ основу всѣхъ добродѣтелей Конфуцій полагаетъ почтеніе къ родителямъ. Въ Китаѣ было въ обычаѣ по смерти отца уничжать мать и даже отрекаться отъ нея — доказательство жалкаго положенія семьи въ странѣ. Конфуцій хотѣлъ поднять значеніе семьи. Самъ онъ былъ преданнымъ сыномъ своей матери.

Но Конфуцій впадаетъ иногда въ крайности.

Сыновнее почтеніе обязываетъ, по ученію Конфуція, человѣка „не жить подъ однимъ небомъ“ съ убійцею его отца. При жизни отца каждый китаецъ несовершеннолѣтенъ.

Замѣтимъ, что въ Китаѣ достоинство переходитъ не къ потомству, а отецъ награждается государствомъ за заслуги сына. Зато случалось, что отцы были и казнимы за преступленія сыновей.

Пять главныхъ книгъ Конфуціева закона — по преимуществу закона нравственнаго — содержатъ въ себѣ, впрочемъ, и обычныя у народовъ востока легенды о людяхъ, зачатыхъ отъ сіянія радуги, отъ луча звѣзды и т. д. Другая легенда передаетъ о первобытномъ деревѣ съ яблоками безсмертія, которое сторожилъ драконъ, имѣвшій видъ крылатой змѣи.

По всей вѣроятности это — заимствованія отъ индусовъ.

Первый человѣкъ, по китайскимъ преданіямъ, Тан-Вангъ, помѣщенный создавшимъ его Тіеномъ (Небомъ) на высокой горѣ, и пострадавшій по собственной оплошности, во всемъ обвинялъ первую женщину Тао-Се. Онъ сѣтовалъ на то, что женщина погубила его своимъ любопытствомъ.

Китай едвали не богаче книгами всѣхъ остальныхъ частей міра, вмѣстѣ взятыхъ. Сотни тысячъ сочиненій насчитываютъ въ немъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и литературы. Притомъ книги какъ въ немъ, такъ и въ Японіи, необыкновенно дешевы. Впрочемъ китайскія книги, даже изданныя въ Европѣ, обходятся дешевле европейскаго перевода ихъ, потому что въ китайской печати знакъ, соотвѣтствующій цѣлому слову, занимаетъ немного бо-

лѣе мѣста чѣмъ одна буква. или одинъ слогъ, въ европейскихъ языкахъ.

Болѣе сжатаго въ печати выраженія мысли чѣмъ какое представляетъ китайскій языкъ — нельзя себѣ вообразить. Въ типографскомъ отношеніи это громадная выгода. Мудреность и сложность начертаній, и съ другой стороны, какъ бы въ вознагражденіе, необыкновенная сжатость, дѣлаютъ китайскій языкъ труднымъ для письма, но выгоднымъ въ печати. Это именно по преимуществу языкъ печатный, а не письменный.

И такъ, Китай богатъ, очень богатъ книгами. Нѣтъ семьи въ немъ, гдѣ не нашлось бы по крайней мѣрѣ небольшаго календаря. Но нѣтъ книгъ болѣе чтимыхъ и распространенныхъ тамъ какъ такъ называемыя «книги закона», составленныя, или по крайней мѣрѣ окончательно пересмотрѣнныя, Конфуціемъ.

Съ Конфуціемъ и его книгами Европа достаточно знакома. Аміо [1]) особенно обстоятельно познакомилъ европейскихъ читателей съ произведеніями китайскаго философа. Іакинов сдѣлалъ тоже въ русской литературѣ, Шоттъ въ нѣмецкой, Ст. Жюльенъ переводилъ книгу обрядовъ „Ли-ки“, Левассёръ издалъ «Конфуція въ рукавѣ» (карманное изданіе).

Изъ древнихъ книгъ, редакторомъ которыхъ явился Конфуцій, книга *И-кингъ* представляетъ столь древній литературный памятникъ, что языкъ ея не могъ разобрать иногда самъ Конфуцій. Это метафизическо-философскіе выводы императора Фо-ги, въ которыхъ число 64 играетъ какую-то кабалистическую роль. Переводъ И-кингъ на французскомъ языкѣ появился въ Штудгартдѣ въ 1835 г.

Шу-кингъ самый замѣчательный памятникъ китайской древности. Это — бесѣды богдыхановъ съ министрами и другими лицами. Шу-кингъ полна афоризмовъ въ родѣ слѣдующаго: «Если кто противорѣчитъ вамъ хорошо:—поводъ взвѣсить лучше пользу и выгоду. Убѣждены ли вы въ чемъ-нибудь — тѣмъ больше обращайте вниманія на противоположные доводы.»

Изъ 100 главъ этой книги, къ сожалѣнію, остается только 58. Остальныя пропали во время всеобщаго сожженія книгъ въ Китаѣ богдыханомъ Цин-ши-гоан-ти. Бамбуковыя дощечки, на которыхъ написаны были китайскія книги въ III в. до Р. Х., такъ легко было сжечь по всему государству, что когда началась реставрація книгъ, то возстановить вполнѣ Шу-кингъ не было воз-

---

[1]) *Amiot.* Mémoires concernant les chinois, XII.

можности. Возстановленныя главы были прочтены наизусть однимъ старикомъ. Шу-кингъ была переведена въ 1770 г. Гобилемъ на французскій языкъ.

Легче было записать вновь 311 стихотвореній и пѣсень, собранныхъ въ книгѣ *Ши-кингъ*. Нашлись люди, знавшіе ихъ на память. Эти пѣсни и стихи были собраны богдыханами изъ желанія знать, что думаетъ и какъ говоритъ о нихъ народъ.

Легко было также возстановить *Ли-ки* — книгу о церемоніяхъ, потому что эти церемоніи были всѣмъ извѣстны. Китай уже въ то время дорожилъ своими 10,000 церемоній. Чтобы дать понятіе объ этихъ церемоніяхъ достаточно сказать, что напримѣръ если китаецъ пишетъ другому, то все для него опредѣлено заранѣе: на бумагѣ какого цвѣта, формата и достоинства написать къ тому или другому лицу, какъ написать — мелко, или крупнѣе (мелкій почеркъ — знакъ почтительности), какъ сложить листъ и вложить его въ два конверта (непремѣнно въ два, одинъ въ другой), какъ запечатать конверты. Словомъ, все предвидѣно; ничего не оставлено случаю, или произволу.

Чунъ-цзю — историческая, и историки Китая стараются обыкновенно подражать ея слогу.

Де-Курси [1]) замѣчаетъ, что зная 2,000 китайскихъ словъ, можно читать „книги закона“ Конфуція—такъ древній языкъ ихъ простъ. Тотъ же авторъ замѣчаетъ, что въ разговорномъ нынѣшнемъ китайскомъ языкѣ приходится употреблять не менѣе 4,000.

Могутъ-ли «книги закона» представлять дѣйствительно литературный памятникъ того отдаленнаго времени, о которомъ говорится въ нихъ, или онѣ представляютъ только позднѣйшія собранія сказаній о глубокой древности?

Редакція Конфуція не сохранилась въ неприкосновенности. Истребленіе книгъ въ III вѣкѣ до Р. Х. нанесло въ этомъ отношеніи большой ударъ изученію китайской старины. При всемъ томъ многое въ возстановленныхъ книгахъ ручается за древность ихъ.

Говорятъ: что приписывается въ нихъ министру Ю — не по силамъ одному человѣку. Ю — китайскій Геркулесъ, но въ образѣ сановника и министра. При немъ Китай еще страна варваровъ, которыхъ нужно цивилизовать. Образованное племя, колонизующее Китай, живетъ по низовьямъ Гоанго (Желтой рѣки), и такъ

---

[1]) *De-Courcy* L'empire du Milieu, 337.

какъ западъ Китая въ это время еще совершенно дикъ и жители его еще долго послѣ того жили въ пещерахъ, то предполагать движеніе колонизаціи съ арійскаго запада на востокъ Азіи невозможно. Ю жилъ въ то время, когда наводненіе, въ родѣ потопа, нанесло громадный ущербъ населенію Китая. Мы не станемъ говорить о „допотопной исторіи“ Китая [1]), но во всякомъ случаѣ въ эпоху Ю упоминается сильное наводненіе, когда много поврежденій нужно было исправить, прорыть каналы для стока воды, помочь пострадавшимъ жителямъ. Ю, по сказанію китайской исторіи, прорубалъ горы и разчищалъ для населенія обширные лѣса.

Очень можетъ быть, что въ подвигахъ Ю представлены дѣла многихъ. Младенческіе народы, какъ дѣти, любятъ выводить героевъ, въ которыхъ какъ въ фокусѣ, гигантское и чудесное сильно поражаетъ воображеніе, еще не выросшее до тонкихъ оттѣнковъ, до оцѣнки подробностей и до анализа. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, на главныхъ книгахъ китайской письменности лежитъ несомнѣнная печать древности. Конфуцій тщательно собиралъ древніе памятники, а всеобщая извѣстность его книгъ въ странѣ не оставляетъ сомнѣнія, что всякое искаженіе первоначальнаго текста въ возстановленныхъ памятникахъ послѣ сожженія книгъ не было бы допущено современниками.

И такъ книги Конфуція несомнѣнно представляютъ матеріалъ для оцѣнки древняго быта Китая. Посмотримъ какъ же этотъ бытъ рисуется въ одной изъ самыхъ популярныхъ книгъ «закона»— Ши-кингъ.

Съ содержаніемъ классическаго сборника пѣсень и вообще народной легкой литературы—Ши-кингъ—познакомилъ Европу Лешармъ. Біо (сынъ) подвергъ Ши-кингъ тщательному изученію съ цѣлью собрать изъ нея данныя о бытѣ Китая за много вѣковъ до Р. Х.

Позволимъ себѣ указать на главныя черты, приведенныя Біо [2]).

Народныя пѣсни и гимны нерѣдко называютъ Китай „страною черноволосыхъ“. Всѣ блондины, всѣ лица не съ черными волосами и глазами издавна считались въ Китаѣ за иностранцевъ. Бритье головъ было въ старину неизвѣстно въ странѣ и стало вводиться только съ воцареніемъ татарско-манчжурской династіи.

---

[1]) *Fortia.* Histoire antédeluvienne de la Chine.
[2]) *Journal Asiatique*, 1843, II, 310.

Древніе китайцы ходили въ одеждѣ, крытой леопардовымъ, или чаще лисьимъ мѣхомъ (климатъ Китая сходенъ съ нашимъ степнымъ — порядочные морозы зимой и сильные жары лѣтомъ). Шелковыя одежды разныхъ цвѣтовъ были вышиты разными узорами. Какъ теперь желтый, такъ тогда красный цвѣтъ былъ императорскимъ.

Лица высшаго класса обыкновенно носили серьги — мужчины какъ и женщины. Припомнимъ, что въ то же время въ древней Ассиріи мужчины носили браслеты и запястья на рукахъ, какъ это видно изъ памятниковъ, открытыхъ въ Хорсобадѣ.

Ши-кингъ не упоминаетъ ни о домашнихъ гусяхъ и уткахъ, ни о чаѣ, ни объ апельсинахъ, и потому полагаютъ, что во время ея составленія многія отрасли хозяйства еще не достигли своего полнаго развитія. За XII вѣковъ до Р. Х. въ западномъ Китаѣ люди жили еще въ пещерахъ и гротахъ. Дома' другихъ китайцевъ представляли хижины изъ земли и дерева. Лѣсовъ было тогда еще много. Собственно центромъ китайской жизни были берега Желтой рѣки, въ нижнихъ частяхъ ея теченія. Въ стороны отъ этого центра, особенно къ юго-востоку, жило долго много дикихъ, варварскихъ народовъ, страны которыхъ колонизовать стоило китайцамъ большаго труда.

Но замѣчательно, что уже въ то время военное дѣло представляетъ много сходнаго съ нынѣшнимъ и вообще рано сдѣлало большіе успѣхи. Войска шли съ музыкою и барабаннымъ боемъ, съ распущенными знаменами. Воины одѣты были въ кирасы и имѣли щиты. Луки, красиво выточенные изъ дерева, для сбереженія отъ сырости, окутывались шелковою тканью и клались въ мѣдныя ножны.

Барабанъ созывалъ иногда рабочихъ и на общественныя работы. Плотники, при постройкѣ домовъ, возбуждали себя къ работѣ такимъ же мѣрнымъ пѣніемъ какъ и наши.

Охота представляла много сходнаго съ тѣмъ, что теперь видимъ въ Европѣ. Звѣри почти все тѣ же, какіе теперь попадаются въ лѣсахъ Россіи. Охота была одиночная, или облавою, причемъ запаливали иногда траву вокругъ, чтобы выгнать звѣря.

Въ сельскомъ хозяйствѣ китайцы издавна обращали большое вниманіе на полотье сорныхъ травъ. Очищеніе полей отъ сорныхъ растеній считалось въ странѣ столь важнымъ дѣломъ, что относительно его издавались указы богдыхана и его же предписывали Конфуцій и Менг-це. Въ результатѣ было то, что въ Китаѣ давно

нѣтъ никакихъ паразитныхъ растеній на поляхъ. У китайцевъ, какъ у евреевъ, былъ обычай оставлять упавшіе колосья бѣднымъ вдовицамъ, сходившимся на поля во время жатвы.

Зато положеніе женщины прежде еще болѣе чѣмъ теперь походило на то, что видимъ въ Индіи. Для женщины считалось почетнымъ умереть вмѣстѣ съ мужемъ. По смерти мужа волоса женщины стриглись и она лишалась права выйти вторично замужъ.

Ши-кингъ живо изображаетъ разницу между рожденіемъ сына и дочери въ богдыханскомъ семействѣ. „Родился сынъ—его кладутъ на постель, кладутъ ему въ руки полу-скипетръ, обвиваютъ его тѣло красною тканью—владыка и хозяинъ родился! Родилась дочь — ее кладутъ на полъ, около нея должна лежать черепица. Что дѣвочка! — только научиться бы ей приготовлять домашнее вино, заниматься хозяйствомъ да не быть бременемъ для родителей“.

Черепица и теперь еще кладется китайцами около новорожденной дѣвочки—въ знакъ того, что главное занятіе ея приготовленіе домашнихъ тканей: прежде женщины, работая, обыкновенно кускомъ черепицы поддерживали пряжу.

Пословицы и поговорки, встрѣчающіяся въ Ши-кингъ, во многомъ напоминаютъ европейскія; такъ напр. „Благоразумный не говоритъ пустяковъ—у стѣнъ есть уши“.

Описанія женской красоты, очень частыя въ лирическихъ произведеніяхъ китайской хрестоматіи, напротивъ поражаютъ своеобразностью. Напримѣръ тонкая шея красавицы сравнивается съ бѣлымъ червемъ. Лицо мужчины-китайца того времени было красиво, если отливало совершенно краснымъ цвѣтомъ.

Изъ Ши-кингъ были сдѣланы извлеченія, въ переводѣ, Дюгальдомъ [1]).

Болѣе внимательное изученіе китайской исторіи должно показать, что Китай былъ учителемъ запада въ очень многихъ отрасляхъ наукъ и искусствъ. Защитники самостоятельности европейцевъ въ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ могли имѣть голосъ только въ эпоху слѣпой вѣры, что между Китаемъ и западомъ не было никакихъ сношеній. Какъ скоро уяснено, что съ самой отдаленной поры и до нашего времени сношенія Китая съ остальнымъ міромъ не

---

[1]) *Duhalde*, Description de la Chine, II.

прерывались — Европа должна признать себя во многомъ ученицею Китая.

Компасъ и артезіанскіе колодцы были извѣстны въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ. За одиннадцать вѣковъ до Р. Х. Китай имѣлъ понятіе о наклонности эклиптики. „Китайскій снѣгъ“, или „китайская соль“ (первоначальное названіе „селитры“ на западѣ Азіи) употребляется въ Китаѣ на выдѣлку пороха уже въ IV в. и если въ 1255 г. у монгольскаго властителя Китая была уже китайская артиллерія, то о пушкахъ упоминается въ Китаѣ еще въ X в. Въ 593 г. началось печатаніе китайскихъ книгъ досками, но въ XI в. работникъ Ши-чингъ [1]) изобрѣлъ составной печатный шрифтъ, такой же, какимъ печаталъ послѣ Гуттенбергъ. Въ Китаѣ, впрочемъ, скоро нашли, что дерево шрифта разбухаетъ отъ краски, и стали приготовлять шрифтъ „изъ глины“. Только іезуиты ввели въ Китаѣ мѣдный шрифтъ, которымъ и отпечатали не менѣе 6000 китайскихъ книгъ. Съ незапамятныхъ временъ въ Китаѣ, и давно въ ученицѣ его Японіи — всѣ грамотны, и, какъ разсказываетъ Головнинъ въ своихъ запискахъ, японцы очень дивились, видя, что русскіе матросы не умѣютъ читать. Каждый китаецъ, если только онъ не буддистскій жрецъ, не рабъ, и не актеръ, можетъ идти на экзаменъ, открывающій путь въ государственныя должности.

Буддистскій жрецъ составляетъ исключеніе, потому что его дѣло—религія и обученіе. Это по большой части сельскій учитель.

Рабы въ Китаѣ явились изъ плѣнниковъ и преступниковъ. Прежде преступниковъ дѣлали нерѣдко евнухами и заставляли работать при дворцѣ богдыхана; вообще же они обращались въ рабство. Если принять во вниманіе, что Китай въ старину велъ не мало войнъ и въ III в. дозволена была продажа дѣтей родителями — то не удивительно, что число рабовъ возросло. Впрочемъ, по единогласному отзыву путешественниковъ, положеніе китайскаго раба вовсе не печально. Съ нимъ обращаются хорошо, онъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ хозяевами, имѣетъ собственность.

Званіе актера — унизительно въ Китаѣ, а потому актеръ не можетъ экзаменоваться на государственную должность, хотя права этого не лишенъ цирюльникъ по дорогѣ въ Пекинъ, на экзаменъ, прокармливающій себя бритвою.

---

[1]) *Stan. Julien*, Comptes Rendus, 7 juin, 1847.

Грамотный Китай никогда не поддавался варварамъ-сосѣдямъ, хотя былъ побѣждаемъ и покоряемъ ими. Побѣдитель обыкновенно учился у побѣжденнаго и все оставалось по старому. Подъ 26 царствовавшими династіями и при 244 императорахъ много разъ переживалъ Китай трудныя времена, но не смотря на то, остался чѣмъ былъ. Побѣдителями явились въ Китай „гунны“ (кажется это китайское „гіун-ну“ — низкіе рабы), но грозные варвары явились и исчезли съ исторіи, а Китай все стоитъ. Наступили монгольскія орды. Онѣ шли на Китай съ такими же „колесницами грома“ (пушками) и „огненными баллистами“, какія были и у китайцевъ. Китай былъ покоренъ ими на 88 лѣтъ, но чѣмъ же рѣшили побѣдители - монголы? Тѣмъ, что „можно покорить страну, сидя на лошади, но управлять ею съ лошади нельзя“ [1]), и дѣло управленія поручено было китайскимъ ученымъ.

Являются наконецъ манчжуры, призванные въ Китай толпами самихъ китайцевъ — какъ варваровъ звали на Римъ сами же римляне. И манчжуры съ 1644 г. подчинились нравственному вліянію Китая.

Можно говорить, что высшій китайскій экзаменъ выдерживается лишь людьми съ деньгами, что залы „священныхъ совѣщаній“ видятъ теперь одну форму бесѣдъ правителей съ народомъ, и кимвалъ, въ который ударяютъ угнетенные, звучитъ нерѣдко на бѣду самихъ угнетенныхъ. Исключенія вездѣ были и будутъ. Но все-таки историческая незыблемость Китая — результатъ высокаго уровня народнаго развитія, и даже пыль дряхлости, покрывшая современный намъ Китай, не скроетъ правильности и грандіозности государственной машины, перемалывавшей нравственною силою варваровъ—враговъ и побѣдителей—въ слугъ и подданныхъ, подобно тому какъ Греція въ древности и Римъ въ средне-вѣковую эпоху духовно властвовали надъ своими побѣдителями.

---

[1]) *Гакинъ*. Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова, 154.

Знакомство Китая съ окрестными народами.

Застой Китая—дѣло нѣсколькихъ послѣднихъ вѣковъ, но и въ теченіе этого времени онъ далеко не былъ полнымъ. Окружающій міръ вліялъ на Китай—и вліялъ въ значительной степени—даже въ пору этого застоя.

Мы видѣли, что общеніе между востокомъ Азіи и остальнымъ міромъ существовало съ давнихъ поръ. Но можно торговать со страною и не знать ея, извлекать изъ нея выгоды и не имѣть о ней понятія. Въ этой главѣ мы коснемся вопроса: на сколько Китай зналъ окружающій міръ?

Китайскіе авторы давно знали Индію, Аравію, Персію, Россію. Есть доказательства знакомства китайцевъ съ евреями съ незапамятныхъ поръ. Даже о западной Европѣ Китай имѣлъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія чѣмъ можно было бы предполагать.

Припомнимъ, что Конфуцій говорилъ министру Пе [1]): «Я узналъ, что въ странѣ запада родится святой человѣкъ, который, не имѣя власти, прекратитъ безпорядки, не убѣждая — вызоветъ довѣріе, безъ переворотовъ—совершитъ великія дѣла. Никто не можетъ сказать его имени, но то знаю я, что это будетъ дѣйствительно святой мужъ.»

Это ожиданіе Мессіи китайскимъ мудрецомъ осталось бы необъясненнымъ явленіемъ, еслибы нельзя было привести свидѣтельствъ, что ожидаемый Мессія, по всей вѣроятности, тотъ же, котораго ждалъ народъ израильскій.

Говоря о библіи, Давидѣ и Соломонѣ [2]), китайская книга Куньлунъ

---

[1]) *Rémusat*. Notices des manuscrits de la Bibliothèque Royale, X, 487.

[2]) Труды миссіи въ Пекинѣ, III, 194—195.

юй-ту упоминаетъ, что Китай, въ эпоху Соломона, зналъ, что на западѣ живетъ благочестивый мужъ. Послѣдующее разсѣяніе народа израильскаго загнало часть евреевъ далеко на востокъ. Трудно сказать, когда именно явились первые евреи въ Китаѣ, но очень можетъ быть, что они проникли туда вскорѣ послѣ ассирійскаго и вавилонскаго разгрома ихъ царствъ. Въ такомъ случаѣ слова Конфуція: «я узналъ» прямо объяснятся его знакомствомъ съ народомъ, ожидавшимъ уже въ то время провозвѣщеннаго пророками Мессію.

Философъ Мен-цё, котораго называютъ китайскимъ Сократомъ, говоритъ, что люди ждутъ этого святаго какъ листья высохшіе на солнцѣ. Еврейскія селенія, явившіяся съ незапамятныхъ временъ въ центрѣ Китая (населенный евреями городъ Хай-фун-фу находится въ 1000 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Шанхая [1]), должны были ознакомить китайцевъ съ вѣрованіями Израиля. Повліяло-ли ученіе Моисея на самого Конфуція и его философію,— конечно предметъ для будущихъ изысканій. Но во всякомъ случаѣ не даромъ японское правительство въ XVII в., возставъ противъ христіанства, стало преслѣдовать и конфуціонистовъ «за сходство ихъ ученія съ христіанскимъ.» Если есть какая-нибудь связь въ конфуціонской морали съ христіанствомъ, то сближающимъ звеномъ между двумя религіями всего естественнѣе было явиться ветхозавѣтному ученію евреевъ.

Путешествіе мудреца Лао-цзе на западъ, въ эпоху Конфуція не могло не ознакомить китайскихъ ученыхъ съ преданіями и вѣрованіями евреевъ, еслибы даже сами евреи не явились въ Китаѣ. Интересно также, что китайцы и евреи едвали не одновременно дошли до понятія о вращеніи земли около солнца. Богдыханъ Кан-хи замѣтилъ, что китайскій ученый Чжу-се давно уже сравнивалъ землю по виду съ яичнымъ желткомъ. Китайцы представляли себѣ землю шаромъ, висящимъ въ воздухѣ и притомъ такимъ, который съ востока на западъ былъ шире чѣмъ съ сѣвера на югъ. Имъ было извѣстно и вращеніе земли около оси [2]).

Но еврейская книга Зогаръ и книга Іова, говорящая, что земля вертится «на петляхъ», прямо даютъ понять, что наслѣдники финикіянъ въ географическихъ свѣдѣніяхъ едвали не одновременно съ китайцами имѣли вѣрныя познанія въ математиче-

[1]) Journal of the Amer. Orient. Soc., III, 236.
[2]) *Girard*, II, 318, 325.

ской географіи. Жираръ, собравшій эти данныя о сравнительныхъ свѣдѣніяхъ китайцевъ и евреевъ, убѣжденъ, что Пиѳагоръ — родомъ еврей (какъ выражается французскій авторъ) и предполагаемый ученикъ пророка Іезекіиля [1]) — заимствовалъ свою теорію вращенія земли около солнца также у евреевъ.

Основываясь на словахъ Лапласа, что болѣе древнихъ астрономическихъ наблюденій чѣмъ у китайцевъ нѣтъ и что китайцы съ незапамятныхъ поръ сдѣлали успѣхи въ астрономіи,—можно предположить, что истинное понятіе о положеніи земли во вселенной сначала явилось у китайцевъ, потомъ перешло къ финикіянамъ и евреямъ, и затѣмъ было перенесено Пиѳагоромъ на западъ.

Во всякомъ случаѣ приведенное обстоятельство такъ же можетъ быть допущено какъ одно изъ доказательствъ ранняго общенія китайцевъ съ финикіянами и евреями.

Впрочемъ о сношеніяхъ между Китаемъ и евреями есть цѣлая литература [2]). Мы позволимъ себѣ лишь замѣтить, что все-таки звеномъ въ сношеніяхъ между китайцами и евреями были, безъ сомнѣнія, финикіяне, торговавшіе въ средней Азіи, на западной окраинѣ Китая.

Что касается сношеній Китая съ Индіею, то уже Ману упоминаетъ о выселеніи людей касты кшатріевъ (воиновъ) въ Китай. Предполагаютъ, что буддисты, принесшіе послѣ новую вѣру китайцамъ, были также изъ касты кшатріевъ. Спутникъ Макартнея, Стоунтонъ, доказывалъ древность сношеній Китая съ Индіею сходствомъ календаря въ той и другой странѣ. Намъ кажется нелишнимъ упомянуть тутъ, что И-кингъ, мистико-алгебраическая книга китайскаго богдыхана Фо-хи, трактующая о числѣ «64», должна быть поставлена въ параллель съ Риг-Ведою, называющеюся иначе «64» и своимъ раздѣленіемъ на столько же частей заставляющею думать, что этому числу приписывалось особенное значеніе также и у древнихъ индѣйцевъ. Но, конечно, прочною связью между Китаемъ и Индіею является только буддизмъ.

Въ I-мъ вѣкѣ нашей эры, именно вскорѣ по рожденіи Спасителя, китайскому богдыхану Минг-ти былъ сонъ [3]), что на западѣ явился святой человѣкъ, о которомъ писалъ Конфуцій. Бог-

[1]) Girard, II, 325.
[2]) Перечисленіе книгъ у Cantu, II, 156.
[3]) Journal of the Amer. Or. S., II, 166.

дыханъ отправилъ на западъ посольство. Перехваченное буддистами, увѣрившими китайцевъ, что именно ими проповѣдуется ученіе о воплощеніи божества, посольство вернулось съ жрецами Будды въ Китай, и съ тѣхъ поръ буддизмъ сталъ постепенно распространяться въ восточной Азіи.

Въ историческомъ отношеніи буддизмъ играетъ роль нравственнаго союза, скрѣпившаго большую часть народовъ Азіи. «Нѣтъ религіи, послѣ христіанства — говоритъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ оріенталистовъ,—которая принесла бы столько пользы человѣчеству, сколько буддизмъ» [1]). Жрецы Будды—главные распространители положительныхъ знаній въ народѣ, они медики, учителя. Они въ Японіи были капитанами кораблей, поддерживавшихъ сношенія съ Китаемъ. Есть даже свѣдѣнія, что буддистскіе бонзы предпринимали задолго до появленія европейцевъ на востокѣ Азіи—именно въ V вѣкѣ—путешествія къ Камчаткѣ и даже къ американскому берегу [2]), хотя послѣднее не можетъ быть положительно доказано.

Буддистскіе жрецы дали толчекъ апатіи востока, пробудили его и влили въ китайско-японскій народный бытъ долю энергіи и подвижности индо-европейской расы.

Съ распространеніемъ буддизма распространилось и изученіе санскрита въ восточной Азіи. Даже изъ японцевъ являются знатоки санскритской литературы. Въ Китаѣ появились санскритскіе словари и переводы съ санскритскаго. До послѣдняго времени въ Пекинѣ существовала особая типографія для печатанія санскритскихъ священныхъ книгъ [3]). Для санскритской письменности китайцы создали даже особую фонетическую азбуку изъ 36 согласныхъ буквъ и 108 (по числу священныхъ буддистскихъ книгъ) гласныхъ и двугласныхъ.

Замѣчательно, что завоеваніе Китая въ XIII ст. монголами было новою связью, скрѣпившею Китай съ Индіею. Съ монголами-завоевателями явились толпы буддистскихъ жрецовъ, и съ того времени буддизмъ сталъ быстрѣе прежняго распространяться въ китайскомъ населеніи.

Особенно важны въ исторіи сношенія, существовавшія между

---

1) *Klaproth*. Asia polyglotta, 385.
2) Journal Asiatique, X, 393.
3) *Іакинѳъ*. Описаніе Пекина, 41.

Персіею и Китаемъ до утвержденія магометанскаго владычества. Только когда мосульмане въ 758 г. напали на Кантонъ [1]) и стали на границахъ Китая въ средней Азіи — связь между Персіею и Китаемъ была порвана.

Персидскіе историки упоминали о книгопечатаніи у китайцевъ очень давно [2]). Законодательство Китая и Персіи до мосульманъ представляетъ много сходныхъ чертъ. Особенно это можно сказать о Китаѣ при династіи Чеу [3]).

Сношенія Китая съ Персіею поддерживались благодаря еще древнему торговому пути — отъ Китая къ Аму-Дарьѣ и оттуда къ Каспійскому морю [4]), по рукаву Аму, пересохшему, какъ извѣстно, не раньше XIII вѣка [5]). Но китайцы достигали Персіи и другимъ путемъ. Посѣщая Бенгалію, Цейлонъ и въ VI вѣкѣ устье Инда [6]), они доплывали до Персидскаго залива [7]). Въ VIII вѣкѣ, при династіи Танга, Китай имѣлъ съ Персіей постоянныя сношенія.

Впослѣдствіи арабы смѣшили персовъ въ сношеніяхъ Китая съ западомъ и едва эти сношенія стали слабѣть, какъ явились монголы, покореніемъ странъ Азіи и Европы снова связавшіе востокъ съ западомъ.

Вообще можно сказать, что связь между Китаемъ и остальнымъ міромъ никогда не прерывалась и напрасно думать, что даже при манчжурской династіи Китай забылъ Индію и Европу. Напротивъ шесть послѣднихъ вѣковъ въ Пекинѣ существовала школа для изученія западныхъ языковъ и печатались многоязычные словари. Европа, вѣрившая въ китайское невѣжество и незнаніе Европы, была удивлена, когда Ремюза сдѣлалъ въ 1811 г. это открытіе [8]).

Тѣмъ не менѣе эпоха трехъ послѣднихъ вѣковъ для Китая— все же эпоха сравнительнаго затворничества.

Благодаря этому затворничеству, познанія Китая въ современной политической географіи не обширны и довольно спутаны. Значительной части китайцевъ до нашего времени, безъ сомнѣнія,

---

[1]) *Васильевъ*, 11.
[2]) *Stan. Julien* въ Comptes Rendus, 7 Juin, 1847.
[3]) *Journal Asiatique*, 1837, III, 250.
[4]) *Ibid.*, V, 217.
[5]) *Ibid.*, 1826, VIII, 498.
[6]) *Journal As.*, VIII 1846, 140.
[7]) *Klaproth.* Sur l'origine de la boussole, 95.
[8]) *Mélanges Asiatiques*, II, 229.

приходится довольствоваться географіею «Ли-минг-че», изданною въ Кантонѣ въ 1820 г., съ одобренія кантонскаго китайскаго вице-короля и съ его рекомендаціею [1]).

Посмотримъ, что заключалъ въ себѣ этотъ, рекомендованный какъ лучшій, китайскій учебникъ географіи.

Составленъ онъ былъ по географіи одного португальца, изданной два вѣка назадъ. Въ результатѣ была масса анахронизмовъ, и китайскій авторъ серьозно убѣждалъ своихъ читателей, что Португалія и Испанія — самыя сильныя государства Европы.

Китайскій авторъ называетъ государства и мѣстности Европы и прочихъ частей свѣта, конечно, сообразно съ китайскимъ выговоромъ словъ, такъ что иногда настоящаго названія и не доберешься.

Такъ у него исчислены Фу-тао-ія (Португалія), Си-пан-ія (Испанія), Фу-ланг-ки (Франція), Инг-ку-ли (Англія), Ну-лу-ши-се (Пруссія), Іе-ейл-мани (Германія) Мин-ніан-чипъ (Венеція), О-ло-су (Россія).

Италія едвали не единственная страна въ Европѣ, названная на китайской картѣ совершенно правильно. Римъ названъ Лома (на иныхъ китайскихъ картахъ стоитъ также Нома). Въ южномъ Китаѣ звуки *л*, *н* и *д* не рѣдко употребляются одинъ вмѣсто другаго и потому на картѣ Ли-минг-че Парижъ названъ не Пали, какъ слѣдовало бы ожидать при обычной замѣнѣ у китайцевъ *р* звукомъ *л* — а Пани.

Китаецъ, бывшій въ 1813 г. въ Англіи [2]), называлъ Англію Инглунь и Францію — Фол-анг-ссе.

Страны Азіи и Африки не точнѣе названы на картѣ Ли-минг-че. Образцомъ могутъ быть Алимія (Арабія, Аравія) (*б* и *м* китайцами смѣшиваются), Вентусутанъ (Индостанъ), Панг-га-ла (Бенгалія). Мао-ла-мао-ли (Варварія).

Ошибокъ на картѣ, приложенной къ книгѣ, бездна. Такъ Португалія показана въ двухъ мѣстахъ, Германія (страна рыжихъ варваровъ, по замѣчанію китайскаго географа) слита съ Голландіей, Данія и Австрія смѣшиваются, владѣнія Венеціи показаны, по смутнымъ средневѣковымъ воспоминаніямъ, чуть не до Кавказа; Босфорскаго залива нѣтъ, и Черное море представлено отрѣзаннымъ отъ Средиземнаго, По-ло-нія (Польша) занимаетъ очень видное мѣсто, а О-ло-су (Россія) отодвинута въ Азію къ Сѣверному океану.

---

[1]) Journal Asiatique, X, 481 и слѣд.

[2]) О немъ у Cantu, II 458.

Два вѣка назадъ католики-миссіонеры, конечно, лучше знали Польшу, чѣмъ Россію, но китайская карта издана была, когда Польши, какъ государства, уже не было, а Россія вела обширный торгъ съ Китаемъ.

Интересна номенклатура русскихъ мѣстностей и тѣмъ болѣе, что напр. въ Сибири на китайской картѣ названо не мало городовъ.

Во-первыхъ Сибирь въ китайскомъ выговорѣ — Сиилія, Толосеки и Нипушу должно читать Тобольскъ и Нерчинскъ. Тутъ уже, какъ видимъ, дѣло не въ выговорѣ, а просто не разобраны китайцемъ названія, найденныя на европейской картѣ и написанныя какъ нибудь. Кань-ца-кха (Камчатка) звучитъ нѣсколько менѣе странно, Ка-за-ке (названіе киргизской степи)—уже почти вѣрно.

Впрочемъ, передавая китайскую фонетику чужихъ словъ, не слѣдуетъ впадать въ преувеличеніе, подобно тому американскому автору, который увѣряетъ, что китайцы называютъ Францію — Фат-лан-сай, Англію—Инг-кат-ли-квокъ и Россію Нго-лос-квокъ [1]). Тутъ намѣренное, или не намѣренное, искаженіе, потому, что *кв* значитъ по-китайски „народъ," и вовсе къ самому выговору названія не относится.

Изъ всѣхъ частей свѣта Америкѣ (Милико) посчастливилось болѣе другихъ сохранить имена своихъ государствъ и областей въ менѣе искаженномъ видѣ на китайской картѣ.

Изъ древне-китайскихъ названій въ географіяхъ, передѣлкахъ съ европейскаго, сохранилась только *Ливія* — древнее названіе Африки. Древняго названія Египта—Мисръ, употреблявшагося въ Китаѣ, въ новѣйшихъ картахъ уже не встрѣчаемъ.

Послѣ войны съ англичанами за ввозъ опіума китайцы убѣдились, что нужно ближе узнать „западныхъ варваровъ". Географія Вейюена, вышедшая въ 1844 г. [2]) представляетъ поэтому нѣсколько небезъинтересныхъ нововведеній.

Названія странъ востока узнаются въ этой географіи безъ труда. Таковы: Пассе (Персія), Аланія (Аравія), Ютеія (Іудея), Гулуки (Турки), Амассени (Абиссинія). Еулопа (Европа) и Ліуія (Ливія, Африка) — также не представятъ затрудненія. Менгмай (Бомбей) напротивъ уже говоритъ о трудности выговора иноѣй-

[1]) Journal of the Amer. Oriental Society, II, 181.
[2]) *Journal Asiatique*, 1847, IX, 523—524.

скихъ названій для китайца. Какъ китаецъ передѣлалъ „Брама“ въ *Фалама* и „Будда“ въ *Фотъ*, такъ индѣйскіе звуки и въ географическихъ названіяхъ для китайца неодолимы.

Но конечно съ европейскими названіями мѣстностей китайцу справиться было еще труднѣе, тѣмъ болѣе, что китайскій авторъ руководился англійскимъ произношеніемъ, которое также въ своемъ родѣ — фонетическая передѣлка.

Германія дала много хлопотъ китайскому географу, который не знаетъ какъ ее назвать— Ямани, Мюсльманъ, или Алиманъ. Тутъ слышится и Germania, и англійское Germany и французское Allemagne. Міяльшигишъ (Бельгія), Еусайтилаіо (Австрія), Нгелизи (Греція)—положительно неузнаваемы безъ комментарія. А почему Данія — Инглемалукія, этого, конечно, не объяснитъ никакой переходъ звуковъ. Это, вѣроятно, такая же ошибка, какъ смѣшиванье на китайскихъ картахъ Чернаго моря съ Мертвымъ. Правда, послѣдній слогъ „малукія“ напоминаетъ, Danemark, но первый все-таки остается загадкою. Сушшаланъ (Швейцарія, Switzerland), Секолань (Шотландія, Scotland), Айлунтао (Ирландія, Ireland) объяснимы только англійскимъ выговоромъ этихъ названій.

Пруссія пишется Полоссе и Пулуссе. Исчисляя вѣроисповѣданія Европы, китайскій авторъ называетъ католическое (кіателикіао), протестантское (полотессетунъ), даже лютеранское (лутилань), но почему-то Пруссію причисляетъ къ іудейскому (су).

Россіи отведено видное мѣсто въ географіи Вейюена. Не только упоминается цѣлый рядъ городовъ царства Оллоссе: Тумуссе (Томскъ), Товели (Тобольскъ), Якуса (Якутскъ), но даже названы подраздѣленія государства: Великая Россія (Та-Олоссе), Малороссія (Сіао Олоссе), Западная Россія (Си-Олоссе); есть даже восточная Россія (Тонг-Олоссе). Сибирь также показана съ подраздѣленіями; такъ западная Сибирь названа Си-Сипилія (уже не Симилія, какъ прежде). Камчатка названа Канчакія.

Китайскій географъ говоритъ и о желѣзныхъ дорогахъ Европы; локомотивъ у него хо-че (огненная колесница). Америкѣ посчастливилось и въ этой географіи. Мѣстности ея названы довольно сносно: Месико, Чили, Полу; только Бразилія превратилась въ Песіель. Невольно приходитъ на мысль, что сходство, замѣчаемое въ строеніи и направленіи горъ Китая и американскихъ Кордильеровъ вмѣстѣ съ сходными чертами въ фаунѣ того и другаго берега Восточнаго океана, быть можетъ отражается и на сходномъ устройствѣ органа рѣчи у китайца и американскаго туземца.

Вспомнимъ слова Ши-кингъ, что красный отливъ кожи когда-то считался въ древнемъ Китаѣ признакомъ мужской красоты—и рядъ сходныхъ чертъ между жителями двухъ береговъ Восточнаго океана еще болѣе увеличится.

Что касается Японіи, своей сосѣдки, Китай изучалъ ее мало, и, какъ кажется, изъ презрѣнія. Китайцы убѣждены, что японцы—потомки китайскихъ выселенцевъ, бѣжавшихъ преступниковъ. Китай всегда велъ себя гордо въ сношеніяхъ съ Японіею. Онъ помнилъ, что первый японскій микадо Зин-му первый же въ странѣ построилъ домъ: японцы жили въ пещерахъ, когда Китай достигъ уже высокой степени развитія; собственно дворецъ („Міако“—послѣ названіе города) явился въ Японіи лишь въ VIII вѣкѣ по Р. Х., при микадо Куан-му, обратившемся въ буддистскую вѣру. Даже не Китай, а Корея распространяетъ китайское образованіе въ Японіи; Корея посылаетъ державу, зеркало (разбившееся отъ жару, но послѣ склеенное) и мечъ [1]) — какъ знаки царскаго достоинства — микадо, и послѣ шлетъ ему же кумиръ Будды и книгу буддистскаго ученія. Впрочемъ, когда японцы отправили посольство къ богдыхану съ просьбою о присылкѣ имъ людей ученыхъ и искусныхъ въ письмѣ, китайское правительство не отказалось принять своихъ восточныхъ сосѣдей въ вассальную зависимость и послало микадо знаки королевскаго достоинства. Но когда японскій микадо въ грамотѣ къ богдыхану позволилъ себѣ сказать: „Повелитель страны восходящаго солнца къ повелителю страны солнца западающаго“, то богдыханъ Янг-ти отказался дальше слушать чтеніе [2]) — такое сопоставленіе для богдыханскаго достоинства было унизительно.

Китай смотрѣлъ на Японію, какъ на страну нищую, въ произведеніяхъ которой онъ считалъ унизительнымъ нуждаться, и если свѣдѣнія о Японіи проникли въ Китай, то преимущественно благодаря корейцамъ и японскимъ выходцамъ, поселившимся въ Китаѣ, такъ какъ послѣднихъ, особенно въ старину, было не мало.

---

[1]) *Dixon*, 28.
[2]) Preussische Expedition, 22.

Участіе Японіи во всемірно-историческихъ событіяхъ.

Когда Колумбъ собирался плыть на западъ, въ невѣдомую даль Атлантическаго океана, его манила отдаленная *Зипангу*, нынѣшняя Японія, уже отмѣченная на первомъ глобусѣ Бегайма (сдѣланномъ въ годъ открытія Америки, въ 1492 г.), но въ которой никто изъ европейцевъ еще не былъ. Баснословные разсказы передавали о ея 7,456 пряныхъ островахъ, но на какомъ языкѣ говорили жители этихъ острововъ, никто не зналъ, и Колумбъ взялъ на всякій случай съ собою переводчика, знавшаго арабскій, халдейскій и еврейскій языки. Открывъ Кубу, Колумбъ думалъ, что нашелъ Зипангу. О Зипангу знали по слуху, о ней упоминалъ Марко-Поло въ концѣ XIII вѣка, но самъ Марко-Поло не могъ проникнуть туда изъ Китая, послѣ того какъ Японія съ негодованіемъ отвергла требованіе Кублай-хана покориться, и не допустила монгольскій флотъ, вышедшій изъ Китая, высадить на своемъ берегу десантную армію. Два мѣсяца безплодно крейсеровали монголы у японскаго берега. Море спасло Англію Великаго океана отъ монгольскаго порабощенія.

Надобно замѣтить, что, утвердясь въ Китаѣ, Кублай-ханъ зналъ, что Японія безопасна за своею охраною—моремъ, и потому сначала прикинулся философомъ. Онъ послалъ сказать японскому императору, что истинный философъ не можетъ не желать соединенія всѣхъ народовъ подъ одною властью, и потому его другу, японскому владыкѣ—всего лучше отдать свое государство ему — Кублаю. Японскій императоръ былъ однако совершенно другаго взгляда на философскіе выводы. Затѣмъ, попытка завладѣть Япо-

піею силою не удалась, тѣмъ болѣе, что угрожаемой странѣ помогли обычные гости у ея береговъ—тифоны. Три экспедиціи посылалъ Кублай-ханъ противъ Японіи. Во вторую погибло, какъ говорятъ, 240,000 человѣкъ, посланныхъ на 4000 парусныхъ судовъ. Флотъ завоевателей, вышедшій изъ разныхъ портовъ Китая и Кореи, долженъ былъ соединиться у японскихъ береговъ, но, встрѣченный японцами и пострадавъ предъ тѣмъ отъ бурь, былъ весь уничтоженъ. Изъ 30,000 человѣкъ, успѣвшихъ высадиться на японскомъ берегу, только трое были оставлены въ живыхъ и отосланы обратно въ Китай съ вѣстью объ участи армады Кублай-хана.

Японцы возблагодарили бога вѣтровъ, которому уже прежде былъ построенъ у нихъ храмъ. За своимъ нелюдимымъ моремъ Японія чувствовала себя безопасною отъ враждебныхъ вторженій. И точно, по разсказамъ и описаніямъ всѣхъ путешественниковъ, нѣтъ моря, въ которомъ рѣзкая смѣна вѣтровъ и безпрестанные смерчи были бы такъ опасны какъ въ Японскомъ. Эта особенность моря при скалистыхъ, изрытыхъ и опасныхъ берегахъ, играла важную роль въ исторіи японскихъ острововъ. Она—одна изъ существенныхъ причинъ историческаго отчужденія Японіи отъ остальнаго міра, хотя и не пресѣкала мирной періодической колонизаціи острововъ съ материка.

Мы видимъ такимъ образомъ, что монгольскому хану сначала кажется очень естественнымъ ожидать, что Японія безъ боя отдастъ себя въ распоряженіе властителей Китая. Ожиданіе это имѣло основаніе. Китайцы, и отчасти сами японцы, считали искони Японію чѣмъ-то въ родѣ вассальной области Китая. Даже названіе «Зипангу» — (въ передѣлкѣ «Японія») китайское — оно значитъ «страна утренняго свѣта»—такъ какъ Японія для китайцевъ—*восточная* страна.

Японія получила свою гражданственность отъ Китая. Полагаютъ, что первый японскій императоръ Зин-му, издавшій законы и введшій календарь, былъ выходецъ изъ Китая [1]). Японцы, подобно китайцамъ, высоко чтутъ Конфуція. Конфуціево ученіе на ихъ языкѣ называется „сіу-то“ (дорога ученыхъ). Глубокая древность сношеній Японіи съ Китаемъ и заимствованій у послѣдняго доказывается и тѣмъ, что въ числѣ 150,000 книгъ въ іеддской

[1]) *De Rosny*. Etudes asiatiques, 2—3.

библіотекѣ тайкуна находится не мало китайскихъ библіографическихъ рѣдкостей —китайскихъ сочиненій, которыя трудно найти въ самомъ Китаѣ—этомъ «книжномъ архивѣ» по преимуществу. При всемъ томъ, японцы ненавидятъ китайцевъ и для нихъ ничего нѣтъ оскорбительнѣе какъ слышать, что ихъ производятъ отъ китайцевъ. Сами они производятъ себя отъ индѣйцевъ. Но если дѣйствительно нельзя вывести японцевъ по происхожденію отъ китайцевъ, то весь бытъ Японіи — сколокъ съ китайскаго.

Изъ Китая Японія заимствовала въ III в. по Р. Х. письменность, въ V—шелководство, въ VII — 18 гражданскихъ чиновъ, называя по-китайски каждый рангъ громкими словами: „добродѣтель“, „обходительность“, „гуманность“, „вѣра“, „правда“, „остроуміе“. Въ эпоху введенія буддизма китайскій языкъ былъ въ Японіи модынъ. Ея литература показываетъ вліяніе на нее китайскихъ авторовъ. Въ жизни и обычаяхъ Японіи много китайскаго. Но если сначала она была китайскою колоніею, то колонии часто впослѣдствіи становятся болѣе цвѣтущими чѣмъ метрополіи—и Японія, при благопріятномъ климатѣ, процвѣла какъ самостоятельное государство.

Первое появленіе Японіи въ исторіи напоминаетъ то время, когда всюду почувствовалось какое-то оживленіе въ историческомъ мірѣ—въ VII ст. до Р. Х. Эпоха Конфуція и Готамы-Будды, Навуходоносора и Кира, Солона и Сервія-Туллія—два вѣка, VII и VI—говорятъ объ установившемся общеніи между народами историческаго міра,—иначе такое одновременное оживленіе и пробужденіе народовъ было бы немыслимо. Оно—отголосокъ, очевидно, однѣхъ причинъ, и Японія своимъ вступленіемъ въ историческую роль въ 660 г.—когда впервые она соединилась подъ властью одного микадо („микадо“—буквально „сынъ неба“),—говоритъ о важномъ переворотѣ, совершившемся на дальнемъ востокѣ. Если Японія вступаетъ лишь въ VII в. на путь государственной жизни, то Китай давно уже представлялъ одно сплошное государство и возвышеніе Индіи, Вавилона, а подъ конецъ Персіи, надъ Финикіею, даетъ понять, что завершеніе политической организаціи азіатскаго востока отозвалось усиленіемъ сношеній его съ государствами запада, и эти сношенія повели къ возвышенію и усиленію странъ, лежавшихъ на пути отъ Китая къ Финикіи.

Самое сходство религіи Конфуція съ буддизмомъ, въ уравне-

ии классовъ народа предъ закономъ, напоминаетъ реформу Солона и Сервія Туллія, а сходство философіи Сократа въ существенныхъ чертахъ съ буддистской философіей давно заставляло считать греческаго мудреца ученикомъ индусовъ. Тутъ очевидна историческая связь между народами, которой прежде не было— и Японія какъ государство является именно въ это время.

Корейцы открыли Японію иностранному вліянію въ 33 г. до Р. Х.—почти одновременно съ утвержденіемъ имперіи въ Римѣ. Возстановленіе Западной Римской имперіи непосредственно предшествовало раздѣленію народностей германской и французской и, въ то же время, японцы отдѣлились въ письменности отъ китайцевъ, давшихъ имъ первоначальную грамотность.

Эту параллель можно провести дальше. Въ Японіи феодальная эпоха, съ ея рыцарскими подвигами, трубадурами, воспѣваніемъ красавицъ, любовью къ поэзіи и музыкѣ, живо напоминаетъ феодальныя времена европейскаго запада, и обѣ эпохи одновременны. Дайміосы—бароны Японіи—домогаются наслѣдственности владѣній и титуловъ [1]) и борются между собою какъ въ Европѣ. Подобное совпаденіе событій на крайнемъ востокѣ и крайнемъ западѣ было бы вполнѣ необъяснимо, еслибы востокъ и западъ не сносились другъ съ другомъ. Мы видѣли, однако, что сношенія между ними были постоянны.

Читая японскій романъ „Прошлое въ шести картинахъ“, переведенный Фицмайеромъ и изданный въ 1847 г. въ Вѣнѣ, невольно переносишься въ европейскій феодальный бытъ.

До 1393 г. сѣверная часть Японіи была еще независима [2]) Но Шотландія Восточнаго океана должна была подпасть власти южной Японіи: цивилизующее вліяніе въ Японіи, какъ въ Великобританіи, шло съ юга на сѣверъ. У Японіи былъ и свой Уельсъ: восточная часть Нипона, долго дикая и пустынная, стоила многихъ походовъ японскимъ императорамъ.

Власть микадо продолжалась столько времени, сколько длилось могущество Рима. Римъ явился немного ранѣе соединенія Японіи въ одно государство и японскій микадо утратилъ свое значеніе свѣтскаго главы государства одновременно съ тѣмъ, какъ Римъ папскій, наслѣдникъ моральнаго вліянія Рима республикан-

---

[1]) Preussische Expedition nach Ost-Asien, 1864, I, 30—33.
[2]) *De Rosny*. Etudes asiatiques, 291.

ского и императорскаго—потерпѣлъ пораженіе отъ зародившагося протестантства.

Въ XVI ст. тайкунъ—этотъ визирь и маіоръ-домъ микадо—захватилъ всю свѣтскую власть въ свои руки и явился дѣйствительнымъ государемъ Японіи, а микадо остался при вѣчно-церемоніальной обстановкѣ земнаго божества. Съ тѣхъ поръ микадо долженъ былъ сидѣть ежедневно по нѣсколько часовъ неподвижно на тронѣ (представляя этимъ равновѣсіе государства), не смѣя повернуть головы въ сторону, потому что, говоритъ японскій этикетъ—какъ скоро императоръ отвертывался отъ какой-нибудь области, отъ нея отвращалось благословеніе боговъ, ей угрожало несчастіе. Словомъ, Микадо былъ возвышенъ до степени божества, чтобы отнять у него не только царство, но и спокойствіе земное. Если микадо разъ надѣвалъ бѣлое шелковое исподнее платье—оно уже не годилось для него послѣ и онъ долженъ былъ надѣвать новое. Посуда, съ которой онъ поѣлъ хоть разъ уничтожалась—изъ боязни, чтобы простой смертный не прикоснулся къ ней.

Микадо не только не могъ покидать дворца, но и ходить по его комнатамъ: духовнаго владыку страны не допускали стать на ноги и постоянно носили. Разсказываютъ, что народъ, собиравшійся отдать долгъ почтенія микадо въ извѣстные дни, могъ видѣть только пятки его ногъ, сквозь стеклянный потолокъ палаты. Ногти и волосы микадо не должно было вовсе стричь, и если ихъ стригли, то лишь ночью, когда земное божество Японіи спало. Легко представить себѣ мученія божества, которому даже ночью не давали покоя. Зато обрѣзанные ногти и волосы береглись какъ святыня.

Этикетъ скоро превращалъ жизнь микадо въ пытку. Потому-то первые микадо царствовали долго, иные до 60 лѣтъ, а послѣ лишь по нѣсколько лѣтъ, и очень часто случалось, что, наскучивъ церемоніями, микадо назначалъ себѣ наслѣдника — изъ дѣтей, или просто изъ родственниковъ — таковъ обычай въ Японіи,—а самъ дѣлался частнымъ человѣкомъ, иногда впрочемъ продолжая руководить дѣлами правленія. Жизнь микадо, съ усиленіемъ власти тайкуна, протекала впрочемъ больше въ кругу ученыхъ и писателей, въ занятіяхъ литературою и наукою, живописью, или ручными работами. Былъ случай, что побѣжденный вассалами императоръ былъ постриженъ [1]) — постри-

[1]) Preussische Expedition, 33.

женіе, какъ и въ средневѣковой Европѣ, отнимало у властителя надежду на возвратъ власти. Замѣтимъ, что у японцевъ были духовныя буддистскія корпораціи, живо напоминавшія францискапцевъ, доминикапцевъ и пр.

Въ злополучный для правительствъ годъ—1788—когда во Франціи поднималась буря революціи, а въ Китаѣ принимались строгія мѣры правительства противъ броженія, выразившагося въ стремленіи въ женской эмансипаціи, японскій микадо долженъ былъ бѣжать изъ дворца, охваченнаго пламенемъ. Это былъ чутьли не единственный случай, когда японскому величеству понадобились ноги, если не упоминать о Нака-микадо, рѣшившемся въ 1732 г. ступить босыми ногами на землю, чтобы вымолить у боговъ урожай риса [1]).

Впрочемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи церемоніалъ двора, кажется, сталъ менѣе строгъ, потому что лѣтъ 25 тому назадъ, послѣ ольшаго пожара въ Міако, видѣли микадо прогуливавшимся по лицамъ этого города [2]).

Ужасно положеніе человѣка, которому нужно сидѣть ежедневно подобно статуѣ, не имѣть покоя ночью, не имѣть никакой свободы, не смѣть привыкнуть къ какой-нибудь вещи—ужасно, на кой бы пьедесталъ ни возносили его, какъ-бы ни поклонялись у какъ божеству. Но какъ скоро микадо чувствовалъ невыносимость такой роли—его смѣняли, и назначали новаго.

Однако и тайкунъ—этотъ мучитель микадо (въ Японіи есть говорка: микадо чтутъ, тайкуна боятся), въ свою очередь, долгъ почти того же положенія. Сначала онъ взялъ въ руки всѣхъ князей страны и дробленіемъ княжествъ на болѣе мелкія—къ что послѣ ихъ явилось 604), а такъ же заставлял аристотовъ проживаться по требованію этикета, намѣренно предписавшаго чрезмѣрную роскошь,—достигъ полнаго подчиненія сефеодаловъ. Феодалы, какъ въ Европѣ обязанные являться съ дружинами подъ знамя государя, были ослаблены въ знаніи, и въ Японіи утвердилось самодержавіе тайкуна почти одновременно съ утвержденіемъ самодержавія въ государствахъ Европы—въ концѣ XVI ст. Но послѣ власть тайкуна была ограничена и именно какъ въ Европѣ—въ смыслѣ конституціонномъ.

---

[1]) *De Rosny*, Etudes asiatiques, 22.
Dixon, Japan, 30.

Пришло время, когда и тайкунъ не могъ покидать своего обширнаго и сильно-укрѣпленнаго дворца. Все было расписано ему по часамъ—когда молиться, принимать гостей, получать подарки. Свободы не было ни въ чемъ. И за нимъ какъ за микадо стали смотрѣть цензоры.

Власть перешла въ руки верховнаго совѣта и наслѣдственнаго министра. Императоры Японіи — духовный и свѣтскій—были, такимъ образомъ, первыми рабами въ странѣ. Но положеніе князей и дворянъ Японіи было приблизительно тоже. И имъ церемоніалъ и этикетъ предписывали все до мельчайшихъ подробностей. И они были въ рукахъ чиновной интеллигенціи.

Въ Японіи и Китаѣ не подчинены вѣковымъ обычаямъ только бѣдные, какъ въ Индіи паріи. Только ничтожнѣйшіе изъ людей могутъ жить какъ люди. Но нигдѣ взаимное наблюденіе людей другъ за другомъ никогда не было такъ развито, какъ въ Японіи. Если въ Китаѣ цензоры блюдутъ за всѣми классами и императоромъ, то въ Японіи шпіонство составляетъ всю основу управленія.

Въ околодкѣ изъ пяти домовъ всѣ жители наблюдаютъ другъ за другомъ. Что дѣлается въ одномъ домѣ, должно быть извѣстно въ остальныхъ четырехъ. Сосѣди должны доносить о каждомъ особенномъ происшествіи въ домѣ, даже о сильномъ шумѣ. Конечно, благодаря этому, въ Японіи можно спать при открытыхъ дверяхъ, потому что вору негдѣ укрыться, но такой взаимный надзоръ все же болѣе чѣмъ тягостенъ. Доносчики проникаютъ всюду. Одинъ человѣкъ слѣдуетъ за другимъ, какъ тѣнь. *Два*—какое-то характеристическое число Японіи. И на сценѣ японскаго театра обыкновенно бываетъ только два актера. Даже два почтальона несутъ одно письмо.

Въ эпоху паденія власти микадо и усиленія тайкуна, Японія, какъ мы видѣли, отразила завоевателей монголовъ. Это отдалило знакомство съ нею Европы, потому что монгольское владычество въ Китаѣ все же было звеномъ, скрѣплявшимъ востокъ съ западомъ и дало возможность европейцамъ проникнуть въ Китай. Но Японію открыли только, когда Магелланъ объѣхалъ Америку. Португальскій корабль впервые явился у береговъ Японіи около полувѣка послѣ открытія Америки.

Чрезъ португальцевъ, и послѣ чрезъ голландцевъ, отнявшихъ морское владычество у жителей пиринейскаго полуострова, Европа впервые познакомилась съ Японіею. Тутъ впервые европейцы

увидали людей, у которыхъ верхняя челюсть нерѣдко выдается надъ нижней, черные зубы и синія губы считаются верхомъ женской красоты и въ школахъ преподается искусство распарыванія себѣ живота.

Но португальцамъ и голландцамъ, какъ мы видѣли, трудно было изучить Японію. Запертые на островѣ Дезимъ, противъ Нангасаки, шестеро, и потомъ трое европейцевъ, окружены были штатомъ изъ 60 — 70 переводчиковъ-японцевъ и множествомъ японскихъ слугъ, которымъ строго было запрещено заимствовать что-либо у европейцевъ и знакомить ихъ съ японскими обычаями. Словомъ, островокъ противъ Нангасаки былъ даже ничтожнѣе Макао у китайскаго Кантона. У японцевъ, преслѣдовавшихъ христіанство въ европейцахъ, даже китайская вѣра Конфуція стала подвергаться гоненію „за сходство“, въ глазахъ японцевъ, „съ христіанствомъ“. Буддизмъ покровительствовался какъ вѣрованіе, враждебное христіанству, и до сихъ поръ японецъ такъ же набожно поворачиваетъ стрѣлку на дорожномъ столбѣ (вмѣсто молитвы), какъ тибетецъ вертитъ ручку молитвеннаго колеса. Буддизмъ утвердился въ Японіи, и первоначальная вѣра народа въ богиню солнца все блѣднѣетъ и слабѣетъ въ сравненіи съ вѣрою бонзовъ.

Но, несмотря на всѣ преграды, европейцы, съ теченіемъ времени, ознакомились лучше съ Японіею. Они узнали, что эти японцы, гордо смотрящіе какъ на своихъ, такъ и на иноземныхъ купцовъ, заставлявшіе европейцевъ кланяться себѣ въ ноги и ползкомъ подносить подарки невидимому въ темномъ углу дворцовой залы тайкуну,—очень гуманные люди, а японки, натирающія шафраномъ губы, чтобы сдѣлать ихъ синими и намазывавшія десна вязкимъ тѣстомъ, чтобы не попортить ихъ черною зубною краскою,—плакали надъ участью плѣнныхъ европейцевъ съ неменьшимъ участіемъ сердца, чѣмъ жалѣютъ объ участи ближнихъ европейскія красавицы, которымъ нерѣдко японки не уступаютъ и въ красотѣ.

Европейцы узнали, что искусство распарыванья живота преподается въ школахъ Японіи, потому что распороть себѣ животъ, чтобъ не подвергнуться казни, для японца вопросъ чести болѣе чѣмъ дуэль для держащагося средневѣковыхъ преданій европейца, такъ какъ, отрѣзавъ косу и отославъ ее къ роднымъ, японецъ распарывалъ себѣ животъ собственно чтобы не запятнать позоромъ публичной казни своихъ родственниковъ. Европейцы должны были узнать, что даже бѣдный-японецъ, довольствующійся рѣдькою

вмѣсто варенаго риса за столомъ, и даже японскій кожевникъ—этотъ парій японскаго общества (онъ прикасается къ трупамъ животныхъ, тогда какъ японцу противна самая мысль о мясѣ)—даже японскій кожевникъ умѣетъ читать и писать, знаетъ кое-что изъ отечественной исторіи и, подойдя къ загородкѣ (находящейся въ каждомъ селеньи), откуда читаются народу императорскія повелѣнія, поймете читаемый законъ.

Эти японцы, столь отличные отъ европейцевъ въ образѣ жизни, сидящіе по часамъ на пяткахъ и не могущіе просидѣть нѣсколькихъ минутъ по-европейски безъ отека ногъ, пьющіе горячую воду для утоленія жажды и не могущіе смотрѣть на мясо—также или даже болѣе гуманны и гостепріимны, чѣмъ европейцы. Разсказы нашихъ путешественниковъ: Головнина, Вышеславцева («Очерки перомъ и карандашемъ») и Гончарова («Фрегатъ Паллада») оставляютъ самое пріятное впечатлѣніе о Японіи и японскомъ народѣ. На западѣ ближе познакомились съ Японіею только со времени Зибольда. Вообще похвалы, расточавшіяся японцамъ первыми христіанами-миссіонерами очевидно не были преувеличены—японцы образованный народъ, не смотря на свое вѣковое уединеніе на островахъ Восточнаго океана, и притомъ народъ болѣе симпатичный и болѣе родственный Европѣ по складу ума, чѣмъ китайцы.

Прежде до Японіи достигали отголоски внѣшняго міра только чрезъ Китай. Удивительно-ли, что Японія дико смотрѣла на другіе народы. Она участвовала въ міровой жизни народовъ, но очень слабо.

Совсѣмъ другое видимъ, когда Англія изъ Кантона, Соединенные Штаты изъ Калифорніи, Россія съ Амура стали будить Японію къ новой жизни. И разомъ дикость изчезла. Изумительная подражательность, талантливость и даровитость японскаго народа сдѣлали то, что онъ быстро пошелъ къ сближенію съ Европою и въ своемъ желаніи заимствовать отъ нея полезное представилъ, подъ руководствомъ своего микадо, вдругъ явившагося изъ соннаго и бездѣятельнаго владыки мощнымъ преобразователемъ, Петромъ I Японіи,—образецъ народа, рѣшившагося на небывалую жертву. Было заявлено, что въ виду трудности японскаго языка для изученія, Японія приметъ какъ народный—англійскій языкъ, языкъ самыхъ вліятельныхъ сосѣдей ея—англичанъ и американцевъ.

Объ участіи Японіи съ давнихъ поръ въ общей жизни наро-

довъ говоритъ многое въ историческомъ быту японцевъ. У нихъ остаются слѣды кастоваго дѣленія населенія. Ихъ классъ „кожевниковъ“ — тѣ же индѣйскіе паріи. Японцы не ѣдятъ мяса (сдирать кожу у нихъ можно только съ дохлаго скота), не пьютъ молока, и тотъ, кто даже прикасается къ скоту, какъ видимъ— отверженецъ общества. Ихъ живопись яркостью красокъ и отсутствіемъ перспективы напоминаетъ индѣйскую и египетскую. Они, подобно индусамъ, искусны въ медицинѣ и нѣкоторыя ихъ медицинскія средства (напр. накалываніе тѣла иголками изъ чистаго золота и серебра) приняты въ европейскомъ врачеваніи. Ихъ народная вѣра—тотъ же сабеизмъ, какой видимъ всюду на востокѣ въ древнее время, и въ ней есть сходныя черты съ брамнинствомъ. Все это вмѣстѣ съ богинею въ храмѣ Изи, такъ живо напоминающемъ названіемъ индѣйскую Изу и египетскую Изиду, невольно наводитъ на мысль, что японско-китайская цивилизація съ самаго ранняго времени была въ прямой связи съ индо-европейскою.

Если такъ, то два міра — западный и восточный, почерпнувъ свое развитіе изъ одного источника, впослѣдствіи разошлись и раздѣлились. Въ наше время дѣлаются снова шаги къ сближенію.

Но, конечно, вовсе не благодаря однимъ усиліямъ европейцевъ и американцевъ Японія скорѣе другихъ странъ востока сблизилась съ Европою, стала посылать своихъ гражданъ учиться у запада и перенимать полезное. Европейцы должны сознаться, что эта страна, гдѣ лѣвой рукѣ отдается предпочтеніе предъ правой, гдѣ разстояніе считается парами изношенныхъ соломенныхъ сандалій и деревянный дворецъ тайкуна ничѣмъ не отличался по убранству отъ остальныхъ домовъ,—при всей своеобразности своего гражданскаго развитія, имѣетъ предъ собою блестящую будущность, именно благодаря себѣ, способностямъ и даровитости своихъ гражданъ.

До послѣднихъ реформъ въ Японіи на всемъ замѣтно было вліяніе восточныхъ нравовъ. Тамъ была когда-то вырыта яма въ сто саженъ окружности и четыре — ширины, для храненія массъ носовъ и ушей, отрѣзанныхъ въ походахъ на сосѣдей [1]), тамъ на памятникахъ искусства отражалась индусская наклонность къ чудовищному, громадному и ужасному. Но при всемъ томъ, въ

---

[1]) Revue des Deux Mondes, 1874, I, p. 301.

нравахъ Японіи болѣе другихъ государствъ восточной Азіи замѣтно сходство съ европейскими. Нѣсколько флегматичный японецъ, съ его наклонностью къ сатирѣ и равнодушіемъ къ идеаламъ въ искусствѣ и къ поэзіи, живо напоминаетъ англичанина. Даже самый океанъ дополняетъ сходство двухъ Англій; онъ даритъ Англію Восточнаго океана такимъ же искусственнымъ тепломъ, какое приносится Гольфстремомъ въ Европейскую Англію: въ Восточномъ океанѣ есть подобное же теченіе съ юга на сѣверъ и оно охватываетъ берега Японіи. Оттого-то иные изъ жителей Японіи могутъ ходить въ одеждѣ праотца Адама, какъ замѣчаютъ путешественники. Климатическая причина—та же, по которой въ южной Англіи растутъ на открытомъ воздухѣ цвѣты и деревья Испаніи и Италіи.

Можетъ быть именно потому, что дѣятельные, трудолюбивые, терпѣливые японцы такъ похожи на европейцевъ, и именно на практическихъ сыновъ Альбіона и американцевъ—радикальная государственная реформа совершилась въ Японіи быстро и безъ особенныхъ потрясеній. Теперь микадо вводитъ кодексъ Наполеона, обучаетъ своихъ солдатъ по французскому образцу; телеграфы и желѣзныя дороги въ Японіи уже не новинка; японскіе матросы, „синды“ (самое названіе, можетъ быть, память прежнихъ сношеній съ Индіею), плаваютъ вокругъ японскихъ береговъ на англійскихъ пароходахъ и уже посѣтили Америку.

Японія, заимствовавшая прежде у Азіи, начала быстро заимствовать плоды просвѣщенія у Европы.

Даже въ эпоху замкнутости Японіи правительство ея просило у голландцевъ книгъ и инструментовъ и переводились на японскій языкъ европейскія книги. Такъ переведены были „Анатомическія таблицы“ силезскаго врача Кульма (съ нѣмецкаго), „Систематическое описаніе растеній“ (Systema plantarum) Линнея. Японское ученое общество, основанное Зибольдомъ, издало въ Овари нѣсколько томовъ „Мемуаровъ“ [1]). Въ Іеддо давно была голландская школа для приготовленія переводчиковъ и въ языкъ образованнаго класса японцевъ вошло очень много голландскихъ словъ.

Въ свою очередь, есть что и Европѣ позаимствовать у Японіи, особенно въ области техническихъ производствъ. Въ шелководствѣ японцы опередили даже китайцевъ. Японская лакирован-

---

[1]) *De Rosny*. 32—33.

ная мебель выписывалась во дворецъ китайскаго богдыхана, какъ замѣчаетъ Ланге въ своемъ „Описаніи путешествія отъ Москвы до Пекина“. Японская бумага (Японія послала 67 разныхъ сортовъ бумаги на лондонскую всемірную выставку) [1]) можетъ быть во многихъ случаяхъ употребляема вмѣсто полотна и не уступаетъ ему по прочности. Японскія чернила (знакъ „чернилъ“ въ письмѣ составленъ изъ знаковъ „земля“ и „черный“), приготовляемыя изъ сажи орѣшной скорлупы, или южной сосны и льняного сѣмени съ прибавкою мускуса и камфоры, замѣчательны по своему достоинству въ типографскомъ отношеніи. Можно многое заимствовать у японцевъ также въ хромолитографіи, окраскѣ и дубленіи [2]). Въ садоводствѣ японцы искусны до вычурности, подобно китайтайцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, только вычурностью и можно назвать, напр., тотъ японскій ящичекъ въ три дюйма длины, въ которомъ, по словамъ Мейлана, росли бамбукъ, сосна и яблоня, и притомъ послѣдняя еще въ полномъ цвѣту. За ящичекъ просили 2,600 рублей на наши деньги. И дѣйствительно, это—работа въ угоду прихоти, въ родѣ произведенія апельсиновъ съ горошину и растеній, напоминающихъ видомъ животныхъ, чѣмъ особенно славятся китайскіе садоводы, но что столь же мало заслуживаетъ подражанія какъ и натираніе собакъ джиномъ въ Англіи, чтобы онѣ не росли и оставались карлыками. Въ Китаѣ и Японіи много сдѣлано для удовлетворенія прихоти и роскоши, но Европѣ не мало будетъ дѣла, если она захочетъ заимствовать у востока только дѣйствительно полезное для народныхъ массъ.

---

[1]) *Alcock*. The capital of the Tycoon, 180.
[2]) *De Rosny*, 46—47, 59.

Языкъ.

Рѣчь о языкѣ китайцевъ и японцевъ, можетъ быть, въ нашемъ трудѣ, конечно, лишь на столько, на сколько языкъ объясняетъ исторію этихъ народовъ и отражаетъ на себѣ ихъ характеръ.

Объ этихъ народахъ, какъ сейчасъ увидимъ, болѣе чѣмъ о другихъ можно сказать, что ихъ исторія—въ ихъ языкѣ.

Гумбольдтъ высоко ставитъ китайскій языкъ за отсутствіе, почти полное, въ немъ грамматическихъ формъ. „Я не опасаюсь прослыть любителемъ парадоксовъ, замѣчаетъ онъ [1]), сказавъ, что именно это отсутствіе грамматики изощряетъ умъ народа".

Въ самомъ дѣлѣ, при массѣ словъ однозвучныхъ, но по строю рѣчи имѣющихъ разное значеніе, и при отсутствіи грамматическихъ правилъ, строго опредѣляющихъ каждый оборотъ, каждый оттѣнокъ мысли въ фразѣ, многое предоставляется самодѣятельности человѣка, его умѣнію сообразить, угадать.

Ренанъ совершенно согласенъ съ Гердеромъ, замѣтившимъ, что чѣмъ языкъ—болѣе варварскій, тѣмъ въ немъ болѣе спряженій [2]). Въ бискайскомъ языкѣ одиннадцать наклоненій. Въ нынѣшнемъ англійскомъ, напротивъ, почти совершенно изчезъ грамматическій строй и персидская грамматика умѣщается на двѣнадцати страницахъ. Словомъ, гражданственность и историческая жизнь отняли у языковъ ихъ грамматику, подобно тому, какъ законы становятся почти ненужными людямъ, чье развитіе запечатлѣло

---

[1]) *Ueber die Kawi Sprache*, 339.
[2]) *Renan.* De l'origine de language, 183.

въ сердцѣ и умѣ правила, написанныя для массы, пока она еще требуетъ указки.

Китайскій языкъ называется идеографическимъ, т. е. его азбука предоставляетъ начертанія, изображающія идеи, понятія. Изъ простыхъ знаковъ и словъ составляются, чрезъ одно сопоставленіе, сложныя. Мѣсто, положеніе слова въ рѣчи, опредѣляетъ его грамматическое значеніе. Въ китайскомъ и японскомъ языкахъ мы видимъ то же въ этомъ случаѣ, что отчасти въ нѣмецкомъ и англійскомъ. „Берегъ-лѣсъ“ и „лѣсъ-берегъ“ въ этихъ языкахъ то же, что въ нашемъ „береговой лѣсъ“ и „лѣсной берегъ“: слова одни и тѣ же, но положеніе ихъ относительно другъ друга придаетъ совсѣмъ другой смыслъ рѣчи.

Вообще сличеніе китайскаго и японскаго языковъ съ индоевропейскими могло бы представить массу доказательствъ, какъ, создаваясь подъ различными условіями, но создаваемые человѣкомъ, для котораго существуютъ лишь одни и тѣ же законы мышленія подъ всѣми широтами,—языки нерѣдко представляютъ сходныя черты.

Съ другой стороны, коренныя отличія во всемъ строѣ такихъ языковъ указываютъ и на рѣзкую противоположность въ развитіи самихъ народовъ. Такъ у большинства народовъ въ самомъ языкѣ выразились привязанность въ семейномъ быту и начало государства изъ семьи. Вмѣстѣ съ „я“, есть всегда „ты“—это второе лицо, которое ближе всѣхъ остальныхъ. „Онъ“—уже нѣчто гораздо болѣе отдаленное, чужое. Но „ты“—жена-ли это, или другъ—существо, необходимое человѣку, близкое ему, стоящее особнякомъ отъ остальнаго. Явилась даже форма „двойственнаго числа“, какъ доказательство, что въ Индіи, Греціи и у древнихъ славянъ даже самая жизнь, подъ вліяніемъ брака и семьи, текла какъ-то иначе, своеобразнѣе, чѣмъ теперь.

Китаецъ обыкновенно не употребляетъ ни перваго, ни втораго лица въ разговорѣ. У японцевъ нѣтъ лицъ въ рѣчи. Они различаютъ только свое *я* отъ всего остальнаго. Изъ этого остальнаго, окружающаго, ничто не выдѣляется, не стоитъ ближе прочаго къ *я*; все остальное безразлично. Затѣмъ, какъ скоро весь міръ дѣлится на *я* и *не-я* — надобности въ лицахъ нѣтъ: японская свѣтскость искони научила ставить въ разговорѣ лицо, съ которымъ имѣешь дѣло неизмѣримо выше своего *я*, и самый тонъ, характеръ рѣчи показываетъ, идетъ ли дѣло о ничтожномъ *я* (буддистскія бонзы въ Японіи свое *я* сравниваютъ съ прозябаю-

щею травою), или о высокомъ и почетномъ лицѣ, съ которымъ говоришь, хотя этимъ титулованіемъ въ сущности, можетъ быть, иногда столько же выражается дѣйствительный почетъ лица, какъ нашимъ письменнымъ—несомнѣнно китайско-японскимъ по происхожденію—„милостивый государь“ мы признаемъ кого-нибудь надъ собою „государемъ“, да еще и милостивымъ.

Китаецъ и японецъ избѣгаютъ говорить о своемъ *я*, а какъ скоро въ словѣ нѣтъ надобности народу, оно является фонетически-длиннымъ и искусственнымъ. Таково японское *ватакузи* (я). Притомъ японецъ можетъ шестью способами выразить свое *я*, а китаецъ, какъ мы видѣли, обыкновенно совсѣмъ не выражаетъ его, довольствуясь сладко-лицемѣрными, «вашъ нижайшій слуга», «вашъ покорнѣйшій рабъ» и пр.

Стремленіе европейскихъ языковъ второе лицо—„ты“ замѣнить въ новѣйшее время множественнымъ—„вы“, точно такъ же, какъ замѣна „втораго“ лица „третьимъ“ (въ итальянскомъ и др.), равно какъ и утрата двойственнаго числа въ языкахъ съ теченіемъ времени (напр. въ разговорномъ арабскомъ двойственное число почти не употребляется, но въ письменномъ сохранилось), все показываетъ стремленіе отъ семейнаго быта перейти къ публичному, общественному. Надобно согласиться, что японцы опередили въ этомъ европейцевъ. Но тѣмъ не менѣе, ,,второе‘‘ лицо уже не исчезнетъ изъ европейскихъ языковъ, какъ жизнь семейная не исчезнетъ съ развитіемъ публичной. Одна можетъ идти рука объ руку съ другой. Буддизмъ принесъ Японіи пять заповѣдей, изъ которыхъ ни одна не говоритъ: «чти отца твоего и матерь твою», и японцы, выкроившіе себѣ изъ буддизма, что хотѣли, не внесли этой заповѣди въ число прочихъ. Но *мать* и *отецъ* и не могутъ быть поставлены на одну доску въ Японіи и Китаѣ. Въ Японіи все мелкое, незначительное, ничтожное—носитъ названіе женскаго. Если японецъ видитъ два острова — одинъ большой, другой маленькій, то, говоря о послѣднемъ, онъ ставитъ впереди *ме* (женщина). Очевидно, крайній востокъ Азіи не знаетъ семьи въ истинномъ смыслѣ слова, семьи, которая возможна лишь при равенствѣ отца и матери у домашняго очага. Европейское ,,ты‘‘—плодъ дружбы и любви въ семейной жизни, а неравенство, какъ полное рабство, не порождаетъ ни любви, ни дружбы. Публичная жизнь должна была на азіатскомъ востокѣ взять такой перевѣсъ надъ семейною (китаецъ называетъ дѣтей по NN, по старшинству рожденія, а не именами), что паша пятая

заповѣдь не могла попасть въ его нравственный кодексъ. ,,Я'' и ,,не-я''—это полнѣйшее выраженіе эгоизма, правда, лицемѣрнаго и подобострастнаго, но самаго страшнаго.

Китайскій языкъ имѣетъ лица; *ты* (,,нн'') въ немъ есть, но это лишь свидѣтельство его патріархальнаго прошлаго въ сравненіи съ японскимъ. Семейный бытъ въ Китаѣ стоялъ прежде выше нынѣшняго, но положеніе женщины послѣ того совершенно измѣнилось и святость родственныхъ узъ пришлось поддерживать законами.

Безъ почетнаго положенія женщины въ семьѣ, самая семья невозможна и потому, сколько бы ни говорили о сыновней любви въ Китаѣ и объ уваженіи японца къ его женѣ, мы должны все-таки сказать, что на азіатскомъ востокѣ жизнь общественная давно взяла рѣшительный перевѣсъ надъ семейною и убила ее. Въ Китаѣ ставятъ арки женской добродѣтели, но женщина все же раба мужа въ полномъ смыслѣ слова, рожденіе дѣвочки въ домѣ считается униженіемъ, о дочеряхъ китаецъ-отецъ считаетъ стыдомъ говорить и сынъ можетъ послѣ смерти отца кинуть мать, какъ чужую. Что касается Японіи, то хотя общественное положеніе женщины въ ней теперь неизмѣримо выше, чѣмъ въ Китаѣ, но японцы съ самаго начала не знали семьи (ихъ производятъ отъ курильцевъ и теперь живущихъ безъ всякаго понятія о семействѣ, въ первобытной коммунѣ). И въ настоящее время женщина въ Японіи нерѣдко игрушка мужчины; она стоитъ гораздо ниже его, въ семьѣ и обществѣ, какъ мы сейчасъ видѣли и увидимъ далѣе.

Небезъинтересно сравнить китайскій и японскій языки въ звуковомъ отношеніи. Японецъ не можетъ произнести нашего *л*. Вмѣсто ,,Голландія'' онъ говоритъ ,,Хоранда'', но такъ что у него выходитъ средній звукъ между л и р. Гоффманъ, лейденскій профессоръ и извѣстнѣйшій изъ европейскихъ японологовъ, убѣдился на опытѣ, что японцу необыкновенно трудно, почти невозможно произнесть этотъ звукъ. Только послѣ большихъ усилій и долгой практики, японскіе студенты научились выговаривать *л* [1]). Зато китайцы не могутъ выговаривать *р* и постоянно превращаютъ его въ *л*. Японецъ восточныхъ провинцій даже у (въ уо) произноситъ, какъ *р*; китаецъ не въ состояніи вовсе

---

[1]) *Hoffmann.* A Japanese Grammar, p. 18.

выговорить *p*. Но за то въ китайскомъ языкѣ почти нѣтъ мягкихъ согласныхъ, тогда какъ японскій ими изобилуетъ. Въ китайскомъ языкѣ вовсе нѣтъ чистыхъ европейскихъ звуковъ *b*, *d*, *g* [1])—ихъ замѣняютъ p, t, ch. Напротивъ, японскій языкъ сравнительно съ китайскимъ такъ же обилуетъ мягкими согласными, какъ датскій въ сравненіи съ нѣмецкимъ. Народный японскій говоръ нерѣдко *m* (t) письменнаго языка передѣлываетъ въ *d*.

Китайцы почти постоянно измѣняютъ европейскіе звуки въ выговорѣ. Вмѣсто *b*, *d*, *x*, *z*—они произносятъ *p*, *t*, *s*, *s*. Встрѣча двухъ согласныхъ въ словѣ представляетъ для нихъ большое затрудненіе, и они не могутъ произнести ихъ, не вставивъ между ними гласныхъ. Такъ crux, Christus они произносятъ culusu, Kilisutusu [2]). Это обиліе гласныхъ объясняетъ, почему пѣніе потомкомъ нашихъ албазинцевъ могло показаться Ковалевскому похожимъ на итальянское. Но китаецъ дѣлаетъ и надбавки разнаго рода, произнося европейскія слова, особенно въ Пекинѣ, гдѣ говоръ обилуетъ придыханіями. Такъ Adam и Eva, китаецъ выговариваетъ Vatam и Ngeva.

Японскій языкъ явился самостоятельно. Первоначально онъ имѣлъ мало общаго съ китайскимъ. Съ этимъ согласны всѣ изучавшіе его европейскіе лингвисты, начиная съ Клапрота въ его „Asia Polyglotta“. Если открывается сходство между первобытнымъ японскимъ и другими языками, то это—языки народовъ западнаго берега Америки. Находятъ много сходства между нарѣчіями краснокожихъ въ Калифорніи, далѣе къ югу и въ особенности въ Чили—и японскимъ языкомъ. Дастъ ли это право предполагать японскую эмиграцію въ Америку? Конечно нѣтъ. Простое сходство въ климатѣ, флорѣ и фаунѣ—а это сходство несомнѣнно—вызвало родственныя черты и въ языкахъ Японіи и американскихъ туземцевъ. Въ силу того же естественнаго закона должны быть нѣкоторыя сходныя черты между японскимъ и китайскимъ языками. „Черный токъ“ — этотъ Гольфстремъ восточнаго полушарія, получившій названіе отъ темноголубой полосы, очерчивающей теченіе его на фонѣ океана—несетъ однѣ и тѣ же теплыя волны къ берегамъ Японіи и западной Америки, производя постоянное умѣренное тепло и влажность воздуха;—удивительно ли, что въ Япо-

---

[1]) *Irisson.* Etudes sur la Chine contemporaine, 30.
[2]) *Girard.* France et Chine. II, 272.

піи какъ въ западной Америкѣ мы встрѣчаемъ полуторарудовыя рѣпы и сходныя расовыя особенности населенія. Японскій крестьянинъ, загарая на воздухѣ, дѣлается такимъ же краснокожимъ какъ и американскій индѣецъ. При сходствѣ климатическомъ и физіологическомъ сходныя черты въ языкахъ болѣе чѣмъ естественны и тѣмъ болѣе, конечно, нельзя отрицать сходныхъ чертъ въ языкахъ Японіи и столь близкаго къ ней Китая. Но повторяемъ, сходство это было первоначально незначительно, и Ренанъ совершенно несправедливо замѣчаетъ, что японцы заимствовали *основу* языка у китайцевъ [1]). Надобно было сказать: „основу письменности“, это другое дѣло.

Антропологическія изслѣдованія показали сходство японцевъ по строенію черепа съ корейцами и вообще съ монгольскою расою, но лингвисты вполнѣ убѣждены, что языкъ японцевъ и корейцевъ совершенно различенъ.

Тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени японскій языкъ заимствовалъ очень многое изъ китайскаго. Отличный отъ него въ основѣ, столько же сколько англо-саксонскій отличался отъ французскаго, онъ подвергся совершенно такому же вліянію со стороны его, какое языкъ саксовъ испыталъ со стороны языка завоевателей Англіи, норманновъ [2]). Грамматическія основы остались отъ стараго языка, но масса китайскихъ словъ вошла въ языкъ. Изъ Кореи и Китая ѣхали въ Японію рудокопы, литейщики, ткачи, сѣдельники,—промышленныя китайскія колоніи постоянно основывались въ Японіи, внося съ собою понятія о новыхъ для страны предметахъ и, слѣдовательно, новыя слова въ языкъ. Но въ наше время знаніе японскаго языка безъ знанія китайскаго невозможно еще и по другой причинѣ.

Японцы заимствовали азбуку у китайцевъ. Правда теперь у японцевъ два рода письма отличнаго отъ китайскаго. Письмо *катакана* („слѣды знаковъ“) представляетъ буквы соотвѣтствующія звукамъ—слѣдовательно нѣчто совершенно противоположное китайскому письму, которое имѣетъ знаки только для означенія предметовъ, а не звуковъ и гдѣ знаки звуковъ лишь послѣ присоединены къ кореннымъ знакамъ, такъ что въ крайнемъ случаѣ часть китайскихъ знаковъ можетъ быть названа полу-фонетиче-

---

[1]) *Renan*. De l'origine de language, 211.
[2]) *Hoffmann*, 1.

скими. Японское же письмо вполнѣ фонетическое. Но японскія буквы взяты съ китайскихъ знаковъ, и составляютъ части этихъ знаковъ. Слѣдовательно самое запоминаніе очертаній японскихъ буквъ необыкновенно трудно безъ знанія китайскаго письма. Другой японскій способъ письма *фиракана* — предназначенъ лишь исключительно для женщинъ (и тутъ выражается взглядъ японца на женщину), также для легкой литературы, вообще для мелочныхъ потребностей жизни. Онъ также составленъ на основаніи китайской азбуки, только въ немъ еще больше знаковъ и условныхъ пріемовъ письма.

Все это дѣлаетъ то, что въ Японіи книги обыкновенно печатаются въ два столбца—китайскій текстъ стоитъ бокъ-о-бокъ съ японскимъ. Японскіе торговцы дѣлаютъ проще: они прямо пишутъ свои вывѣски по-китайски. Только знающій по-китайски будетъ на улицѣ японскаго города не озадаченъ надписями.

Гофманъ въ своей „Японской грамматикѣ“ замѣчаетъ, что учиться японскому языку, не научившись прежде по-китайски — ошибка и трата времени. Опытъ вполнѣ подтвердилъ это. Прежде англійскіе студенты, готовившіеся въ переводчики японскаго языка, учились прямо по-японски, но консулъ Алькокъ нашелъ необходимымъ, чтобы они сначала проводили по два года въ Кантонѣ надъ изученіемъ китайскаго, такъ какъ только послѣ могутъ успѣшно изучать (въ Нангасаки, или Іеддо) японскій языкъ [1]).

Да и японскія дѣти прежде изучаютъ китайскій алфавитъ и только послѣ свой, фонетическій.

Алькокъ, самъ учившійся по-японски, находилъ, подобно другому англичанину Олифанту, произношеніе японскихъ словъ несравненно болѣе легкимъ для европейца чѣмъ китайскихъ. Конечно, для европейца и тутъ трудностей не мало. Головнинъ въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что онъ два года безуспѣшно учился произносить японское слово, значащее «огонь». Надобно было произнести звукъ средній между *фи*, *хи*, *пси*, *фси*, да еще при томъ, „сквозь зубы“ [2]). Но китайское произношеніе еще труднѣе. Олифантъ находилъ, что японскій языкъ гораздо благозвучнѣе китайскаго, что слова его заучиваются несравненно легче и за-

---

[1]) *Alcock*, The Capital of the Tykoon, I, 176.

[2]) *Головнинъ*, Записки въ плѣну у японцевъ, III, 21—22.

носятся на бумагу буквами европейскаго алфавита съ большею легкостью [1]).

Но, какъ видимъ, изученіе японскаго языка невозможно безъ предварительнаго знакомства съ китайскимъ, который съ такимъ трудомъ давался обыкновенно и нашимъ русскимъ. Припомнимъ, какъ членъ нашей пекинской миссіи Черепановъ заучивалъ по нѣскольку десятковъ словъ въ день.

Положимъ, китайскій языкъ былъ для Японіи дверью, открывшею ей духовныя богатства Азіи. Сѣверный японецъ-простолюдинъ не понимаетъ языка южнаго японца и наоборотъ,—тѣмъ менѣе могъ японецъ, ограничась однимъ отечественнымъ языкомъ, войти въ духовное общеніе съ окрестными народами. Китайскій языкъ не даромъ сравнивается съ латинскимъ по своему значенію для народовъ восточной Азіи и Индо-Китая: для нихъ онъ остается классическимъ языкомъ, какъ языкъ Рима для Европы. Японецъ читаетъ по-китайски такъ, что китаецъ его не пойметъ, но и англійскій способъ чтенія латинскаго языка рѣзко разнится отъ французскаго, или русскаго способа, что однакоже не мѣшаетъ всѣмъ народамъ черпать обильно изъ языка древняго Рима. Тоже совершенно примѣняется и къ китайскому. Не умѣя выговаривать словъ по-китайски, японецъ читаетъ китайскую книгу и понимаетъ ее.

Отдавая полную дань культурному значенію китайской письменности для Японіи, нельзя не сказать, что китайское преддверіе къ японскому языку будетъ и для Японіи и для Европы громаднымъ препятствіемъ въ взаимныхъ сношеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что научиться китайскому языку необыкновенно трудно. Японецъ имѣетъ при себѣ непремѣнно бумагу, кисть и чернила, чтобы тотчасъ написать то, чего онъ не въ состояніи словесно выразить, а послѣднее случается нерѣдко. „Бумага, кисть, чернила и палитра“ не даромъ называются въ китайскомъ языкѣ „четырьмя драгоцѣнностями“ [2])—безъ нихъ китайцу почти невозможно обойтись. Начавъ писать на бамбуковой забалони, въ то время, когда японцы еще зарубали на память и производили счетъ, подобно древнимъ мексиканцамъ, узлами на веревкахъ, китайцы должны были торопиться перейти къ шелковой и соломенной бумагѣ и къ печатанію на ней грушевыми досками: ихъ под-

---

[1]) *Oliphant*, Earl Elgin's Mission, II, 182—183.

[2]) Journal Asiatique, 1845, VI, 89.

гоняла нужда. Японецъ также свой языкъ, благодаря китайскому, изучаетъ скорѣе глазомъ, чѣмъ ухомъ. Китаецъ не можетъ быть парламентскимъ ораторомъ не только потому, что паѳосъ и увлеченіе для него невозможны физіологически, но и потому, что ему нерѣдко трудно устно выразить мысль, а слушателю скоро его понять. Зато тѣмъ скорѣе все говорится и понимается на бумагѣ. Интонація въ китайскомъ языкѣ опредѣляетъ самый смыслъ слова. Сдѣлать удареніе и интонацію орудіемъ для страсти и силы выраженія—китаецъ не можетъ, потому что, произнеся слово быстро, онъ иногда скажетъ совсѣмъ другое, чѣмъ произнеся тоже слово на-распѣвъ. Скажетъ онъ слово съ удареніемъ нѣсколько измѣненнымъ—выйдетъ совсѣмъ другое слово, при однихъ и тѣхъ же звукахъ. Такъ любители лингвистическихъ курьезовъ приводятъ, что одно и то же слово—разно произнесенное, значитъ въ китайскомъ языкѣ—„господинъ“, „свинина“, „кухня“ и „столбъ“. И примѣровъ подобнаго рода не мало. Само собою понятно, что эти однозвучныя слова совершенно иначе представлены знаками и какъ скоро дѣло дойдетъ до письма, то ошибка невозможна.

Де-Курси замѣчаетъ, что научиться писать покитайски еще можно, но говорить порядочно можетъ лишь тотъ, кто учился съ дѣтства. Если китайцу не всегда легко бываетъ понять китайца, то не удивительно, что китайцы пріѣхавшіе во Францію при Карлѣ X, ничего не понимали, когда говорилъ съ ними извѣстный синологъ Ремюза и поняли только, когда тотъ написалъ.

Съ другой стороны, и китайское письмо представляетъ большія трудности, потому что учиться покитайски значитъ изучать не только китайскій языкъ, но и китайскую исторію.

Вотъ доказательства. Слово „правительство“ выражается въ китайскомъ языкѣ знакомъ, составленнымъ изъ двухъ — изъ знака, показывающаго „прямоту“ и другаго соотвѣтствующаго „движенію“. Конечно со стороны китайцевъ было очень патріотично такъ охарактезировать въ языкѣ понятіе о правительствѣ, но надобно согласиться что все это очень условно и вовсе не вытекаетъ изъ общечеловѣческихъ законовъ мышленія.

Цинкъ на языкѣ Китая—„второй свинецъ“;‘‘сахаръ“—„кушанье Танга‘‘ (появился въ первый разъ въ Китаѣ изъ Индіи при династіи Тагпа въ VIII ст.) [1]. Все это китаизмы, понятные лишь въ связи съ исторіею.

---

[1]) *Biot* въ Journal Asiatique, XVI, 135.

Кое что другое болѣе понятно. „Слово“ и „перо“ поставленныя вмѣстѣ означаютъ „книгу“ („говорящее перо“), Знаки „солнца“ и „луны“ вмѣстѣ значатъ „свѣтъ“. Но если европеецъ видитъ „ротъ“, полный рису — какъ ему непремѣнно угадатъ, что это значитъ „счастье“? Точно такъ китаецъ рисуетъ два раза знакъ „женщины“, и это значитъ „споръ“—очевидно у цѣлаго народа было понятіе, что если двѣ женщины сойдутся, то непремѣнно поспорятъ. Но опять и на это, какъ на понятіе о счастіи, у каждаго народа можетъ быть свой взглядъ. Китайцы идутъ однако далѣе, и если вы встрѣчаете сряду три знака „женщины“, то это уже значитъ „безпутство“. Европеецъ можетъ спросить: „почему же это такъ?“

Два „человѣка“, обращенные другъ къ другу—значатъ „свиданье“; обращенные спинами—„разлуку“; одинъ за другимъ—„слѣдованіе“. Это понятно и напоминаетъ еврейскую символистику. Но рука, держащая вѣсы въ равновѣсіи, прочтется европеецемъ „правда“, „справедливость“, а у китайца значитъ—„историкъ“. „Увлеченіе“ представляется тремя знаками—„женщина“, „слово“ „сѣть“. Если хотите тутъ есть доля правды и бездна драматизма, но въ весь этотъ процессъ народнаго мышленія нужно вдумываться, чтобы узнать одно слово „увлеченіе“.

Начните съ 214 самыхъ простыхъ знаковъ китайской азбуки и вы прямо входите въ самую глубь китайской исторіи. Предъ вами быть народа только начинающаго жить гражданскою жизнью. Вы встрѣчаете тутъ семь знаковъ изображающихъ, „оружіе“ — люди съ младенческаго возраста исторіи были знатаками въ оружіи и смышлены въ искусствѣ войны. Но изъ 26 знаковъ „растеній“, у этихъ людей нѣтъ еще означающаго „пшеницу“, или „ячмень“— нѣтъ очевидно и самыхъ этихъ родовъ хлѣба, нѣтъ шелковицы и и чая. Впрочемъ есть у нихъ 12 знаковъ для животныхъ, 11 для птицъ 2—для рыбъ, 3 для минераловъ; „окна“ „двери“ и платье шести родовъ имѣютъ свои знаки. Небо дало первобытному Китаю 7 знаковъ;—кружокъ съ черточкой внутри значитъ „солнце“; полумѣсяцъ—„луну“. Мракъ выраженъ знакомъ луны, разсѣченнымъ на двое. Это довольно картинно, но также условно.

Еще болѣе условности представляетъ знакъ „облаковъ“ и „паровъ“—„зигзагъ“. „Капли“ подъ знакомъ „сферы небесной“— означаютъ конечно „дождь“.

Земля дала составителю азбуки 17 знаковъ, жилище 11, человѣкъ—23, члены человѣческаго тѣла 27.

„Демонъ“, „кудесникъ“, „кровь жертвы“ имѣютъ свои знаки, но „нитка“ означаетъ еще вмѣстѣ и „шелкъ“ и „пеньку“. Человѣкъ въ наклонномъ положеніи значитъ—„ремесленникъ“; „кудесникъ“ изображенъ человѣкомъ съ палкою. Частныя представленія обилуютъ, общихъ—нѣтъ въ этой первобытной азбукѣ. Съ индивидомъ справлялся человѣкъ младенческаго общества; до вида и рода ему дойти было трудно. „Крыша“, „кладовая“; „окна“ имѣютъ свои знаки, но „домъ“, „храмъ“, „башня — нѣтъ. Первобытный человѣкъ, конечно, отдавалъ предпочтеніе внѣшнему предъ внутреннимъ, наружному предъ скрытымъ. Такъ изъ 27 членовъ тѣла представлены почти одни наружные, изъ внутреннихъ — только „сердце“ и „позвоночный столбъ“.

Вглядываясь въ коренные знаки китайской азбуки, вы видите, что письменный языкъ Китая создавался въ хатѣ и притомъ въ бѣдной, а не во дворцѣ. Языкъ этотъ говоритъ вамъ о ремесленникѣ, кудесникѣ, демонѣ, когда богдыхана, ученаго, судьи еще нѣтъ и въ поминѣ. О степени развитія можно судить потому, что ни одинъ изъ металловъ не нашелъ себѣ изъ 214 ни одного знака, нѣтъ знаковъ и для земледѣльческихъ орудій, хотя для посуды каменной и деревянной и для сундуковъ знаки есть.

Характеристику древне-китайскаго общества по первобытнымъ знакамъ письменнаго языка впервые составилъ Абель Ремюза [1]), у котораго мы и заимствовали большую часть этихъ подробностей.

Нельзя не сказать, что нѣкоторые изъ китайскихъ письменныхъ знаковъ очень просты по начертанію и легко запоминаются. Такъ одна черта значитъ 1, двѣ (одна подъ другой) — 2, три— 3. Квадратъ, пересѣченный чертою въ срединѣ — „средина“. Рѣшетка — „безъ“ (знакъ отдѣленія, лишенія). Натянутый лукъ — значитъ „стрѣлять“. Но изъ 608 такихъ живописныхъ знаковъ въ китайской азбукѣ— легко и безъ объясненія понятныхъ—немного. Если мы видимъ, что „человѣкъ“ надъ „землей“ значитъ „господинъ“; особый значекъ *надъ* чертой— „главенство“, „господство“, а *подъ* чертой — „подчиненность“— то подобные знаки запоминаются также безъ особаго труда. Но затѣмъ вы встрѣчаете: „женщина съ ребенкомъ“—значитъ „хорошо“; „мочь“ (быть въ состояніи) и „вода“—вмѣстѣ значатъ „рѣка“; „солнце за деревомъ“—„востокъ;“ птица въ гнѣздѣ“

---

[1]) *Journal Asiatique*, II, 133—141. Ср. *Cantu*, 158—159.

—„западъ“. Если китаецъ „гнѣвъ“ изображаетъ знакомъ „сердце“ въ знакѣ „рабство“, то европеецъ можетъ, если онъ поклонникъ китайцевъ, прочесть: „человѣкъ въ гнѣвѣ — рабъ своего сердца“, но врагъ китайцевъ прочтетъ: „гнѣвъ—сердце, накинувшееся на раба“. Кто будетъ правъ и кто виноватъ—идеалистъ или циникъ? Тутъ нельзя не видѣть уже рядъ своеобразностей, которыя, повторяемъ, европейцу одолѣть трудно. Это, впрочемъ, еще не главныя трудности. Камень преткновенія составятъ болѣе 20,000 словъ полу-живописныхъ, полу-фонетическихъ. Такъ „оселъ“ пишется „лошадь лу“, „волкъ“—„собака лангъ“, „карпъ“—„рыба ли“, гдѣ *лу*, *лангъ*, *ли* имѣютъ только звуковое значеніе. Тутъ мало того, чтобы знать китайскую фонетику, нужно еще свыкнуться съ идеею о лошади какъ о родовомъ понятіи и объ ослѣ—какъ видовомъ. Китайскій языкъ идетъ дальше—его первобытные письменные знаки не проводятъ разницы между лисицей, волкомъ и собакой, между козой и бараномъ.

Санскритскій, манчжурскій, монгольскій языки въ такой степени повліяли на китайскую письменность, что звуковой элементъ долженъ былъ, съ теченіемъ времени, брать перевѣсъ въ ней надъ гіероглифическимъ. Первоначальный способъ китайцевъ заставлять идеографическій знакъ читать какъ фонетическій былъ—рисовать при словѣ „ротъ“. Особенно часто къ этому нужно было прибѣгать въ означеніи собственныхъ именъ.

Словомъ, если опытъ показалъ, что очень трудно типографировать по-европейски японскій шрифтъ и печатать имъ, то китайскій языкъ является стольже неудобнымъ въ культурномъ отношеніи.

Достаточно того, что при телеграфныхъ опытахъ оказывалось нужнымъ употреблять не меньше 17-ти сигналовъ для передачи одного китайскаго знака. Правда, этотъ знакъ—цѣлое слово, но цифра сигналовъ все-таки почтенная. При обычномъ способѣ телеграфированія на англійскомъ языкѣ нужно только 26 клавишъ прибора—24 для буквъ и двѣ для „начинайте“ и „конецъ“. Передавая китайскими знаками, нужно имѣть 216 клавишъ (214 для основныхъ знаковъ и двѣ сигнальныя) и притомъ размѣщеніе этихъ простыхъ знаковъ, для полученія сложныхъ, составитъ истую пытку даже для китайца-телеграфиста, такъ какъ тутъ нельзя посмотрѣть, какъ написанъ знакъ—вверху, внизу или въ сторонѣ (отчего иногда очень много зависитъ) и надобно угадывать, противъ всѣхъ вѣроятностей успѣха.

Зависимость японскаго языка отъ китайскаго и трудность послѣдняго дѣлали до сихъ поръ то, что къ изученію Японіи, ея быта и историческихъ судебъ нужно было ощупью подвигаться по узкому мосту, ведущему чрезъ Китай. Дорога очень неудобная и для Европы и для Японіи.

Неудивительно, что японское правительство уже останавливалось на мысли: ввести англійскій языкъ въ странѣ какъ народный. Чему не повѣрилось бы въ другомъ государствѣ — возможно, по особеннымъ, неустранимымъ историческимъ причинамъ въ Японіи.

Историческая литература.

Китай—единственная страна, гдѣ историография и исторія официально признаны совѣтниками правительства, гдѣ составленіе вѣрныхъ и подробныхъ лѣтописей составляетъ одну изъ главныхъ заботъ государственнаго управленія.

Обязанность составленія лѣтописей лежитъ тамъ на государственномъ учрежденіи, которое можно назвать „историческою академіею“. Двадцать два лѣтописца постоянно пишутъ, поочередно о всемъ, случающемся въ странѣ и о всемъ, сдѣланномъ богдыханомъ, и поочередно же, неотлучно находятся при императорѣ, чтобы записывать его слова и дѣла. Историки сводятъ лѣтописи и составляютъ систематическіе очерки царствованій и событій.

По замѣчанію Аміо [1]), нѣтъ въ мірѣ лѣтописей болѣе обстоятельныхъ и дѣльно составленныхъ, какъ китайскія. Сказочный элементъ и дань суевѣрію вошли въ нихъ лишь незначительною долею.

Историческая литература представляетъ въ Китаѣ обширные, на взглядъ европейца, размѣры. У Китая есть свой классическій историкъ—Геродотъ китайской исторіи—Се-ма-цянь и масса другихъ историковъ, но можно сказать, что почти каждый китайскій городъ имѣетъ еще, кромѣ того, свою мѣстную исторію въ шкапахъ фоліантовъ. Китайскій „Плутархъ“ заключаетъ въ себѣ сказанія о жизни 3000 знаменитыхъ мужей и 200 добродѣтельныхъ женщинъ. Какъ видимъ, эти труды, по отношенію къ европейскимъ того же рода, то же, что пекинская правительственная

---

[1]) *Amiot*, Mém. sur les Chinois, II, 146.

газета „Столичный Вѣстникъ", выходящая ежедневно 60 — 70 листами,—относительно европейскихъ ежедневныхъ изданій.

Лѣтописи Китая намъ извѣстны въ извлеченіяхъ переводчиковъ-оріенталистовъ, но съ китайскими историческими сочиненіями (а ихъ насчитываютъ десятки тысячъ) Европа почти не знакома. Причина та — по сознанію самихъ оріенталистовъ — что языкъ лѣтописей несравненно легче, а съ языкомъ историческихъ сочиненій наши синологи не всегда могутъ справиться.

Средневѣковую Европу познакомилъ съ Китаемъ Марко-Поло. Марко-Поло не былъ туристъ, бѣгло взглянувшій на страну. Онъ былъ на службѣ у монгольскаго покорителя Китая, Кублай-хана, и управлялъ одною изъ областей. Сочиненіе его говорило о такихъ, невѣданныхъ въ Европѣ чудесахъ, о такихъ богатствахъ, о столь многочисленномъ населеніи Китая, что современники прозвали автора Марко-Милльоне. Не вполнѣ довѣряя его разсказамъ, они готовы были во многомъ видѣть преувеличеніе.

Но португальцы и іезуиты въ XVI в. вполнѣ подтвердили разсказы Марко-Поло. Сочиненіе Марко-Поло, въ настоящее время, представляетъ много подробностей, непонятныхъ безъ комментарія, и не мало географическихъ данныхъ, которыхъ нѣтъ возможности провѣрить современными картами: такъ много измѣнилось въ Китаѣ съ того времени и въ названіяхъ мѣстностей и въ ихъ относительномъ значеніи.

Марсденъ, издавшій въ 1818 г. сочиненіе Марко-Поло, не могъ разъяснить многаго, какъ замѣчаетъ Клапротъ, уже потому, что не обращался къ китайскимъ источникамъ, безъ которыхъ чтеніе Марко-Поло невозможно.

Въ XVII—XVIII вв. изученіе китайскихъ историческихъ памятниковъ было больше дѣломъ іезуитовъ. Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія въ Римѣ напечатанъ былъ сборникъ Bibliotheca Orientalis. Ревностнымъ покровителемъ синологовъ является въ началѣ прошлаго столѣтія курфирстъ Бранденбургскій, вызвавшій въ Берлинъ переводчика Конфуція, Купле. Лейбницъ также писалъ о Китаѣ. Но вообще говоря, до нынѣшняго столѣтія историческое изученіе этой страны сдѣлало небольшіе шаги.

Аміо [1]), Абель Ремюза [1]), Клапротъ [3]) открываютъ въ настоя-

---

[1]) Mèmoires sur les Chinois.

[2]) Notices des manuscrits de la Bibl. royale; Mélanges asiatiques; статьи въ Journal Asiatique и пр.

[3]) Asia Polyglotta; Tableaux historiques de l'Asie и др.

щемъ столѣтіи эпоху внимательнаго изученія китайскихъ древностей. Изъ ихъ многотомныхъ сочиненій Европа могла познакомиться съ прошлымъ Китая и его научною литературою.

Во всѣхъ странахъ, въ XIX столѣтіи, стали обращать вниманіе на изученіе Китая. Морисонъ издалъ на счетъ англійской Ост-Индской компаніи огромный китайскій лексиконъ и компанія, издержавшая 10 т. фунт. стерлинговъ на это предпріятіе, была столь щедра въ отношеніи автора, что подарила ему изданную съ такими издержками книгу. Лексиконъ Дегиня (Desguine), изданный по приказанію Наполеона I, пользуется меньшею извѣстностью чѣмъ Моррисоновъ, хотя и этотъ послѣдній страдаетъ обиліемъ ненужныхъ, въ лексическомъ отношеніи, историческихъ. статистическихъ и другихъ свѣдѣній о Китаѣ. Европейскимъ лингвистамъ было чѣмъ пользоваться при составленіи китайскаго лексикона: въ одной пекинской императорской библіотекѣ находится 218 сочиненій китайцевъ о китайскомъ языкѣ. Ост-Индская компанія относилась щедро къ трудамъ синологовъ, но собственно англійское правительство только значительно позже обратило вниманіе на изученіе Китая и его литературы. Каѳедра китайскаго языка въ лондонскомъ университетѣ была открыта долго послѣ того, какъ стали слышаться нарѣканія, что англійское правительсто слишкомъ апатически относится къ изслѣдованію страны, гдѣ замѣшаны ея важные торговые интересы. Французы опередили всѣ народы въ изученіи Китая, и трудами ихъ руководились долго ученые другихъ странъ. Такъ Риттеръ, для своего „Землевѣдѣнія Азіи“, постоянно обращался къ трудамъ Клапрота и Ремюза.

Въ 1823 г. явилась въ Парижѣ первая книга *Journal Asiatique*, изданія, спеціально посвященнаго востоку. Вслѣдъ затѣмъ, образовалось „Азіатское общество“ въ Англіи, ставшее издавать свои труды [1]). Труды другаго англійскаго общества—„Бенгальскаго“—были посвящены почти исключительно Индіи. Въ Америкѣ первое «Восточное общество» открыло свою дѣятельность въ 1843 г. въ Бостонѣ. Изданіе этого общества [2]) выходило лишь небольшими выпусками въ продолжительные сроки времени (съ 1843 по 1853 гг. вышло всего три тома), но постепенно все пріобрѣтало въ занимательности.

---

[1]) *Transactions* of the Royal Asiatic Society of Great-Britain and Ireland; *Journal* of the R. As. S.

[2]) *Journal* of the American Oriental Soc.

Нельзя не упомянуть также о сборникѣ, начавшемъ издаваться въ Кантонѣ съ тѣхъ поръ, какъ англичане окончательно утвердились въ немъ: Chinese Repository — посвященный, какъ видимъ, исключительно Китаю—прекратился на двадцатомъ томѣ.

Нѣмецкое «общество» для изученія востока издало уже почти тридцать томовъ своихъ трудовъ [1]), но въ нихъ очень мало матеріаловъ для исторіи Китая и Японіи.

Съ библіографіею «востоковѣдѣнія» довольно полно знакомитъ трудъ Отто Кистнера: «Будда и его ученіе», библіографическій очеркъ [2]).

Русская литература также внесла въ общеевропейскую не малую лепту на изученіе Китая. Труды о. Іакиноа сдѣлались извѣстными всей Европѣ. О. Іакинѳъ провелъ большую часть жизни въ Китаѣ. О немъ говорили, что онъ самъ почти превратился въ китайца. Дѣйствительно, когда почтенный синологъ. послѣ долгаго пребыванія въ Китаѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ, лица, знавшія его прежде, находили, что самый складъ лица его какъ бы измѣнился и разрѣзъ глазъ сталъ походить нѣсколько на китайскій. Если это такъ, то надобно сказать, что китайскій климатъ и китайская обстановка имѣютъ чудесное свойство перероддать европейцевъ.

Сочиненія Іакинѳа коснулись всѣхъ сторонъ быта китайцевъ и сосѣднихъ съ собственнымъ Китаемъ областей: восточнаго Туркестана, Чжунгаріи, Тибета.

Ближайшее изученіе Китая и Японіи было вызвано въ Россіи прямыми экономическими и политическими причинами. Съ XVII ст. русскія владѣнія соприкасались съ китайскими. Судьба Албазина доказала, что въ XVII в. толпамъ русскихъ удальцовъ не справиться было съ китайскими арміями. Для потомковъ албазинскихъ плѣнниковъ, поселенныхъ въ Пекинѣ, нужны были священники—явилась необходимость въ православной духовной миссіи въ Китаѣ. Вотъ начало постояннаго пребыванія въ столицѣ богдыхана русскаго посольства, сдѣлавшаго не мало для изученія восточной Азіи.

Въ Пекинъ посылались изъ Россіи духовныя лица и студенты, готовившіеся въ переводчики. Чрезъ 8—13 лѣтъ пребыванія въ

---

[1]) Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

[2]) Kistner. Buddha and his doctrines. A Bibliographical Essay.

Китаѣ, члены посольства возвращались въ Россію. Клапротъ, близко знакомый съ ученою дѣятельностью русскихъ на востокѣ Азіи, замѣчаетъ, что далеко не всѣ отправлявшіеся съ миссіей были лица, сдѣлавшія что-нибудь для науки. Многіе, поѣхавъ безъ подготовки и неспособные къ избранной задачѣ, выучивались по-манчжурски, почти забывая иногда свой родной языкъ, но для изученія Китая и его литературы сдѣлали очень мало.

Но встрѣчаются видныя исключенія. Даже Клапротъ и Нейманъ съ уваженіемъ отзываются о трудахъ Леонтьева, Липовцева, Агаоонова и Разсохина. Особенно Леонтьевъ извѣстенъ, какъ трудолюбивый переводчикъ съ китайскаго въ царствованіе Екатерины II. Но и до того особенное вниманіе обращено было въ Россіи на востокъ. Вспомнимъ, что прошлое столѣтіе—эпоха китайскихъ завоеваній въ средней Азіи. При Куанъ-Лунгѣ китайцы доходили до Аму и Сыръ-Дарьи. Притомъ торговыя сношенія двухъ странъ стали разширяться. И вотъ петербургская академія наукъ едва основана, какъ уже вербуетъ въ ряды своихъ членовъ замѣчательныхъ оріенталистовъ.

Въ 1730 г. Байеръ издалъ Museum Sinicum (Китайскій Музей). Эта книга въ 109 страницъ заключаетъ въ себѣ переводъ тибетской рукописи, подаренной Петромъ Великимъ французской академіи и переведенной Фурмономъ. Вызванный вскорѣ послѣ того въ Петербургъ изъ-за границы Керъ (Kehr) предлагалъ даже нашему правительству основать «академію востоковѣдѣнія», но предложеніе это не могло быть принято. Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны президентъ академіи гр. К. Г. Разумовскій находился въ дѣятельной перепискѣ съ парижскими оріенталистами и католическимъ миссіонеромъ въ Пекинѣ, извѣстнымъ Гобилемъ (Gaubil). Гр. Разумовскій отправлялъ, напр., католической миссіи въ Пекинѣ „Мемуары“ академіи, описаніе коронаціи, портреты императрицы Елисаветы Петровны и пр.

Если обратимъ вниманіе на обширные труды Леонтьева и другихъ членовъ русской пекинской миссіи въ царствованіе имп. Екатерины II, то удивительнымъ покажется, какъ Шармуа въ подробномъ, повидимому, отчетѣ объ успѣхахъ востоковѣдѣнія въ Россіи, отъ Байера и Кера дѣлаетъ прямо скачекъ къ эпохѣ имп. Александра I, заявивъ, что въ этотъ промежутокъ времени оріентализмъ не представилъ въ Россіи никакихъ замѣчательныхъ трудовъ [1]).

[1]) *Journal Asiatique*, 1837, IV, 253.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія русское востоковѣдѣніе пріобрѣло Клапрота. Щедростью имп. Александра I сдѣланный русскимъ академикомъ, Клапротъ въ 1805 г. отправился въ Сибирь для научныхъ изслѣдованій. Трудъ Клапрота «Archives pour la litterature orientale» былъ напечатанъ петербургскою академіею.

Впослѣдствіи Клапротъ остался вѣстникомъ всѣхъ успѣховъ русскихъ оріенталистовъ — за-границею, и внимательно слѣдилъ за ними.

Когда нѣкто Орловъ, чиновникъ заявлявшій, что онъ семь лѣтъ пробылъ въ Пекинѣ, издалъ «Описаніе Китая», составленное якобы по его собственнымъ источникамъ, въ надеждѣ, что Россія не знаетъ работъ Леонтьева и другихъ труженниковъ прошлаго времени—въ чемъ Орловъ и не ошибался,—то иностранный ученый перечелъ ему по страницамъ, откуда были сдѣланы имъ извлеченія — иногда въ сотни страницъ, безъ малѣйшаго признака указанія источниковъ. Эксплуатація такимъ образомъ была выведена на чистую воду.

Клапротъ не оставилъ безъ критическихъ возраженій и трудовъ Іакиноа, хотя отдавалъ полную дань уваженія трудолюбію его. Въ его „Исторіи Монголіи“ онъ находилъ много ошибокъ и неточностей [1]). По поводу одной вставки Іакинѳа въ переводѣ съ китайскаго „вотъ начало монгольскаго духовенства!“ Клапротъ замѣчаетъ „вотъ какъ искажается исторія!“ [2]). Но вообще Клапротъ уважалъ труды Іакинѳа, переводилъ ихъ на французскій языкъ и говорилъ, что Іакинѳомъ сдѣлано однимъ, сколько едва въ силахъ было бы сдѣлать цѣлое ученое общество.

При имп. Николаѣ казною было пріобрѣтено богатое собраніе китайскихъ и японскихъ книгъ барона Шиллинга и вообще Петербургъ, по замѣчанію французскихъ оріенталистовъ, могъ похвалиться съ этого времени лучшею во всей Европѣ коллекціею книгъ о восточной Азіи. Шиллингъ получилъ 15,000 рублей единовременно и 2500 р. пожизненнаго пенсіона за свое собраніе книгъ.

Матеріалы для исторіи Японіи стали разработываться также больше въ нынѣшнемъ столѣтіи. Правда уже въ XVI ст. явились „Японскія письма“ [3]), содержавшія данныя, собранныя преиму-

---

[1]) *Nouv. Journal Asiatique*, 1830, VI, 4.
[2]) *Journal Asiatique*, IV, 115.
[3]) *Epistolae Japonicae.*

щественно іезуитами-миссіонерами. Іезуиты не только знакомили Европу съ Японіею, но и японцевъ съ Европою. Для послѣдней цѣли явилось сочиненіе: „о японскомъ посольствѣ въ Европу“ [1]).

Но послѣдовавшее затѣмъ политическое отчужденіе Японіи отъ остальнаго міра повело къ тому, что только голландцы факторіи Дезимы иногда сообщали Европѣ вѣсти о Японіи и ея бытѣ.

Кемферъ, Тунбергъ, Дуффъ и въ особенности Зибольдъ—бросили много свѣта на бытъ страны, о которой Европа знала даже меньше чѣмъ о Китаѣ. Обыкновенно ученый—медикъ, или натуралистъ—устроивался на нѣсколько времени въ японской голландской факторіи и, успѣвъ посильно изучить страну и ея бытъ, составлялъ описаніе ея. Особенно популярнымъ долгое время былъ живой и откровенный по изложенію трудъ Кемфера. Тунбергъ, сотрудникъ Линнея, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Дезимѣ, составилъ въ концѣ прошлаго столѣтія на шведскомъ языкѣ описаніе Японіи, преимущественно въ естественно-историческомъ отношеніи.

Въ концѣ прошлаго же столѣтія сдѣлано было первое извлеченіе изъ японскихъ лѣтописей голландскимъ ученымъ Титсингомъ. Вообще Японія хотя не такъ богата историческими сочиненіями какъ Китай, но уже въ VII ст. имѣла свою „исторію“, изданную въ 30 томовъ. Послѣ вышелъ рядъ дополненій къ этому сочиненію. Съ японскою энциклопедіею въ 80 томахъ познакомилъ насъ Ремюза въ своемъ трудѣ Notices et extraits des manuscrits, XI.

Переводъ лѣтописей, сдѣланный Титсингомъ, очень не точенъ и, по мнѣнію такого знатока японской литературы какъ Гофманъ, чуть не двѣ трети труда Титсинга плохо и невѣрно передаютъ подлинникъ. Но прежде чѣмъ Гофманъ заявилъ свой взглядъ на этотъ переводъ, трудъ Титсинга, долго остававшійся въ рукописи, былъ наконецъ напечатанъ на счетъ „Восточнаго Общества“ (Oriental Fund Society).

Не смотря на труды нѣсколькихъ голландскихъ ученыхъ и католическихъ миссіонеровъ, Европа имѣла самыя поверхностныя свѣдѣнія о Японіи, пока не вышелъ извѣстный трудъ Зибольда „Ниппонъ“ [2]).

---

[1]) De missione legatorum Japanensium.

[2]) Nippon. Archiv zur Beschreibung von Japan. 1832—39. 5 т.

Зибольдъ семь лѣтъ провелъ въ сношеніяхъ съ японцами. Онъ основалъ общество, членами котораго было нѣсколько японцевъ. Имѣя учениковъ и пріятелей между японцами, живя долго среди японскаго населенія, Зибольдъ успѣлъ собрать коллекцію произведеній Японіи, какой еще не видала Европа. Это собраніе — *Японскій Музей* — бывшее прежде въ Лейденѣ, послѣ было перенесено въ Мюнхенъ, гдѣ находилось до послѣдняго времени. Зибольдъ собралъ богатую коллекцію японскихъ книгъ. Вернувшись въ Европу, онъ пригласилъ къ сотрудничеству лейденскаго профессора Гофмана, автора „Японской Грамматики“, изданной англійскимъ правительствомъ, и многихъ другихъ трудовъ о Японіи. Результатомъ этого общаго труда лингвиста и натуралиста явился обширный, но къ сожалѣнію неоконченный, сборникъ Зибольда.

„Ниппонъ“ представляетъ обстоятельное описаніе Японіи въ историческомъ, географическомъ, естественномъ и литературномъ отношеніяхъ. Особенно богатъ естественный отдѣлъ. Рисунки замѣчательны по выполненію. Относительно картографической части труда Зибольда достаточно сказать, что въ рукахъ издателя были копіи съ картъ, снятыхъ въ Японіи по распоряженію японскаго правительства, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при помощи голландскихъ инструментовъ, и весьма отчетливо. Оригиналъ этихъ картъ хранится въ Іеддо и только дружба нѣсколькихъ вліятельныхъ японцевъ могла доставить европейскому ученому копіи съ нихъ.

Говорятъ, японецъ, оказавшій наибольшую услугу Зибольду въ этомъ отношеніи, былъ казненъ. Самыя копіи, принадлежащія Зибольду, по личнымъ соображеніямъ его не были опубликованы. Вообще японское правительство преслѣдовало строго всякое сообщеніе иностранцамъ свѣдѣній о странѣ, и европейскіе изслѣдователи, успѣвшіе узнать что-либо отъ туземцевъ, обыкновенно благоразумно скрываютъ имена своихъ японскихъ друзей, нарушившихъ запретъ правительства, въ увѣренности, что оглашеніе тотчасъ же поведетъ къ наказанію виновныхъ.

Живя въ Иркутскѣ, Клапротъ познакомился тамъ съ бытомъ морской школы, гдѣ русскія дѣти учились по-японски подъ руководствомъ японцевъ. Вообще японцы—отдѣльныя личности—вѣроятно давно уже стали попадать въ Россію — ручательство въ этомъ представляютъ часто встрѣчающіяся у насъ фамиліи Якунинъ, Якунчиковъ и пр. (*якунинъ* — по-японски „дворянинъ“).

По особенно часто стали попадать японцы къ намъ въ прошломъ столѣтіи. Странствуя по сосѣднимъ морямъ и не всегда зная карту (японцы еще въ прошломъ столѣтіи—какъ видно по картамъ Зибольда — ограничивали Россію съ юга Амуромъ), японскіе купцы нерѣдко были забрасываемы къ берегамъ Сибири и, потерпѣвъ крушеніе, оставались въ Россіи. Что было съ ними дѣлать? По японскому закону, кто разъ изъ японцевъ побывалъ въ чужой землѣ, не могъ быть принятъ на родинѣ. Ихъ оставляли въ Иркутскѣ и давали имъ для обученія японскому языку русскихъ дѣтей, которыя однако, какъ замѣчаетъ Клапротъ, учились плохо у своихъ педагоговъ, принявшихъ русскія имена Киселева, Колодкина и пр.

Со времени открытія Японіи европейскимъ сношеніямъ, рядъ описаній ея успѣлъ появиться въ печати. Такія описанія какъ англійскаго консула Алькока, спутника лорда Эльгина, Олифанта и др. говорятъ очень мало о странѣ и говорятъ не всегда къ дѣлу. Зато въ обычаѣ во всѣхъ сочиненіяхъ такого рода предлагать читателю массу картинъ и гравюръ, больше представляющихъ снимки съ японскихъ.

Русскій читатель достаточно ознакомится съ японскимъ бытомъ, если просмотритъ сочиненія Головнина, Гончарова, Вышеславцева, Бартошевскаго, Венюкова. Послѣдній изъ нашихъ изслѣдователей Азіи замѣчаетъ, что, начавъ изучать Японію по источникамъ, онъ находилъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ сочиненія объ этой странѣ неразрѣзанными—такъ мало было у насъ охотниковъ знакомиться съ отдаленнымъ азіатскимъ востокомъ.

Дѣйствительно еще не далеко то время, когда возникалъ вопросъ—вводить-ли исторію Китая въ общій курсъ всемірной исторіи? Многіе труды по всеобщей исторіи совершенно не упоминали о Китаѣ. Что касается Японіи, то она уже вовсе исключалась изъ числа историческихъ странъ.

Такъ было и такъ могло быть прежде. Но съ тѣхъ поръ какъ сдѣланъ шагъ къ уничтоженію преградъ, отдѣлявшихъ Европу отъ восточной Азіи—Китай и Японія стали въ столь близкія отношенія къ Англіи, Америкѣ и Россіи, что дальнѣйшее невѣдѣніе историческихъ судебъ этихъ азіатскихъ государствъ могло бы серьезно повредить самымъ торговымъ сношеніямъ Европы съ ними, не говоря уже о томъ, что взаимныя заимствованія востока отъ запада, и наоборотъ, были бы въ такомъ случаѣ почти невозможны.

ИНДІЯ.

Догматъ самопстязанія и политическія судьбы Индіи.

Индусы, или индѣйцы, какъ названіе народа, было неизвѣстно въ самой Индіи—оно придано странѣ персами. «Индъ» значитъ „темно-синій“ и вся страна за этою темно-синею рѣкою носила у сосѣдей названіе Индіи. Сами индѣйцы называютъ себя арійцами (людьми хорошаго рода).

Первоначальныя вѣрованія индѣйцевъ не могли уклониться отъ вѣрованій всѣхъ первобытныхъ народовъ въ звѣздное небо. Въ трехъ мильонахъ добрыхъ и злыхъ духовъ, упоминаемыхъ въ индѣйскихъ сказаніяхъ, надобно видѣть несчетныя небесныя свѣтила. Четыре фаза луны обоготворялись въ лицѣ четырехъ богинь [1]). Это религіозное созерцаніе звѣзднаго неба должно было вести къ раннимъ успѣхамъ въ астрономіи. Извѣстно, что въ Индіи какъ въ Китаѣ, уже съ отдаленныхъ временъ умѣли опредѣлять заранѣе солнечныя затмѣнія. Послѣдующая религія индѣйцевъ представляетъ божества какъ олицетвореніе силъ природы. *Брама* (въ переводѣ «великій»), высшій богъ—богъ солнца и земли, создающая сила. Его представляли живущимъ въ яйцѣ, блестѣвшемъ золотомъ и горѣвшемъ огнемъ. *Вишну*—сила всепроницающая, поддерживающая жизнь, символъ воды и воздуха. *Сива*—сила очищающая и разрушительная; символъ огня, тепла и зависящаго отъ тепла плодородія. Эти три божества составляютъ индѣйскую троицу (*тримурти*). Они представляются въ трехугольномъ изображеніи: съ каждой стороны видно лицо одного божества и всѣ три головы имѣютъ одинъ общій затылокъ.

---

[1]) *Lassen*. Indische Alterthumskunde, II, 1118.

Эти три божества, изображая силы природы, невидимы. Ва видимомъ образѣ Вишну являлся между людьми какъ Рамъ (Рама—«плугоноситель») и Кришна, воспитанный среди пастуховъ. Вишну принималъ образъ не только человѣка, но и животныхъ. «Рама» съ его плугомъ и Кришна—воспитанникъ пастуховъ, говорятъ намъ о высокомъ значеніи въ глазахъ индусовъ скотоводства и земледѣлія, какъ основъ зараждавшейся общественной жизни. Воплощеніе Вишну въ тѣла животныхъ должно было защитить и охранить низшія существа отъ жестокости человѣка.

Какъ китайцы вѣрятъ, по ученію своей главной религіи, что человѣкъ родится чистымъ отъ природы, такъ индѣйцы наоборотъ смотрятъ на тѣло какъ на темницу души, нѣчто по природѣ нечистое. Поэтому религія ихъ предписываетъ главнымъ образомъ омовенія, очистительныя жертвоприношенія, путешествія къ святымъ мѣстамъ и самомстязанія: стояніе въ теченіе цѣлаго дня на цыпочкахъ, сидѣніе въ жаркій полдень между четырьмя огнями, ношеніе въ холодъ мокраго платья—считаются обыкновеннымъ дѣломъ. Спасеніе души заставляетъ индуса зимою стоять по горло въ водѣ, ходить въ бури и непогоду съ открытою головою, стоять неподвижно по цѣлымъ днямъ съ распростертыми руками. Иногда можно видѣть индуса сидящаго неподвижно на пяткахъ; уши его заложены большими пальцами рукъ, глаза закрыты указательными пальцами, ноздри средними, губы мизинцами. Въ этомъ положеніи онъ остается безъ дыханія, иногда до тѣхъ поръ пока не падаетъ въ обморокъ.

Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ одинъ европеецъ замѣтилъ отверстіе въ землѣ и, не зная, что тамъ лежитъ неподвижно индусскій анахоретъ, ткнулъ нѣсколько разъ въ отверстіе палкою. Палка покрылась кровью, но ни однимъ движеніемъ, ни однимъ крикомъ боли не измѣнилъ своей неподвижности заложившій себя землею подвижникъ.

Разсказъ индусскихъ легендъ о Буддѣ-Сакіи (рожденномъ, какъ гласитъ легенда, отъ луча свѣта, осѣнившаго дѣвицу Маію), всего лучше показываетъ, въ чемъ идеалъ индусскаго отшельника:

Узнавъ отъ своего наставника, что подвиги безъ убиванія плоти не приведутъ къ спасенію, Будда-Сакія обкладываетъ себя горючими веществами и зажигаетъ ихъ. Въ другой разъ онъ вбиваетъ въ свое тѣло тысячи гвоздей. Встрѣтивъ голодную тигрицу съ ея маленькимъ дѣтищемъ, онъ отдаетъ ей себя на съѣде-

ніе, чтобы утолить ея голодъ. Но тигрица на столько слаба, что не можетъ кусать. Тогда онъ разрѣзываетъ себѣ жилы, чтобы дать ей напиться крови. Когда по смерти душа его вошла въ лисицу и царь грозилъ охотникамъ смертью, если они не поймаютъ ему этого краснваго звѣря, — лисица отдалась добровольно въ руки охотниковъ, но съ уговоромъ, чтобы мѣхъ, прельщавшій царя, былъ содранъ съ нея живой, и такимъ образомъ охотники не взяли бы на душу грѣха убійства. Затѣмъ, едва кожа была содрана, лисица дала свое окровавленное тѣло въ пищу облѣпившимъ ее со всѣхъ сторонъ насѣкомымъ.

Такимъ образомъ у индусовъ явилась цѣлая догматика самоистязанія.

Будда родился 550 разъ за грѣхи, совершенные имъ. Рожденіе уже само по себѣ несчастье въ глазахъ индуса. Блаженъ тотъ, кто, сойдя въ могилу, болѣе не родится. Только душа грѣшнаго переходитъ изъ тѣла въ тѣло и отдается вновь на пытку земной жизни. Уподобиться Брамѣ, значитъ превратиться въ полное „ничто“, исчезнуть безъ слѣда. „Нирвана“ — высшее блаженство индуса—есть вѣчный покой не-бытія.

Европейскіе ученые не вполнѣ согласны между собою въ объясненіи индѣйской „Нирваны“. Шоттъ [1]) и Боленъ передаютъ „Нирвана“ словомъ „соединеніе“, т. е., по ихъ объясненію, это „соединеніе съ божествомъ, съ Брамой“. Фуко (Foucaux) переводитъ «вѣчный покой». Бартелеми Сентъ-Илеръ и Бюрнуфъ видятъ напротивъ въ „Нирванѣ“ буддистовъ полное уничтоженіе бытія, особенно мыслящаго принципа [2]).

Мнѣніе послѣднихъ подтверждается всѣмъ духомъ буддистскаго ученія, отвергающаго загробную жизнь и допускающаго рожденіе вновь только за грѣхи.

Взглядъ индусовъ на скорбность и тяжесть жизни рѣзко выраженъ въ Пуранахъ.

Вотъ какъ приблизительно рисуетъ Падма-Пурана рожденіе ребенка.

„Несчастное созданіе заключено неподвижно въ утробѣ матери. Тѣло его согнуто; онъ ничего не можетъ сдѣлать противъ червей, обсасывающихъ его. Онъ покрытъ грязью, нечистотою.

---

[1]) *Schott*. Ueber den Buddhaismus, 170.
[2]) *Kistner*. Buddha and his doctrines, 1.

Онъ страдаетъ отъ горькихъ и кислыхъ веществъ, принятыхъ въ пищу его матерью и которыхъ его желудокъ не переноситъ; но онъ не можетъ не принять ихъ. Начинаются движенія, но они непроизвольны.

„Выходить онъ на свѣтъ — онъ кинутъ на землю въ лужу крови. Онъ кричитъ. Онъ сосетъ, не зная что́, что́ бы не дали. Насѣкомыя впиваются въ его тѣло и онъ не въ состояніи отогнать ихъ“.

Вишну-Пурана набрасываетъ сходную же по тенденціи картину старости:

„Старѣетъ человѣкъ и кровь застываетъ въ его жилахъ. Онъ тупо смотритъ впередъ плохо видящимъ глазомъ. Кожа едва прикрываетъ его жилы и мускулы. Слюна течетъ съ неподвижныхъ губъ. Старикъ—существо презираемое прислугою, своими дѣтьми, женою“.

Менѣе цинична и поэтичнѣе картина тщеты всего человѣческаго въ Хитопадезѣ.

„Къ чему дружба, любовь? — спрашиваетъ индѣйскій философъ. — Развѣ два существа, любящія другъ друга въ этомъ мірѣ — не двѣ вѣтки, подплывшія на мгновеніе другъ къ другу въ безграничномъ морѣ, чтобы затѣмъ разойтись другъ съ другомъ навсегда? Бойтесь привязанности, бойтесь возвышенности и благородства души вашего друга. Чѣмъ возвышеннѣе и благороднѣе онъ, тѣмъ больше ваше горе впереди, когда наступитъ минута разлуки. Чѣмъ лучше человѣкъ, тѣмъ больше избѣгайте его—тѣмъ мучительнѣе будетъ разлука. Сближеніе—начало разлуки, какъ рожденіе—преддверіе смерти“.

Жизнь всегда была дешева въ Индіи. Индусу ничего не стоитъ броситься подъ колесницу Джаггернота. Тридцать два колеса (по шестнадцати на каждой сторонѣ) этого экипажа индѣйскаго божества постоянно окрашивались кровью жертвъ, бросавшихся сотнями на пути его.

Особенно часты религіозныя самоубійства въ мѣстностяхъ, гдѣ главнымъ богомъ чтится богъ-разрушитель Сива, напр. въ Бенаресѣ. Тутъ въ узкихъ, кривыхъ улицахъ, среди священныхъ быковъ и обезьянъ, сидятъ толпы фанатиковъ, изможденныхъ свое тѣло страшными страданіями. Одинъ сидитъ безъ движенія много лѣтъ и истощавшіе члены его потеряли силу и движеніе. У другаго въ вѣчно сжатомъ по обѣту кулакѣ длинные ногти проросли чрезъ ладонь. Третій остается все время съ закрытыми глазами.

Четвертый стоитъ на утыканной гвоздями колодѣ и гвозди входятъ въ его подошвы.

Словомъ, это царство самоистязанія. Хорошо тутъ, кажется, только священнымъ быкамъ, подбѣгающимъ къ богомольцамъ за подачкою маиса, или хлѣба съ сахаромъ, и даже обшаривающимъ карманы тѣхъ, кто не даетъ добровольно. Люди просятъ подаянія въ этихъ мѣстахъ не менѣе назойливо, но по крайней мѣрѣ одними криками. Тутъ масса прокаженныхъ и всюду виднѣются человѣческія фигуры, обмазанныя коровьимъ помётомъ и мѣломъ.

Джаггернотъ — гигантская деревянная статуя съ чернымъ лицомъ, разшутымъ краснымъ ртомъ, золотыми руками и брилліантовыми глазами. Статуя дѣлается вновь каждые три года. Въ ней хранятся кости царскаго министра, послѣ возведеннаго въ боги, Кришны, и чтобы не умереть на мѣстѣ, при взглядѣ на такую святыню, браминъ, переносящій кости изъ одной статуи въ другую, долженъ дѣлать это съ закрытыми глазами. И это надежнѣе. Иначе можетъ быть браминъ увидалъ бы, что нибудь столь же похожее на кости Кришны, какъ гигантскіе ископаемые зубы, хранимые индусами — можетъ быть зубы мамонта, или слона — похожи на зубы Будды, за которые выдаются.

Пятьдесятъ шесть браминовъ постоянно ухаживаютъ за чернымъ Джаггернотомъ, его бѣлымъ братомъ и желтою сестрою. Представляетъ ли это разноцвѣтное семейство человѣческія расы, или оно просто созданіе индусскаго воображенія, но безспорно уходъ за этими двумя братьями и сестрою весьма тщателенъ. 100 лампъ постоянно горятъ предъ ними. Шесть разъ въ день моютъ ихъ водой, масломъ, молокомъ и каждый разъ облекаютъ въ новыя платья. Конечно на все это нужно много масла и молока, которыя не пропадаютъ у браминовъ. Въ празднества, эти божества сажаются на троны и везутся на 60 футовой въ вышину колесницѣ, и подъ нее-то падаютъ индусы, въ припадкахъ религіознаго изступленія.

Если индусъ тяготящійся жизнью не бросается подъ колесо Джаггернота, и не изможденъ себя по обѣту въ Бенаресѣ, или другомъ такомъ же священномъ городѣ, то онъ топится. Онъ подвязываетъ себѣ глиняные кувшины подъ мышки и плыветъ на нихъ какъ на пузыряхъ по Гангу съ пѣніемъ священныхъ гимновъ. Чрезъ нарочно сдѣланныя отверстія въ глиняные кувшины постепенно набирается вода, плывущій все болѣе и болѣе погружается въ воду и наконецъ тонетъ, до послѣдней минуты

не переставая оглашать воздухъ священными пѣснями и увѣренный, что искупилъ грѣхи жизни [1]). Вода на всемъ востокѣ изъ гигіеническаго средства сдѣлалась средствомъ религіозно-очистительнымъ. Тѣмъ болѣе вода Ганга. Гангъ — рѣка рѣкъ Индіи, святыня индуса. За три тысячи верстъ отправляется онъ къ ея истоку и карабкается по горамъ къ тому мѣсту, гдѣ изъ-подъ вѣчныхъ снѣговъ Гималая вырывается струя, дающая начало рѣкѣ. Священная вода отсюда разносится по всей Индіи. Тысячи человѣкъ должны постоянно носить эту воду къ храму Джаггернота. Кто умретъ въ водѣ Ганга, тому религія индусовъ обѣщаетъ уподобленіе Брамѣ.

Особенно отличается самоистязаніемъ классъ *факировъ* — этихъ индусскихъ юродивыхъ. Факиръ,—иногда красивый, сильный малый, но большею частью изможденная и испитая личность. Оглушающимъ стукомъ въ мѣдные круги онъ обращаетъ вниманіе прохожихъ на свою наготу, на ногти, не стригшіеся лѣтъ по двадцати, на превратившіеся въ войлокъ волосы; на руки, тощія и безжизненныя отъ постояннаго держанія вверхъ; на ногу съежившуюся и крошечную отъ обѣта скакать всегда на одной и вовсе не употреблять другую; на продѣтые желѣзной иглой языкъ, или руку, на прожженный раскаленнымъ желѣзомѣ бокъ и т. д.

Англичане въ Индіи старались положить конецъ повальному самоубійству, точно такъ же какъ и самосожиганію вдовъ. Ихъ усилія лишь отчасти увѣнчались успѣхомъ въ средѣ этой презирающей жизнь массы, которая въ добровольной смерти видитъ залогъ будущаго блаженства души.

Но самое англійское владычество въ Индіи — это господство лишь надъ милліонами—развѣ оно утвердилось не благодаря тому же равнодушію индусовъ къ жизни, а слѣдовательно и ко всей ея обстановкѣ. Эти люди плодятся не потому, чтобы довольство и благосостояніе вызывали ихъ размноженіе, а просто какъ плодятся безъ счета листья и плоды на деревьяхъ въ этомъ благословенномъ, тропическомъ климатѣ,—и имъ все ровно—жить, или не жить, подчиняться тому, или другому.

Равнодушной къ жизни народной массѣ не трудно было подчиняться каждому завоевателю, являвшемуся въ Индію.

Александръ Македонскій и его греки первые ознакомили Ев-

---

[1]) Journal Beng. Soc., 1870, № 4, 243.

рону съ Индіёю и ея обитателями. Въ Европѣ стали являться индѣйскіе слоны съ башнями на спинахъ. Слонъ — символъ мудрости для индуса—бѣгаетъ, несмотря на свою кажущуюся неповоротливость не хуже лошади и индѣйскіе владѣтели искони пользовались этими животными [illegible] военныхъ цѣлей. Тяжелый слонъ, давя людей, врывался въ ряды непріятельскаго войска и воины, сидѣвшіе въ башнѣ на спинѣ его, осыпали непріятеля копьями и стрѣлами.

Но слоны были плохою защитою для Индіи среди пестраго безстрастія людей. Греки и послѣ сирійскіе селевкиды легко вторгались въ Индію. Потомъ ее покоряютъ магометане. Въ позднѣйшее время ее завоевываютъ англичане. Предъ каждымъ господиномъ преклоняется этотъ апатическій, безстрастный народъ.

Трудно было справиться англичанамъ только съ воинственными сейками, этою расовою помѣсью индусовъ и магометанъ, явившеюся не позже XV вѣка и представляющею рѣзкій контрастъ съ народнымъ характеръ съ апатическимъ населеніемъ вокругъ. По самому образу жизни сейки, не чуждающіеся мяса (въ томъ числѣ и свинаго) и вина, представляютъ рѣзкое отличіе отъ довольствующихся рисомъ, масломъ и сахаромъ индусовъ.

Нанакъ-шахъ, проповѣдникъ, основавшій секту сейковъ, родился шесть лѣтъ послѣ завоеванія турками Константинополя, слѣдовательно когда магометанство было еще въ силѣ. Онъ совершилъ поѣздки по Индіи, Персіи и Аравіи; былъ въ Меккѣ и Мединѣ.

Сейки (въ переводѣ «львы») отрицаютъ касты. Тамъ, гдѣ они утвердились брамины сравнены съ кастою слугъ. А мощными завоевателями сейки могли явиться, тѣмъ болѣе, что эти гигантскаго роста и сильнаго сложенія горцы въ своемъ отличительномъ костюмѣ — синей одеждѣ—съ распущенными по плечамъ волосами, казались атлетами въ сравненіи съ остальными индусами, въ которыхъ рисъ едва поддерживаетъ существованіе и при взглядѣ на которыхъ невольно припоминается индусская поговорка: „лучше сидѣть чѣмъ ходить, лучше спать чѣмъ бодрствовать, а смерть лучше всего“.

При постоянныхъ сношеніяхъ Индіи съ незапамятныхъ временъ съ остальнымъ историческимъ міромъ, ея богатства дѣлали ее обѣтованною страною завоевателей. Португальцы, первые открывъ путь въ нее моремъ вокругъ Африки, первые устроили въ ней колоніи.

Индѣйскіе властители обратились за помощью къ туркамъ и султанъ Солейманъ отправилъ имъ на помощь флотъ изъ 30 судовъ. Съ большимъ трудомъ снаряженъ былъ этотъ флотъ венеціанцами въ Суецъ [1]): Венеція, [illegible]обно туркамъ, знала, что появленіе португальцевъ въ Индіи [illegible]лиметъ у Средиземнаго моря монополію торговли съ востокомъ: общія опасенія связали дружбою на время двухъ враговъ. Но помощь Венеціи не принесла пользы Турціи и турецкій флотъ, разбитый португальцами, долженъ былъ удалиться изъ Индіи.

Въ Индіи постоянно властвовала та держава, которая была могущественнѣе на морѣ. Когда Испанія и Португалія уступили на морѣ Галландіи — утверждаются голландскія поселенія въ Индіи. Наконецъ въ половинѣ прошлаго столѣтія Англія и Франція борются за обладаніе богатой колоніей.

Англія напрягла всѣ усилія, чтобъ завладѣть Индіей. Капиталъ англо-индѣйской компаніи, составлявшій при Іаковѣ I, въ 1600 г. 72,000 фунтовъ стерлинговъ—въ 1760 г. доведенъ былъ до 6 милліоновъ. Могущественная компанія впрочемъ достигла бы очень немногаго, еслибы борьба между Англіею и Франціею въ Европѣ не рѣшилась въ пользу Англіи.

Въ то время какъ правитель французскихъ колоній въ Индіи Дюпле одерживалъ постоянно верхъ надъ войсками англійской компаніи—въ Европѣ Англія одержала, при помощи Фридриха II и закупленныхъ германскихъ владѣтелей, верхъ надъ Франціей, и французамъ въ Индіи пришло предписаніе уступить колоніи англичанамъ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ отдали побѣдители свои завоеванія побѣжденнымъ купцамъ, и бывшій торговый приказчикъ, потомъ лордъ, Кляйвъ, безъ труда основалъ въ Индіи большое государство подъ властію англійской торговой компаніи.

Отношенія между рыцарями — французскими правителями колоній въ Индіи—и англичанами—купцами нужно имѣть въ виду, чтобы объяснить себѣ настойчивость, съ какою Наполеонъ Бонапарте, 30 лѣтъ послѣ побѣдъ лорда Кляйва, старался проникнуть въ Индію, чтобы низложить тамъ англійское владычество. Франція поняла, какъ многаго она лишилась, уступивъ азіатскій источникъ богатства своей европейской соперницѣ.

Но не уступить было невозможно. Англія, ставъ властительницею морей, должна была сдѣлаться и властительницею Индіи.

---

[1]) *Journal Asiatique*, X, 265.

Самыя побѣды лорда Кляйва напоминаютъ успѣхи Александра Македонскаго, Кортеца и Наполеона именно по легкости, съ какою рушилось зданіе индѣйской независимости отъ одного незначительнаго толчка. Исторія англійскихъ успѣховъ въ Индіи—перечень посредническихъ сдѣлокъ, подчиненія одного туземнаго владѣтеля другимъ, подкуповъ, несдержанныхъ обѣщаній: словомъ купеческая община ничего не упустила изъ торговческихъ продѣлокъ, чтобы увеличить свой капиталъ и свои владѣнія.

Но англійское правительство уже сто лѣтъ назадъ стало распространять свою опеку надъ компаніей. Мало-по-малу власть надъ Индіей переходила въ руки англійскаго министерства, и наконецъ, индѣйское возстаніе 1857 г. окончательно указало на необходимость отобранія господства надъ 180 мильонами людей у купеческой общины, для замѣны коммерческой эксплуатаціи правильнымъ управленіемъ просвѣщеннаго правительства.

Но кажется Индіи не суждено быть чѣмъ-нибудь кромѣ выгодной плантаціи для Англіи. Англичане, получая громадныя выгоды, живутъ тамъ лишь по неволѣ. Англичане въ Индіи стараются окружать себя всѣмъ европейскимъ. Кокосовыя пальмы вырубаются вокругъ ихъ домовъ и среди лужекъ сажаются деревья, напоминающія европейскую сосну. Англичанинъ въ жаркомъ климатѣ Индіи не отказывается отъ мяса, свинаго сала и вина, и оттого,—говоритъ нашъ путешественникъ, кн. Салтыковъ [1])—лица англичанъ въ Индіи блѣдны какъ лица мертвецовъ. Англичане живутъ обыкновенно въ окрестностяхъ индусскихъ городовъ; атмосфера и обстановка самыхъ городовъ дѣйствуетъ на нихъ убійственно. Помня, что персіане уже въ третьемъ поколѣніи превращаются въ Индіи въ апатическихъ индусовъ, англичане посылаютъ своихъ дѣтей въ Европу, чтобы сохранить ихъ отъ вліянія втягивающей и ассимилирующей обстановки.

Англичане видятъ въ Индіи какое-то чистилище, ведущее въ рай—къ богатству, и каждый стремится, какъ можно, пройти чрезъ это чистилище: скопить побольше денегъ и отрясти прахъ южной Азіи съ ногъ своихъ.

Но при всемъ томъ, вліяніе европейцевъ не прошло въ Индіи безслѣдно.

Въ священномъ городѣ Индіи, Бенаресѣ, стоялъ въ былую

---

[1]) *Письма объ Индіи*, 8.

пору обелискъ изъ цѣльнаго камня украшенный замѣчательною, рѣзною работою и носившій названіе ,,посоха Сивы". И шло повѣріе между браминами и народомъ, что пока будетъ стоять этотъ каменный столбъ—нерушимо сохранятся вѣра браминовъ и раздѣленіе кастъ.

Этотъ столбъ былъ внутри индусской пагоды. Но магометане, покоривъ Индію, разрушили пагоду, и поставили на мѣстѣ ея мечеть. Священный обелискъ сдѣлался украшеніемъ мосульманскаго храма. Выгода заставила магометанъ оставить его неприкосновеннымъ и индусскою святынею украсить храмъ Аллаха. Индусскіе богомольцы платили за доступъ къ ней, и половина ихъ приношеній шла въ мосульманскую казну.

Но разъ между магометанами и индусами вспыхнула ссора во время одной изъ уличныхъ процессій. Магометане въ досадѣ низвергли ,,посохъ Сивы"; индусы въ отмщеніе сожгли мечеть. Близъ мечети былъ священный колодезь индусовъ, и магометане, убивъ корову, самое священное животное въ Индіи, вылили кровь ея в колодезь. Колодезь былъ осквернень. Доведенные до ожесточенія, индусы разбросали куски свинины по всѣмъ мечетямъ. Это было страшною обидою магометанству. Вспомнимъ, что изъ-за откусыванія патроновъ, будто-бы обмазанныхъ свинымъ саломъ, вспыхнуло первое неудовольствіе солдатъ-туземцевъ противъ англичанъ въ 1857 г., поведшее къ возстанію. Разумѣется началась ожесточенная схватка между мосульманами и индусами. Англійскія войска розняли сражавшихся. Но сдѣланнаго было уже не воротить, и глубокая горесть охватила индусовъ. Святой городъ былъ оскверненъ. Сюда стекались богомольцы со всей Индіи, сюда шли вѣрующіе умирать со всѣхъ концевъ ея, и бѣлыми костями ихъ покрыты были окрестности города на версты кругомъ...

Тысячи браминовъ Бенареса, истомленные постомъ, нагіе и съ пепломъ на головѣ, потянулись по улицамъ въ печальной процессіи. Два-три дня не входили они въ дома и отказывались отъ пищи. Англійскія власти не знали какъ урезонить возбужденную толпу. Только мало-по-малу брамины пришли къ убѣжденію, что можно смыть пятно со святыни—дорогими жертвами.

Но столбъ Сивы, этотъ символъ браминскаго могущества, упалъ. Значитъ, конецъ кастамъ и браминству...

Да, ударъ браминству и кастамъ нанесенъ. Предсказаніе исполнилось. Но не магометане нанесли этотъ ударъ. Онъ нанесенъ вторженіемъ Европы въ Азію.

Буддизмъ и сейки нанесли ударъ главному злу и тормазу гражданственности въ Индіи — кастовому устройству. Но ничто такъ не подрываетъ касть и не ведетъ къ ихъ отмѣнѣ, какъ вліяніе Европы.

Въ праздникъ Джаггернота сходятся всѣ на равной ногѣ—брамины и паріи. Но эти дни въ году — исключеніе, какъ юбилейные годы евреевъ и празднества древнихъ персовъ, когда рабы пировали вмѣстѣ съ господами. Еще дороги въ Индіи усыпаются черепками горшковъ разбитыхъ, потому что на нихъ мелькомъ взглянулъ парій. Еще паріи живутъ въ своихъ кварталахъ, не смѣя выдти изъ-за загородей и налить воды изъ колодца людей касты. Но вліяніе Европы уже облегчило участь этихъ отверженцевъ.

Англичане набираютъ свое туземное войско преимущественно изъ паріевъ. Это — люди сильные и здоровые, часто красивые. Немудрено: они ѣдятъ мясо, преслѣдуемое индусскимъ закономъ, и не стѣснены стереотипною рамкою касть въ образѣ жизни. Разумѣется паріи — сторонники европейскаго вліянія — они дружатъ европейцамъ, которыхъ за мясную пищу брамины называютъ также паріями. Европейцы естественные защитники паріевъ. Когда разъ индусскій владѣлецъ пожаловался англійскимъ властямъ на то, что парій разбросалъ свой рисъ по его землѣ, и слѣдовательно осквернилъ ее, англичане не только не казнили дерзкаго парія, какъ наивно требовалъ этого человѣкъ касты, но даже дали знать послѣднему, что ему самому будетъ плохо за подобныя выходки.

Дѣленіе на касты всегда было несчастіемъ для Индіи. Общественная и сектантская рознь часто вела къ кровавымъ сценамъ. Вспомнимъ только борьбу между вишнуитами и сиваитами — поклонниками добраго и злаго начала — въ 1760 г. и 18,000 труповъ оставленныхъ ими на полѣ сраженія [1]).

Но такая рознь и раздѣленность въ интересѣ браминовъ, и они поддерживаютъ ее. Англичане и вообще европейцы съ ихъ желѣзными дорогами, пересѣкшими Индію, съ ихъ пароходами и станціонными домами, созданными какъ бы нарочно, чтобы устранять всѣ различія касть,—злѣйшіе враги браминовъ, и брамины полны ненависти къ нимъ.

---

[1]) *Ritter*, II, 911—912.

Но разумѣется открытая ненависть къ властителямъ страны опасна, и потому она выражается изъ-подтишка. Брамины, какъ мы видѣли, объявили европейцевъ паріями за то, что они ѣдятъ мясо и епископъ Геберъ—извѣстный изслѣдователь Индіи—говоритъ, что слуга-индусъ нерѣдко проситъ хозяина-европейца не входить въ его хату изъ опасенія, что взглядъ, брошенный европейцемъ на сосудъ, въ которомъ варится пища, можетъ заставить разбить этотъ сосудъ.

Европейцы смѣются надъ этою наклонностью бить глиняную посуду у народа, который нашелъ средство въ тѣхъ же случаяхъ только очищать мѣдь и шелкъ для новаго употребленія. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ безъ нужды, въ мелочахъ, дѣлать на перекоръ людямъ?

Было время, когда европейскіе переселенцы преслѣдовали индусскія суевѣрія. Такъ португальскій католическій епископъ сжегъ зубъ священной обезьяны, хотя индусы предлагали за возвращеніе имъ его 300,000 дукатовъ. Но къ чему было сожигать его? Все равно, явился другой зубъ, выданный за чудесно-сохранившійся первоначальный, и ему точно также стали поклоняться. Англичане давно пришли къ убѣжденію, что съ суевѣріями нужно бороться просвѣщеніемъ, а не полицейскимъ уставомъ.

Вообще англичане и англійскія власти не трогаютъ религіозныхъ обычаевъ страны, и можетъ быть тѣмъ болѣе, чтобы не дать брамінамъ повода религіознымъ фанатизмомъ волновать народъ противъ чужеземцевъ. Но весь бытъ Европы, вся система англійскаго владычества все таки подрываютъ въ основѣ кастовое устройство и вліяніе браминовъ.

Перестали горѣть костры для сожженія вдовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ утвердилось вліяніе Европы. Самоубійства предотвращаются. Прежде бывало браминъ, не успѣвъ выдать замужъ дочь въ 8—9 лѣтнемъ возрастѣ (вообще обычай заставилъ рано сватать дѣвушку въ тепломъ климатѣ Индіи)—приносилъ ее въ жертву богамъ, т. е. убивалъ. Не сосватать дѣвочку до 10 лѣтняго возраста считалось позоромъ для отца и онъ отдѣлывался отъ дочери — жертвоприношеніемъ. Теперь такія жертвоприношенія запрещены.

Конечно этимъ зло не отвращено. Среда, гдѣ стараются пресѣчь злоупотребленія, остается та же. До сихъ поръ вліяніе иноземцевъ оставалось только, такъ сказать, на поверхности. Слишкомъ мало общаго между англичанами и индусами, чтобы евро-

пейское вліяніе могло затронуть коренныя основы туземнаго общества. Чтобы дѣйствовать на людей, надобно изучить ихъ, а пока европейцы относились къ туземцамъ лишь какъ завоеватели, и изучали мѣстный бытъ только изъ своихъ личныхъ цѣлей. Такимъ путемъ не совершается перерожденіе страны. Нужно отнестись къ людямъ не съ административной, а съ человѣческой точки зрѣнія; не стараться передѣлать все по своему и сообразно требованіямъ сборщиковъ податей, а найти и сохранить хорошее въ туземной средѣ безъ всякаго участія европейской гордости, измѣняя лишь то, что дѣйствительно заграждаетъ дорогу гражданскому развитію, относясь къ людямъ, хотя и другой расы, какъ къ братьямъ, сочувственно.

А пока англичане приносятъ возрожденію Индіи пользу лишь до извѣстной степени, иногда очень ограниченную. Въ самомъ дѣлѣ, если спасти несчастную женщину отъ сожженія, или дѣвочку отъ принесенія въ жертву утопленіемъ иногда и во власти англичанъ, то какова бываетъ послѣ участь той и другой? Непринесенная въ жертву отвергается своею кастою, а въ Индіи отверженіе отъ касты равняется гражданской смерти, даже хуже. Отвергнутый кастою индусъ считается какъ-бы умершимъ, жена его вдовою, дѣти сиротами.

Удивительно-ли, что бывали случаи, когда вдова, спасенная отъ костра англичаниномъ, и послѣ отвергнутая своими, бранила своего спасителя за то, что онъ не далъ ей умереть. Это напоминаетъ, какъ разъ индѣйскій фанатикъ, обрекшій себя на смерть и спасенный англичаниномъ, подалъ жалобу въ судъ на своего спасителя, прося, чтобы его присудили давать пожизненное содержаніе истцу, такъ какъ еслибы истца допустили умереть, то ему не нужно было бы послѣ трудиться на поддержаніе ненужной ему жизни, а кому нужна была его жизнь—тотъ пусть и печется о сохраненіи ея.

Это не только ироніа, но и логика, логика ужасающая, потому что чудовищные выводы ея вмѣстѣ строго правильны.

Это урокъ англичанамъ, чтобы перерожденіе индусской жизни начиналось не съ внѣшности, а съ развитія и образованія массы. Успѣхи сдѣланные высшими классами Индіи, въ послѣднее время, въ усвоеніи англійскихъ взглядовъ, англійскаго языка и англійскаго образованія—еще незначительный шагъ впередъ. Остается многомильонная масса населенія, для духовнаго сближенія которой съ Европою сдѣлано пока еще очень мало.

Перемѣна началась. Между людьми высшихъ кастъ многіе заимствуютъ европейскіе обычаи—отъ употребленія мяса въ пищу до образованія дѣтей по европейскому образцу. Брамины подвергаются за преступленіе смертной казни наравнѣ съ другими. Брамины служатъ иногда солдатами въ арміи, между тѣмъ какъ изъ касты слугъ явились первые богачи страны. Среди этого уравненія кастъ забытъ запретъ не учить европейцевъ чтенію индусскихъ священныхъ книгъ. Веды и Пураны уже преподаются въ Бенгаліи туземными учеными европейскимъ юношамъ. Жрецы жалуются, что индусы охладѣваютъ къ вѣрѣ, и не несутъ на алтари столь обильныхъ приношеній какъ прежде. Особенно брамінство ослабѣло въ области Ганга.

Но, повторяемъ, все это еще лишь начало. Масса не тронута, а перерожденіе страны начнется только съ нея.

Какъ явились касты?

У главныхъ народовъ древности населеніе дѣлилось на замкнутыя сословія: жрецовъ, воиновъ, купцовъ, промышленниковъ,—земледѣльцевъ. Но нигдѣ замкнутость сословій не была въ такой степени полна какъ въ Индіи.

Высшая каста — *брамины*, служители Брамы, вмѣстѣ ученые, учителя, судьи и врачи, почитались, созданными изъ головы Брамы. Воины, часто споривніе съ браминами за власть и вліяніе, но въ концѣ уступавшіе—какъ физическая сила всегда уступаетъ духовному преобладанію,—составляли вторую касту; они, по браминскому мнѣу, были созданы изъ рукъ Брамы. Купцы, промышленники и земледѣльцы считались созданными изъ бедръ главнаго бога, слѣдовательно стояли ниже. Еще ниже была каста черни, или слугъ, которой вовсе запрещено было читать религіозныя книги. Эта каста явилась изъ ногъ Брамы.

Голова—высшая и благороднѣйшая часть тѣла; брамины должны были по самому существу вещей явиться главною кастою въ странѣ.

Руки ниже головы, но физически дѣятельнѣе ея: каста воиновъ была второю, но самою сильною и господствующею кастою. Руки дѣлаютъ все однако лишь по указанію головы: физическая сила и воинственность второй касты были въ духовномъ подчиненіи у брамиповъ.

Бедра ниже головы и рукъ, но они опора всего тѣла. Земледѣліе и промышленность — скромныя занятія, но на нихъ зиждется благополучіе страны. Третья каста составляла самое многочисленное сословіе. Она была въ странѣ то же, что туловище, бока въ организмѣ, въ сравненіи съ головою и руками. Уступая въ значеніи, эта каста брала объемомъ, массою.

Ноги служатъ организму, это плебеи между его членами. Онѣ

натираютъ себѣ мозоли на службѣ прочимъ членамъ и устаютъ больше всѣхъ. Четвертая каста, не имѣвшая права читать и даже слушать священныя книги, не имѣвшая первоначально даже права собственности, всего логичнѣе могла быть сравнена съ ногами.

Символами трехъ высшихъ кастъ, при церемоніи сожиганія труповъ, были: брамина—золото, воина — лукъ, промышленника-земледѣльца—драгоцѣнный камень [1]).

Брамины пользовались большими льготами. Ударить брамина, точно такъ же какъ ударить женщину, считалось важнымъ проступкомъ. Браминоубійство можно было искупить только утонувъ въ Гангѣ, наказаніемъ для брамина были обыкновенно лишь денежная пеня и изгнаніе. Царь (принадлежавшій больше къ кастѣ воиновъ) не имѣлъ права распоряжаться браминскими землями, хотя вся остальная земля, кому бы она ни принадлежала, была его достояніемъ, онъ считался въ народѣ равнымъ богамъ и тронъ его назывался небомъ.

Дерзнувшему обратиться къ брамину съ поученіемъ наливали въ ротъ и уши растопленнаго масла.

Каста—слово португальское. Явясь первые изъ европейскихъ народовъ въ Индіи, португальцы имѣли возможность первые ознакомиться съ кастовымъ бытомъ ея. Санскритское слово varna, значащее вмѣстѣ «каста» и «цвѣтъ»—доказательство расоваго происхожденія кастъ. Дѣленіе на касты приносило въ цеховомъ, ремесленномъ отношеніи свою пользу—каждый, зная, къ чему онъ долженъ былъ готовиться, посвящалъ избранному труду все время. Но замкнутость касты дѣлала то, что не всегда каждый занимался тѣмъ, къ чему былъ склоненъ отъ природы, и главнымъ результомъ замкнутости кастъ было то, что улучшенія не проникали въ нихъ. Достигнувъ извѣстной степени машинальнаго совершенства въ работѣ, индѣецъ, на много грядущихъ поколѣній, оставался неподвижно на одной степени искусства.

Въ Индіи, съ незапамятныхъ временъ, пальцы ткальщицъ кашмирскихъ шалей представляли нервы, способные къ тонкости ощущенія, непонятной для европейца. Только эта тонкость ощущенія могла производить паутинныя шали, продѣваемыя сквозь кольцо. Но эти шали стали изготовляться, когда европеецъ еще не зналъ никакой ткани, и искусство индѣйской ткальщицы остается совершенно тѣмъ же теперь, между тѣмъ какъ евро-

---

[1]) Rajendralala (туземный писатель) въ Journal Bengal Soc. 1870, № 4, 249.

пеецъ, при помощи машины, уже можетъ производить нитку, 1,500 верстъ которой едва вѣсятъ одинъ фунтъ.

Названія индѣйскихъ кастъ опредѣлили гражданское значеніе ихъ. Названіе благородныхъ было прилагаемо къ первымъ двумъ кастамъ — брамипамъ (слугамъ Брамы) и кшатріямъ (,,господствующимъ", воинамъ). Третья каста называлась ,,вансіи"—люди. Четвертая ,,судры"—бѣглецы—составилась изъ покоренныхъ народовъ. Теперь судры—самый многочисленный классъ народа въ Индіи и уже пріобрѣли гражданскія права.

Но когда-то судра не смѣлъ прикоснуться къ брамину, даже къ его трупу, считался ниже слона и лошади, и когда умиралъ въ домѣ брамина—домъ очищали въ теченіе мѣсяца, тогда какъ даже послѣ издохшей собаки очищеніе (огнемъ и раскладываніемъ коровьяго навоза) продолжалось всего 10 дней [1]). Судра, черный и говорившій другимъ языкомъ, чѣмъ брамипъ, долженъ былъ дѣтямъ своимъ давать имена, выражающія униженіе и зависимость; трупы судръ выносились особенными воротами; дитя судры называлось „живымъ трупомъ". Если браминъ давалъ судрѣ совѣтъ, или кидалъ остатки пищи — онъ былъ виновенъ. Женитьба на дочери судры навлекала казнь. Душа у судръ не признавалась.

Брамины и воины считались „дважды рожденными". „Второе рожденіе" было рожденіе благодатью, обновленіе нравственное, духовное. Оно было пріобщеніемъ человѣка, достигшаго зрѣлаго возраста, къ кастѣ. Брамины платили при займахъ два процента съ капитала, воины — три, земледѣльцы — четыре, слуги — пять. За убійство воина платилось 45 коровъ и столько же телятъ; за убійство слуги только 12 коровъ.

Не смотря на строгость узаконеній, впослѣдствіи должны были отъ браковъ между разными кастами явиться смѣшанныя касты. Уже древне-индѣйскія священныя книги говорятъ о 36 такихъ помѣсяхъ. Въ настоящее время насчитываютъ ихъ до 84. Самый ходъ исторіи, уравнивая классы людей, ослабилъ прежнее значеніе касты, но и теперь еще брамины возстаютъ на перевозку ихъ труповъ по желѣзнымъ дорогамъ изъ опасенія, чтобы рука судры не коснулась мертвыхъ тѣлъ, сожиганіе которыхъ около большихъ городовъ неудобно и должно было бы, повидимому, дѣйствовать непріятно на самихъ браминовъ, распространяя вокругъ

---

[1]) Journal Bengal Soc., 1874, № 4, 245.

запахъ, какъ бы отъ бараньихъ котлетъ, по выраженію русскаго путешественника [2]).

Какъ бы то ни было, все же положеніе нисшихъ кастъ въ настоящее время значительно улучшилось противъ прежняго. Но и теперь еще тяжела участь массы жителей въ Индіи, не принадлежащихъ ни къ какой кастѣ—парієвъ. Ниже парієвъ считались лишь потомки брамінокъ, вышедшихъ замужъ за слугъ. Эти потомки представительницъ высшей касты, нарушившихъ запретъ перехода въ другую касту, должны были отправлять самыя унизительныя работы: хоронить мертвыхъ, исправлять должность палачей, выносить изъ городовъ нечистоты. Такъ строгъ былъ законъ о нарушеніи кастовой замкнутости, что послѣдній изъ браминовъ не могъ ѣсть вмѣстѣ съ царемъ и скорѣе далъ бы себя убить, чѣмъ выдалъ бы дочь свою за царя. Понятно, какъ самолюбіе браминовъ должно было оскорбляться браками дѣвушекъ высшей касты съ „слугами“, хотя перевороты иногда выдвигали представителей и касты слугъ въ цари. Такъ въ эпоху Александра Македонскаго судра—былъ на престолѣ въ Индіи. Убѣжденія касты дѣлали то, что даже судра знатный и богатый былъ въ глазахъ брабина все тотъ же судра, который не смѣлъ прочесть молитвы въ память умершихъ родителей и ждалъ пока прочтетъ ему ее браминъ.

Въ Индіи древней, какъ и нынѣшней, паріи — отверженный классъ людей, не причисляемый къ людямъ. Курчавые волосы, широкій носъ и вздутыя губы ихъ до сихъ поръ говорятъ объ особенностяхъ негритянской расы. Это, впрочемъ, ископные обитатели Индіи. Прежде у нихъ были свои цари, но бѣлыя племена арійскаго происхожденія, вторгнувшіяся въ Индію, покорили ихъ, или загнали въ лѣса. Съ тѣхъ поръ паріи остаются отверженцами въ странѣ. Имъ можно ѣсть только павшихъ животныхъ. Они исполняютъ лишь роль палача и подобныя унизительныя должности. Они должны носить платье только съ умершихъ и имѣть лишь битую посуду. Говоря съ человѣкомъ касты, парій долженъ отвернуться и прикрыть ротъ рукою, чтобы дыханіе его не пахнуло на того, къ кому онъ обращается. Парій не смѣетъ войти въ храмъ и стоитъ лишь предъ дверями его. Онъ не можетъ подойти къ торговцу на рынкѣ, а долженъ прокричать,

---

[2]) Кн. Салтыковъ. Письма объ Индіи.

что ему нужно; затѣмъ, оставить деньги и придти послѣ за товаромъ, когда его положатъ. Прикоснуться къ парію, значитъ оскверниться; кто войдетъ съ нимъ въ болѣе тѣсное общеніе, исключается изъ своей касты.

Парій не смѣетъ подойти къ брамину; войдя въ домъ къ брамину, парій подвергаетъ себя смерти. Значительная часть паріевъ живетъ крѣпостными. Самая тѣнь парія, упавшая на припасы — по свидѣтельству путешественника по Индіи, Сонары— отравляетъ ихъ. Довольно парію бросить взглядъ на посуду, чтобы индѣецъ разбилъ ее. Это отчасти объясняется тѣмъ, что индѣйцы боятся сглазу. Они съ неудовольствіемъ смотрятъ на вещь, на которую хотя разъ взглянулъ иностранецъ. „Парій“—слово новѣйшаго происхожденія, какъ и „каста“. Индусы говорятъ, что отъ парія есть даже особенный, непріятный, расовой запахъ, какъ подобный же запахъ замѣчаетъ американецъ отъ негра, русскій отъ еврея и грекъ отъ турка. Нѣтъ сомнѣнія, что значительною частью источникъ отверженности парія коренится именно въ этомъ убѣжденіи въ его физической нечистотѣ, нечистотѣ крови.

Еще болѣе загнанный классъ людей въ Индіи, чѣмъ паріи— *пуліи*. Ихъ считаютъ ниже животныхъ, имъ запрещено строить дома, они живутъ на деревьяхъ, обязаны, при встрѣчѣ съ человѣкомъ, громкимъ крикомъ давать знать о своемъ присутствіи и далеко обходить встрѣчныхъ людей касты.

Но какъ явились касты въ Индіи? Обыкновенно объясняютъ появленіе ихъ завоеваніемъ. Пришли брамины, люди кавказской расы, въ страну темнокожихъ туземцевъ, побѣдили, подчинили ихъ, сдѣлали ихъ рабами.

Завоеваніе безспорно имѣло мѣсто, но надобно обращать вниманіе и на другія причины. Завоеванія были вездѣ, но не вездѣ сохранились касты. Что господствующій классъ индусовъ пришелъ въ Индію изъ Ирана, съ арійской сплошной возвышенности, доказать нельзя. Въ ведахъ нигдѣ не упоминается о переселеніи браминовъ въ Индію; сами брамины называютъ себя туземцами въ странѣ. Кавказскій типъ и бѣлая кожа браминовъ объясняются тѣмъ, что и теперь на склонахъ Гималая, въ 6000—7000 ф. надъ поверхностью моря живетъ населеніе очень похожее на европейское. Очутясь среди сѣверныхъ дубовъ и березъ, среди малиновыхъ кустовъ, на гималайскомъ нагорьи, нашъ соотечествен-

никъ, кн. Салтыковъ, видѣлъ себя окруженнымъ и людьми, напоминавшими ему родину, Россію.

Причина такого сходства — та же, какая заставила того же путешественника сравнить тибетскіе домики съ швейцарскими «сырнями» и напоминала Ковалевскому на высяхъ Черногоріи ландшафтъ Алтая. Тѣ же природа и климатъ—тѣ же люди и та же ихъ обстановка.

И такъ, браминамъ не нужно было приходить изъ-за Гималая. Они могли распространить свое вліяніе на темнокожихъ туземцевъ южныхъ мѣстностей Индіи, оставаясь туземцами сѣверной.

Древняя исторія Индіи не можетъ быть обстоятельно изслѣдована. Индусъ никогда не былъ историкомъ, не походилъ въ этомъ на своего сосѣда китайца. Браминская исторія—нѣсколько отрывочныхъ лѣтописей и рядъ мечтательно-метафизическихъ вымысловъ. Лиризмъ и созерцаніе устраняли въ индусахъ положительную практичность, необходимую для записыванія сухихъ фактовъ. Брамины говорятъ, что Брама жилъ 435 мильярдовъ лѣтъ, у нихъ есть вычисленія въ 64 цифры [1]); буддисты, погружаясь въ математическія выкладки, доходили до представленія цифръ съ 4,456,448 нулей, т. е. до цифры въ письмѣ въ 44,000 футовъ длиною [2]). Но какъ скоро переходимъ къ исторіи, хронологія индусовъ представляется соображеніямъ европейскихъ ученыхъ. Тутъ вѣрныхъ данныхъ нѣтъ.

Намъ кажется исторію Индіи необходимо сопоставить съ китайскою и тогда объяснится многое. Обыкновенно арійскую расу считали цивилизаторскою въ Индіи, но теперь извѣстно, что арійцы, при появленіи своемъ въ Индіи, были народомъ варварскимъ [3]) — они цивилизовались послѣ. Они цивилизовались въ Индіи, гдѣ, по словамъ Вильсона, цивилизація въ эпоху ведъ стояла на той же степени какъ и при Александрѣ Македонскомъ [4]). Допуская даже преувеличеніе въ сужденіи англійскаго ученаго, нельзя не согласиться, что Индія является съ незапамятныхъ временъ, подобно Китаю, граждански-устроенною и развитою страною.

---

[1]) *Bohlen*. Das Alte Indien, II, 300.

[2]) *Remusat*. Mélanges posthumes, 69. *Schiffner*, Mélanges Ac. St. Pet IV, 636.

[3]) Bengal Journal, XXXIII, 256.

[4]) *Wilson*, Rig-veda, II, стр. XVII.

Риг-веда, говоря о браминахъ, о кшатріяхъ не упоминаетъ. Кто были кшатріи?

„Кшатра“ на древне-персидскомъ, зендскомъ и въ санскритскомъ одинаково значитъ „повелитель“. Словопроизводство указываетъ, откуда приходили „повелители“ Индіи: изъ-за Инда, изъ Ирана, съ воинственнаго сѣвера.

Съ воинственнаго сѣвера приходили и повелители Китая.

Словомъ не были-ли эти воинственные арійцы-кшатріи, то же въ исторіи Индіи, что гунны, монголы и манчжуры въ судьбахъ Китая?

Кшатріи и брамины ведутъ сначала между собою смертельную вражду, потомъ брамины подчиняются военной силѣ, но духовною властвуютъ надъ побѣдителями. Кшатріи вторгнулись когда брамины уже властвовали въ странѣ, — еслибы „воины“ были столь же древнею кастою въ странѣ, въ ведахъ было бы упомянуто о нихъ. Но въ ведахъ совсѣмъ не упоминается о кастахъ. Законы Ману, очевидно какъ и веды, составлены браминами. Ману говоритъ, что если кшатрію 100 лѣтъ, то онъ все-таки въ отношеніи брамина какъ сынъ, хотя бы браминну было только 10 лѣтъ.

Ману прямо говоритъ, что браминъ—ученый онъ, или неученый—все равно „могучее божество“ [1]).

Пураны—болѣе позднія религіозныя поэмы браминовъ—учатія, что самъ Вишну служитъ браминамъ и съ благоговѣніемъ возлагаетъ на себя прахъ съ ихъ ногъ [2]), конечно еще болѣе возвышаютъ брамина надъ кшатріемъ. Кшатрій сравнивается съ воропомъ, съ собакою, которой нужно кидать подачку [3]).

Послѣдняя черта живо напоминаетъ тѣхъ китайцевъ, которые плюютъ на статуи своихъ соотечественниковъ, призвавшихъ въ страну манчжуровъ, но повинуются тѣмъ же манчжурамъ.

Только впослѣдствіи, когда брамины подѣлили съ воинами власть—какъ средневѣковые граждане-аристократы съ кондотьерами — брамины сравниваются съ сердцемъ Брамы, а воины съ его тѣломъ, обязаннымъ охранять сердце (Багавата Пурана).

И такъ, если брамины враждуютъ съ кшатріями и Рама, явясь олицетвореніемъ брамінства, подъ-конецъ побѣдилъ касту воиновъ,

---

[1]) *Lois de Manou*, IX, 314—316.
[2]) *Laurent*, I, 85.
[3]) *Ibid.*, 86.

то не рисуетъ-ли намъ это Индію браминскую, уже цивилизованную, выдерживающую нападеніе арійцевъ-иришельцевъ и наконецъ уступающую имъ военную власть въ странѣ, съ сохраненіемъ за браминами нравственнаго преобладанія?

Но побѣдители Китая принимали образъ жизни и обычаи побѣжденныхъ и наконецъ исчезали въ средѣ ихъ.

То же было и съ кшатріями. Многіе изслѣдователи въ наше время увѣрены, что́ касты воиновъ въ Индіи давно нѣтъ, что кшатріи, отказывающіеся отъ чесноку, какъ лекарства, потому что онъ запрещается имъ закономъ — преданіе о прошломъ и „воины“ давно превратились въ земледѣльцевъ. Между тѣмъ въ существованіи браминовъ никто не сомнѣвается.

Кемпбель въ своей „Этнографіи Индіи“ [1]) выражаетъ убѣжденіе, что въ наше время всѣ касты въ Индіи смѣшались за исключеніемъ браминовъ.

Но если брамины — туземцы, отбившіеся отъ кшатріевъ — иришельцевъ, то какъ объяснить громадную разницу между господствующею и другими кастами туземцевъ въ Индіи?

Господствующее сословіе въ средѣ всѣхъ народовъ приближается къ общему типу:—это типъ кавказской расы. Между неграми въ Африкѣ люди высшихъ сословій имѣютъ европейское строеніе черепа и устройство лица. Предохраненіе отъ солнца дѣлаетъ кожу бѣлѣе. Но людямъ южныхъ нагорій Гималая не нужно было даже физически совершенствоваться въ теченіе вѣковъ: они были кавказскаго типа.

Затѣмъ Индія представляетъ массу народностей и расъ. На обширномъ пространствѣ ея встрѣчаются желтые, черные, бѣлые и красные люди: почва и произведенія ея разнообразны. Китайцы колонизовали страны дикарей; дикари и теперь еще встрѣчаются въ Индіи. Ходжсонъ, изслѣдуя туземные языки индусовъ — а ихъ множество — сличивъ до 80 разныхъ словарей, нашелъ, что многіе изъ аборигеновъ говорятъ языками сходными съ татарскими [2]).

Ходжсонъ провелъ надъ изученіемъ индусскихъ языковъ 20 лѣтъ, самъ составилъ не мало словарей и его словамъ, что „татарскій корень можетъ быть открытъ во многихъ арійскихъ, индоевропейскихъ языкахъ“—нельзя не приписать гораздо больше зна-

---

[1]) Journal of the R. As. Soc., 1866, (въ Приложеніи), стр. 19.
[2]) *Journal Asiatique*, 1856, VII, 243.

ченія чѣмъ напр. нѣсколько поверхностному замѣчанію, что пракритъ (простонародный индусскій языкъ)—соединеніе *санскрита* съ санскритскимъ [1]). На берегахъ Ганга еще теперь живетъ одно туземное племя, не имѣющее ничего общаго съ окружающими [2]). Первобытные туземцы живутъ обыкновенно въ мѣстностяхъ, климатъ которыхъ невыносимъ для болѣе развитыхъ расъ. Мы видимъ въ Европѣ массу народностей и никто не подумаетъ сравнивать лопаря съ испанцемъ, но называемъ индусами всѣ 180 мил. населенія передней Индіи, и подводимъ ихъ подъ однѣ рамки, тогда какъ это — бездна народностей болѣе отличныхъ другъ отъ друга чѣмъ народности Европы.

Въ этомъ—источникъ многихъ ошибокъ. Въ самой Индіи никогда не считали Индіи нашихъ географій одною страною. Въ санскритѣ нѣтъ названія для „Индіи“. Индія — названіе огульное.

Браминская цивилизація коснулась не всей Индіи, а только части ея. Южная Индія видѣла мало арійцевъ; люди кавказскаго типа на малабарскомъ берегу живутъ только колоніями. Въ Деканѣ ихъ вовсе нѣтъ и не было, какъ поселенцевъ [3]).

Когда мы примемъ во вниманіе массу индѣйскихъ народностей, во многомъ столь рѣзко противоположныхъ одна другой, намъ понятнымъ станетъ происхожденіе индѣйскихъ кастъ.

„Кастовой порядокъ“—не есть собственно угнетеніе однихъ сословій другими. Онъ лишь—разобщеніе, отдѣленіе ихъ другъ отъ друга. Духъ индѣйской касты узнаётъ европейцевъ, когда парій—этотъ отверженецъ общества—отказывается отъ сообщества европейца, какъ отказался ѣсть съ англичаниномъ Бохенеомъ, считая его нечистымъ.

Парій очищается, если къ нему прикоснется пулій [4]). Самолюбіе тутъ нисколько не участвуетъ, потому что парія (паріи, по мнѣнію иныхъ, составляютъ $^1/_4$ индѣйскаго населенія [5]) ни за что не убѣдить, что всѣ люди равны [6]) и что браминъ не вправѣ требовать, чтобы бѣднята, явясь плотникомъ въ домъ, шелъ чрезъ особую дверь съ понуренными глазами—изъ опасенія взглядомъ осквернить вещи брамина.

---

[1]) Journal of the As. Soc. of Bengal, XXXIII, 256.
[2]) Schlegel. De l'origine des Hindous, 475. *Laurent*, I, 103.
[3]) *Spiegel*. Eranische Alterthumskunde, I, 423.
[4]) *Ritter*. Asien, IV, 930—932.
[5]) *Dubois*. Moeurs des Indiens, I, 51.
[6]) *Revue de l'Orient*, IV, 10.

Европейцу, привыкшему смотрѣть на Индію какъ на нѣчто цѣлое, на индусовъ какъ на одинъ народъ, многое кажется непонятнымъ въ бытѣ этого народа. Съ одной стороны суратскій госпиталь для животныхъ, гдѣ во влажной и жаркой атмосферѣ кидаются горсти муки кишащимъ грудамъ насѣкомыхъ; или 5000 мышей, содержащихся въ храмѣ, въ Котчѣ, по словамъ Бернса, на сборъ съ городскихъ сословій [1]), — съ другой страшныя сцены принесенія людей въ жертву, когда ломоть за ломтемъ отрѣзывается мясо съ костей ребенка и кости скоблятся кругомъ, съ безстрастною аккуратностью, еще при жизни мучимой жертвы [2]). Съ одной стороны гуманность и мягкость вишнуитовъ, гнушающихся лингамомъ, съ другой ярость и кровожадность сиваитовъ, чтущихъ это изображеніе. Буддизмъ, проповѣдующій кротость какъ главное правило,—и секта туговъ, изъ которыхъ одинъ на своемъ вѣку могъ похвалиться 999 убитыми жертвами [3]).

И этотъ контрастъ поражаетъ во всемъ. Съ одной стороны сличая греческой эпосъ съ индусскимъ, мы видимъ, какъ послѣдній не любитъ крови, описанія битвъ, какъ онъ привязанъ къ идилліи въ сравненіи съ греческимъ. У древнихъ индѣйцевъ было 13 словъ для нашего „союзъ“. Это были мирные дипломаты даже по языку. Ману запрещаетъ убивать бѣглеца, также лежащаго, положившаго оружіе, просящаго пощады и предписываетъ цѣлый рыцарскій кодексъ [4]). Въ Рамаянѣ гиганта не убивается, потому что она—женщина. Въ Индіи искони враждующія стороны не трогали земледѣльца, мирно смотрѣвшаго на ихъ войны и не опустошали полей. Это знали еще древніе авторы [5]).

Сколько во всемъ этомъ гуманности и сколько въ тѣхъ же законахъ Ману варварства, какъ скоро рѣчь идетъ о несчастныхъ судрахъ, или паріяхъ!

Неудивительно, что Вольтеръ отозвался о брамингствѣ какъ о соединеніи всего самого высокаго съ самымъ гнуснымъ. Это дѣйствительно такъ. Но гдѣ же источникъ такихъ крайностей?

Повторяемъ, ошибка европейцевъ коренится въ непризнаніи разноплеменности индусскаго населенія и разнообразности его

---

[1]) Journal. of. the R. As. Soc., I, 97.
[2]) Салтыковъ. Письма объ Индіи, 193.
[3]) Ibid., 99.
[4]) *Lois de Manou*, VII, 90—93. *Laurent*, I, 79.
[5]) *Diodor. Sic.*, II, 36, 40. *Arrian.* Ind., c. II.

племенъ. Индія никогда не представляла цѣлаго, и что относится къ одной части ея населенія — вовсе не приложимо къ другой. Нравы и обычаи во многихъ мѣстностяхъ противоположны. Вотъ источникъ контрастовъ, поражающихъ европейцевъ.

Въ Индіи „каста“ — прежде всего племя, родъ, который не сообщается съ другимъ, отъ него отличнымъ. Потому-то въ Индіи все особенное—особенность касты. Русскій художникъ-путешественникъ (кн. Салтыковъ), рисовавшій портреты сѣверныхъ индусовъ, былъ въ глазахъ ихъ изъ „касты рисовальщиковъ“. Гамильтонъ насчитываетъ до 40 „промышленныхъ“ кастъ въ Индіи [1]). Индѣецъ одной касты не сообщается съ другими кастами. Онъ самъ себѣ носитъ воду, самъ печетъ хлѣбъ—чтобы не брать пищу и питье изъ рукъ человѣка не своей касты. Леопарди говоритъ, что индѣйцы на кораблѣ, выпивъ всю воду, назначенную для нихъ, мучились жаждою, но не пили воды европейцевъ. Индѣецъ, говоритъ Лакрозъ, боится взглянуть на европейца, когда тотъ ѣстъ. Онъ сломаетъ хату, если европеецъ войдетъ въ нее.

„Вамъ только стоитъ тронуть — сказалъ индусъ-слуга европейскому офицеру, у котораго постоянно пропадала новая столовая посуда—послѣ вещь никому уже не будетъ нужна“.

Какъ видимъ, предразсудокъ кастъ коренится именно въ племенныхъ особенностяхъ, и „каста“ всегда будетъ поражать европейца своею своеобразностью, пока онъ будетъ сводить разнообразныя народности Индіи въ одинъ народъ. Ни одна страна, кромѣ Индіи, не сохранила кастъ, но и ни въ одной странѣ нѣтъ и такихъ крайностей и противоположностей между народностями, какъ въ Индіи.

---

[1]) *Hamilton*, Description of Hindustan, I, 155.

Брамаизмъ и буддизмъ.

За шесть вѣковъ до Р. Х., въ подрывъ браминскому ученію, въ Индіи является ученіе .Будды. Будда (т. е. мудрый) было прозваніе принца Готамы (Готама — буквально: «убивающій плоть»), отвергшаго кровавыя жертвоприношенія браманизма и явившагося съ новымъ ученіемъ, по которому всѣ люди — братья, и должно относиться къ нимъ, какъ къ братьямъ, безъ различія кастъ. Буддистская религія утвердилась въ значительной части Индіи, но потомъ подверглась гоненію браминовъ, а теперь болѣе распространена въ Тибетѣ, Китаѣ и Японіи. Въ самой Индіи буддистовъ очень мало.

Буддизмъ создалъ храмы, гдѣ при торжествахъ, на которыя народъ созывается звономъ колоколовъ, жрецъ, одѣтый въ богатую, вышитую золотомъ, одежду, кадитъ на присутствующихъ ѳміамомъ и перебираетъ косточки четокъ, прочитывая про себя 100 молитвъ.

Буддизмъ требуетъ отъ духовенства безбрачной, монастырской жизни, посвященной обученію дѣтей. Законъ Будды предписываетъ такъ же почитаніе останковъ святыхъ людей, посты и исповѣдь.

Есть преданіе, что подвижничество Будды, поведшее къ проповѣди новой религіи, было вызвано видомъ гнившаго трупа. Мысль о ничтожествѣ человѣческой плоти вызвала реформу духовной жизни.

Будду, когда онъ послѣ долгой уединенной жизни сталъ проповѣдовать новое ученіе, иные принимали за сумасшедшаго, но вскорѣ его ученіе приняли многіе индѣйскіе владѣтели. Съ буддизмомъ явились въ Индіи отмѣна смертной казни и первыя больницы.

По нѣкоторымъ сказаніямъ, Будда былъ сожженъ 80 лѣтъ отъ роду. Буддисты первые стали строить храмы—*пагоды* съ куполами. Брамины послѣдовали въ этомъ отношеніи за ними и стали также устроивать храмы Брамѣ, которому не было прежде видимыхъ алтарей. Буддисты, отвергнувъ слово „жертва“—какъ даръ божеству, ввели вмѣсто него „почитанье“ и память своего учителя чтили принесеніемъ цвѣтовъ.

Послѣдователи буддизма чтутъ 108 священныхъ книгъ и, увѣренные въ чудесномъ дѣйствіи этихъ книгъ на благо человѣчества, даже отъ одного взгляда на нихъ, вкладываютъ ихъ въ цилиндры, движимые водою какъ мельничные жернова [1]). Этимъ священнымъ книгамъ возжигается 108 лампадъ и строятся храмы.

Буддизмъ исповѣдуется въ Азіи слишкомъ 400 милліонами населенія. Въ одномъ Пекинѣ 5,000 буддистскихъ монастырей и 80,000 монаховъ [2]). Въ Японіи изъ 147,000 храмовъ — 120,000 буддистскихъ.

Тибетскій ламаизмъ—измѣненный буддизмъ—учитъ обоготворять Далай-ламу, главнаго жреца—и ламъ (жрецовъ). Послѣдніе, какъ напр. у нашихъ сибирскихъ бурятъ, представляютъ типъ непомѣрно жирныхъ людей, и когда эти, живущіе покойно на счетъ ближнихъ, толстяки умираютъ, пепелъ отъ ихъ сожженныхъ труповъ считается столь священнымъ, что разбирается щепотками на храненіе вѣрующими. Но въ началѣ буддизмъ явился ученіемъ спасительнымъ для человѣчества. Вольтеръ, влагая въ уста Бога слова:

Вѣрь, предо мной и правъ, и чистъ
Скорѣй дервишъ, иль бонзъ смиренный,
Чѣмъ папа гордый и надменный,
Иль жесткій сердцемъ янсенистъ—

конечно не могъ имѣть въ виду большинства нынѣшнихъ буддистскихъ жрецовъ, бонзъ. Какъ лама пробирается въ бурятскую семью змѣемъ-искусителемъ, поселяя въ ней раздоръ между супругами, такъ бонзъ, могущій изъ духовнаго вернуться опять въ свѣтское званіе, оставаясь монахомъ буддистскаго монастыря, подобно жрецамъ всѣхъ временъ, нерѣдко подъ видомъ духовнаго служенія народу живетъ паразитомъ его благосостоянія.

Не то было въ первую пору появленія буддизма. До того вре-

---

[1]) Архимандритъ *Гавріилъ*, исторія философіи, V, 32.
[2]) *Васильевъ*. Буддизмъ, I, 16.

мени при жертвоприношеніяхъ браминовъ лилась кровь. Брамины—эти люди съ виду столь кроткіе, съ вѣнкомъ цвѣтовъ на бритой головѣ, съ серьгами въ ушахъ и въ длинномъ холстяномъ плащѣ, сидѣвшіе гдѣ-нибудь подъ деревомъ и читавшіе священныя книги народу—проповѣдовали разъединеніе между людьми, проповѣдовали кастовое устройство, споры и раздоры отдѣльныхъ сословій и кружковъ. Будда слилъ касты въ одно человѣческое общество, соединилъ людей, вызвалъ взаимную помощь между ними.

Браманизмъ и буддизмъ отмѣтили двѣ эпохи въ жизни Индіи: эпоху варварства и эпоху просвѣщенія.

Браманизмъ — эпоха эгонизма, буддизмъ — взаимной помощи. И какъ во всѣ времена человѣкъ лишь поздно узналъ, что принципъ взаимной любви и помощи не только нравственнѣе, но и выгоднѣе для него, чѣмъ узкое себялюбіе, такъ браманизмъ долженъ былъ предшествовать буддизму. Даже такая очевидная истина: что человѣкъ даетъ обществу лишь ничтожную долю помощи, а самъ получаетъ отъ него все и, слѣдовательно, имѣетъ въ мильоны разъ больше пользы отъ общенія, чѣмъ отъ заключенія въ себѣ—вошла въ сознаніе народовъ только послѣ долгихъ вѣковъ жизни. Впрочемъ, буддизмъ существовалъ гораздо раньше Будды-Готамы. Послѣдній Будда явился только завершеніемъ того, что подготовлялось долго. Индѣйскія преданія говорятъ о 80 буддахъ и что буддизмъ, какъ зарождающееся стремленіе къ лучшему, явился рано — доказываетъ Рамаяна, сравнивающая, съ брамінской точки зрѣнія, буддиста съ воромъ и атеистомъ. Но Индія—примѣръ страны, гдѣ народное развитіе, достигнувъ высокой степени, повернуло назадъ, отъ лучшаго къ худшему, отъ буддизма къ браманизму. Надаромъ тамъ „пураны“ почти вытѣснили болѣе нравственное ученіе „ведъ“ и масса народа отъ поклоненія Брамѣ, Вишну и Сивѣ, перешла къ исключительному поклоненію богу зла и разрушенія, Сивѣ (имя котораго едва упоминается въ ведахъ) и супругѣ его, Кали, богинѣ убійцъ и злодѣевъ. Какъ бы въ параллель съ этимъ, въ Индіи не увеличивается, какъ въ Европѣ и Америкѣ, число жителей въ большихъ городахъ, а уменьшается. Вся жизнь какъ бы пошла назадъ. Будда нашелъ лишь временный успѣхъ своему ученію въ отечествѣ.

Теперь буддизмъ исповѣдуется лишь очень немногими въ Индіи. Есть кое-гдѣ, особенно на Цейлонѣ, изображенія Будды,

сидящаго въ размышленіи, и къ ногамъ его кладутся душистые бѣлые цвѣты. Кое-гдѣ еще горятъ костры сандальнаго дерева, на которыхъ сожигаются тѣла буддистскихъ жрецовъ, и эти костры изъ постоянно подбрасываемаго дорогаго топлива, по истеченіи одиннадцати дней, когда тѣло превратится окончательно въ пепелъ, тушатся буйволовымъ молокомъ, смѣшаннымъ съ кокосовымъ. Попадаются черныя изображенія Вишну въ знакъ траура по сожженномъ Буддѣ. Указываютъ отпечатки на камнѣ послѣдняго слѣда ноги Будды на землѣ. Но вообще память о 80 буддахъ и о послѣднемъ изъ нихъ и главномъ, Готамѣ, сохранилась лишь въ немногочисленныхъ обществахъ и въ монастыряхъ, гдѣ выбритые и одѣтые въ саваны буддистскіе монахи не должны знать другаго платья, кромѣ сдѣланнаго изъ ткани, на которую пошелъ хлопокъ, собранный непремѣнно въ тотъ же день поутру, когда ткань соткана и сшита.

Въ большинствѣ случаевъ буддизмъ измѣнилъ своему призванію, не избавилъ отъ идолопоклонства и кастъ, смѣшался съ другими религіями и погрязъ въ нихъ; даже превратился въ обоготвореніе Будды, сдѣлалъ изъ него идола.

Вообще индусы въ своемъ почитаніи идоловъ похожи на дѣтей, играющихъ въ куклы. Они кормятъ идоловъ, одѣваютъ ихъ, кладутъ спать, въ жаркую погоду обвѣваютъ вѣеромъ, въ холодную закутываютъ; женятъ идоловъ мужскаго пола на идолахъ женскаго. Въ такомъ ли народѣ могло удержаться духовное ученіе первоначальнаго буддизма? Путешественники разсказываютъ даже просто о гранитныхъ глыбахъ, играющихъ у индусовъ роль идоловъ. Эти безформенные идолы покрываются киноварью и увѣшиваются цвѣтами. Желающій поклониться найдетъ предметъ для поклоненія.

Буддизмъ распространился внѣ Индіи, но изъ отечества Будды изгнанъ былъ браминами. Браминство, очевидно, больше удовлетворяло индусовъ. Въ IX в. по Р. Х. буддисты были изгнаны окончательно изъ Индіи.

Магометане помогли браминамъ освободиться отъ этихъ людей, не признававшихъ наслѣдственнаго жречества, и обвинявшихся въ заботѣ только о земной жизни и ея благахъ, въ отрицаніи божественности ведъ, въ отрицаніи переселенія душъ. Но Будда не отвергалъ переселенія душъ, хотя иные изъ ученыхъ его послѣдователей могли отрѣшиться отъ этого ученія впослѣдствіи.

Буддизмъ отучалъ отъ пролитія крови, могъ ли онъ господствовать между людьми, просящими, чтобы ихъ подняли въ воздухъ на желѣзномъ крюкѣ и улыбающихся въ то время, когда они, наконецъ, сподобятся въ этомъ видѣ поднести даръ грозной супругѣ Сивы, богинѣ Кали. Кожа рвется и только кожаный поясъ удерживаетъ фанатика на воздухѣ, льется кровь, но фанатикъ радъ, что онъ могъ поднести даръ черному истукану съ высунутымъ краснымъ языкомъ, съ ожерельемъ изъ человѣческихъ череповъ и съ поясомъ изъ отрубленныхъ рукъ.

Кто видѣлъ индуса, идущаго съ кувшиномъ молока и съ забитымъ тряпкою ртомъ, чтобы, по обѣщанію, поднести это молоко истукану прежде чѣмъ оно свернется, индуса, который откусываетъ себѣ языкъ, если не выполнитъ обѣта; кто видѣлъ фанатика, измѣряющаго путь до пагоды своимъ тѣломъ, или намазаннаго известью по голому и покрытому длинными волосами тѣлу; кому попадались трупы добровольныхъ утопленниковъ, несущіеся по теченію Ганга, съ впившимися въ нихъ хищными птицами, — тому понятно станетъ торжество брамиства. Буддизмъ отмѣнилъ касты, далъ права матери семейства, устроилъ больницы для людей и животныхъ. Брамиство должно было вступить въ смертельную борьбу съ такимъ противникомъ, и — какъ ученіе болѣе соотвѣтствующее характеру народа — вышло побѣдителемъ.

Буддизмъ изгнанникомъ удалился на сѣверъ.

Въ „Снѣжномъ царствѣ“ — Тибетѣ — сохранилось преданіе объ одномъ Буддѣ изъ Индіи, который, поселясь на горѣ Ла, въ полутора верстѣ отъ нынѣшней столицы Тибета, Хлассы, девять лѣтъ провелъ въ религіозномъ созерцаніи, неподвижно смотря на стѣну, не сводя глазъ и стараясь не моргнуть.

Душу этого Будды наслѣдовали всѣ Далай-ламы, эти великіе жрецы тибетскаго буддизма—такъ по крайней мѣрѣ вѣрятъ тибетцы.

Далай-лама, духовный глава 400 мильоновъ народа, верховный жрецъ какъ тибетцевъ, такъ и нашихъ калмыковъ, живетъ въ обители на горѣ Ла, окруженный двадцатью тысячами буддистскихъ монаховъ. Здѣсь главное средоточіе главной религіи Азіи. Золотые куполы монастырей, и въ особенности золотая верхушка башни, поднимающейся надъ стоящимъ въ центрѣ другихъ зданій четырехэтажнымъ громаднымъ дворцомъ Далай-ламы—издалека указываютъ путнику гору Ла.

Далай-лама, въ его желтой митрѣ и пурпуровой мантіи, съ

его жезломъ въ видѣ креста — обыкновенно сидитъ неподвижно на богатомъ диванѣ при торжественныхъ службахъ, и только благословеніе наложеніемъ рукъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, отнимаетъ у него предписанное закономъ сходство въ позѣ съ изображеніемъ буддистскихъ святыхъ.

Ламы—эти брамины ламаизма, имѣющіе сходство съ левитами древняго и раввинами нынѣшняго еврейства—не только священники, но вмѣстѣ медики, юристы, ученые, педагоги, скульпторы, живописцы. Живопись нигдѣ не процвѣтаетъ на востокѣ и, конечно, не представляетъ образцовъ въ произведеніяхъ ламъ, но есть у Далай-ламы—какъ исключеніе—и такія картины, которыя возбуждаютъ удивленіе въ европейскихъ путешественникахъ. Отсутствіе естественности въ фигурахъ и яркая пестрота красокъ на картинахъ говорятъ намъ о нерасположеніи народовъ Азіи съ самыхъ древнихъ поръ къ изображенію человѣка, хотя изображенія звѣрей въ скульптурѣ и въ живописи были обычнымъ явленіемъ. Отсутствіе навыка вызвало несовершенство выполненія въ позднѣйшее время, когда востокъ научился пріемамъ въ живописи у запада.

Зато ламы очень искусны въ скульптурѣ. Кажется высѣканіе орудіемъ, сдѣланнымъ изъ знаменитой индѣйской стали, обычныхъ священныхъ призываній на каменныхъ скалахъ составляетъ родъ подвижничества, наиболѣе употребительнаго у ламаистовъ. Всѣ каменистыя нагорья Тибета усѣяны надписями, высѣченными на скалахъ. Большею частью это—«слово» обычнаго молитвеннаго призыванія, которое повторяется ежеминутно вѣрующимъ буддистомъ.

Храмы ламъ приводятъ въ удивленіе европейцевъ искусствомъ скульптурной отдѣлки. И можно видѣть, гдѣ источникъ этихъ работъ, просѣкшихъ въ камнѣ подъ землею громадные храмы, какіе мы видимъ въ Индіи.

Человѣкъ, не допускающій случайныхъ причинъ появленія обычаевъ и вѣрованій въ средѣ народовъ, невольно задастъ себѣ вопросъ: что вызвало эти громадные высѣченные въ каменныхъ горахъ храмы, которые невольно ставятся на ряду съ египетскими пирамидами и циклопическими каменными работами до-исторической Европы. Гдѣ источникъ этой страсти къ гигантскимъ сооруженіямъ у людей, не обладавшихъ средствами для легкой борьбы съ природой, у людей, которые, повидимому, должны были бы опустить руки при мысли о предстоящемъ страшномъ, не-

скончаемомъ трудѣ, и трудѣ въ отношеніи практическомъ часто безцѣльномъ?

Взгляните на буддиста, ползущаго по скалѣ съ стальнымъ рѣзцомъ въ рукахъ, чтобы начертать сотни разъ одни и тѣ же слова, и, намъ кажется, предъ вами разгадка этихъ безплодныхъ, но добровольныхъ усилій. Еслибы этотъ буддистъ не высѣкалъ камня—онъ на колѣняхъ ползъ бы по землѣ, или собственнымъ тѣломъ вымѣривалъ разстояніе отъ своей родины до отдаленной святыни, или несъ бы по приказу ламы столько книгъ на спинѣ, что сгибался бы подъ тяжестью ихъ.

Не будь ничего этого, онъ билъ бы себя бичемъ, на подобіе древняго жреца Изиды, или средневѣковаго самобичевателя. Онъ карабкался бы на крутую, почти неприступную, гору около Хлассы, какъ карабкаются массы богомольцевъ, считающіе, что кто влѣзъ на эту гору, тотъ избавился отъ всѣхъ грѣховъ.

Еслибы это было въ Индіи — онъ несъ бы воду отъ истока Ганга, до Калькутты или даже на Цейлонъ—какъ это и бываетъ въ дѣйствительности — стараясь не тряхнуть коромысломъ, чтобы не пролить капли изъ своихъ двухъ ведеръ, потому что тогда подвигъ будетъ не выполненъ.

Словомъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ физическимъ настроеніемъ, когда организмъ инстинктивно ищетъ моціона, движенія, чтобы удалить источникъ болѣзни, тѣ газы застоявшейся крови, которые въ религіозной символистикѣ востока принято называть злымъ духомъ.

Станемъ на эту медицинскую точку зрѣнія и мы поймемъ, почему буддистъ, вымѣривающій своимъ тѣломъ полъ храма, считаетъ подвигъ несовершеннымъ, если остановится и переведетъ духъ — тогда гигіеническая цѣль потеряна: именно непрерывность-то упражненія и бросаетъ человѣка въ спасительный потъ, а при остановкахъ тотъ же моціонъ не поможетъ ему.

Кому извѣстно, какимъ спасительнымъ средствомъ признается движеніе въ медицинѣ, тотъ пойметъ, что для людей, толстая рабочая кожа которыхъ пропускаетъ потъ съ необычайнымъ трудомъ, трудъ тяжелый и непрерывный является благодѣяніемъ. Если нѣтъ другой цѣли труда — находится цѣль религіозная, и что для человѣка, живущаго въ довольствѣ, для человѣка съ тонкой кожей и знакомаго съ требованіями гигіены, кажется страннымъ, то составляетъ потребность для бѣдняка.

Въ Китаѣ насчитываютъ до мильона буддистскихъ жрецовъ

и въ «праздникъ фонаря» до 200 мильоновъ фонарей горитъ въ домахъ населенія Срединной имперіи. Всѣ бѣдняки, все простолюдье, почти всѣ женщины, ведущія сидячую жизнь, исповѣдуютъ въ Китаѣ буддизмъ. Почти въ каждомъ домѣ за шелковою занавѣсью стоитъ алтарь съ изображеніемъ святыхъ буддизма. И очень нерѣдко случается, что китаецъ, гласно исповѣдующій Конфуціеву вѣру разума, склоняется на колѣни предъ этимъ алтаремъ, на ряду съ женскими членами своей семьи.

Буддизмъ признаетъ, что у каждаго человѣка есть свой духъ-покровитель, хранящій и оберегающій его. Изображеніе этого генія-покровителя есть почти въ каждомъ домѣ и семейство трекратно въ день молится предъ нимъ. Когда китайскій буддистъ заболѣваетъ, къ нему зовутъ бонза, т. е. жреца, такъ какъ званіе ламы принадлежитъ собственно жрецамъ Тибета. Иногда двѣ недѣли бонзъ хлопочетъ около больнаго, и когда тотъ переходитъ въ вѣчность—вручаетъ ему паспортъ на тотъ свѣтъ.

Буддизмъ распространился тѣмъ скорѣе въ Азіи, что онъ не преслѣдуетъ другихъ вѣръ, мирится, ассимилируется, смѣшивается съ ними. Буддизмъ не допускаетъ стѣсненія совѣсти, не относится съ презрѣніемъ къ другимъ вѣрованіямъ. Буддисты говорятъ: „мы не думаемъ, что одни только умѣемъ молиться“.

Каждый мыслящій человѣкъ не станетъ ограничиваться однимъ замѣчаніемъ о превращеніи буддизма въ идолопоклонство, а вникнетъ въ источникъ такого явленія, въ причины, вызвавшія его. Не обвиняя и не порицая, онъ разъяснитъ, какъ эти вѣрованія могли явиться.

Китайскій и японскій бонзъ показываетъ больному картину загробной жизни, мученій, какія долженъ претерпѣть человѣкъ въ другомъ мірѣ; проситъ о пожертвованіи, чтобъ искушить душу родственниковъ въ чистилищѣ: говоритъ о киваніи, о морганіи глазомъ, изображенія буддистскаго святаго. Тутъ видѣнъ источникъ: пожива на счетъ невѣжества. Но когда мы слышимъ о бумажныхъ и картонныхъ домикахъ, сожигаемыхъ въ домахъ, гдѣ есть покойникъ, о домикахъ какъ-бы отправляемыхъ на тотъ свѣтъ съ покойникомъ, является мысль о простой санитарной мѣрѣ.

Сожиганіе чего бы то ни было—было всегда средствомъ для уничтоженія міазмъ. Горѣніе свѣчей у покойника парализуетъ газы, отдѣляемые начинающимся тлѣніемъ тѣла, и сожиганіе карточныхъ домиковъ, или бумажныхъ изображеній, бонзами прино-

сить такую же пользу, какъ очищеніе дома въ Индіи огнемъ послѣ смерти владѣльца.

Очищеніе воздуха въ храмахъ у ламаистовъ производится еще иначе, и только пользою этого физическаго процесса можетъ быть объяснено спасительное дѣйствіе на вѣрующихъ вертящагося колеса въ спертой атмосферѣ буддистскаго храма. Это колесо сплошь облѣплено толстымъ слоемъ листовъ священныхъ молитвъ и одного взгляда на это колесо достаточно, какъ мы видѣли, ламаисту, чтобъ замѣнить молитву.

Этихъ колесъ бездна. Въ окрестностяхъ горы Ла и Хлассы, почти всѣ рѣки запружены, и вода приводитъ въ дѣйствіе эти молитвенныя колеса, какъ у насъ мельницы. Въ домахъ тибетцевъ такое колесо—необходимая принадлежность печки, и приводится въ дѣйствіе тягою воздуха. И такъ, это совершенно тоже, что наши вентиляторы.

Есть и ручныя колеса для ношенія вѣрующими, вертящими ихъ за ручку. Это—упражненіе для рукъ, полезный моціонъ.

Такъ какъ у народовъ востока—и въ томъ числѣ у евреевъ и индусовъ предпочтительно — злой духъ есть ни что иное, какъ вредные газы, міазмы, вредящія здоровью, то разумѣется молитвенное колесо-вентиляторъ дѣйствуетъ спасительно на отогнаніе такого злаго духа и замѣняетъ молитву-моціонъ, напряженіемъ обновляющую и освѣжающую кровь.

Въ буддистскихъ-ламаистскихъ городахъ гулъ колоколовъ раздается постоянно въ воздухѣ, три раза въ день созываются вѣрующіе и становятся на городскихъ площадяхъ на колѣни, на общую молитву. Но наравнѣ съ этою религіозностью, въ ламаистахъ замѣтно и то пренебреженіе къ жизни, какое видимъ въ Индіи. На улицахъ тибетскихъ городовъ попадаются юродивые съ цѣпями на шеѣ, просящіе подаянія на пропитаніе, или на постройку пагоды. Можно встрѣтить изувѣра, сидящаго въ истыканной гвоздями тележкѣ, везомой нанятымъ имъ же товарищемъ. Гвозди колютъ тѣло до крови и фанатикъ предлагаетъ проходящимъ купить у него по гвоздю—чтобы ему было меньше страданій, хотя никто не проситъ этого несчастнаго мучиться.

Такая вѣра естественно является нелѣпостью въ глазахъ образованной и развитой части населенія Китая. Китайцы высшихъ классовъ, живущіе въ довольствѣ, и не знающіе, что такое толстая, намозоленная кожа бѣдняка, не могутъ представить себѣ и необходимости усилій, чтобы заставить эту кожу пропускать

потъ, не видятъ пользы всѣхъ этихъ подвиговъ, дающихъ моціонъ тѣлу.

Китайскіе вельможи нерѣдко возставали противъ буддизма. „Чему можетъ научить эта религія человѣка, который 9 лѣтъ сидѣлъ неподвижно, вперя взоры въ одну точку“—говорили они. „Люди научатся праздности, покинутъ свои занятія и будутъ лишь обогощать тунеядцевъ-жрецовъ“.

Согласно съ этимъ воззрѣніемъ высшаго класса китайцевъ, главный судъ имперіи, собирающійся ежегодно въ Пекинѣ, каждый разъ высказывается противъ буддизма, и однако эта вѣра все-таки охватываетъ почти все китайское населеніе. Что дѣлать! богатые никакъ не растолкуютъ бѣднякамъ, что хорошее для достаточныхъ хорошо и для неимущихъ.

Китайскій богдыханъ, хотя и сынъ неба, въ духовномъ отношеніи подчиненъ Далай-ламѣ. Сами императоры манджурскаго происхожденія исповѣдывали буддизмъ, хотя и не рѣшались открыто предпочесть его господствующей между учеными религіи Конфуція.

Замѣчательный фактъ въ исторіи представляетъ возникновеніе буддистскаго Тибетскаго царства почти въ одно время съ магометанскимъ. Магометъ и Далай-лама, явившіеся въ одно время одинъ для созданія обширнаго царства на западѣ, другой — къ сѣверу отъ Индіи—представляютъ такимъ образомъ новое доказательство, что судьбами человѣчества двигаютъ общія пружины; магометанское царство явилось результатомъ сближенія Индіи съ Европою, именно въ то время, когда сближеніе Китая и Японіи съ Индіей привело къ основанію царства Далай-ламы, этого Магомета, или папы Тибета.

Мы видѣли уже, какой лестный отзывъ заслужилъ буддизмъ со стороны Клапрота. Можно привести рядъ подобныхъ же отзывовъ другихъ ученыхъ. Гумбольдтъ говорилъ о вліяніи буддизма на смягченіе нравовъ на Явѣ. Лассенъ высказывалъ убѣжденіе, что буддизмъ больше всѣхъ другихъ религій похожъ на христіанство [1]). Ремюза въ Mélanges posthumes называлъ буддизмъ христіанствомъ востока. Лоранъ доходилъ до уподобленія буддизма христіанству [2]) и только послѣ выразилъ убѣжденіе, что буддизмъ — мѣстное азіатское вѣрованіе, а христіанство вѣра

---

[1]) Indische Alterthümer, II, 442—443.

[2]) *La rent*, I, 68.

міра [1]). Миссіонеры удивлены были ламаизмомъ Тибета; они готовы были вѣрить, что католическіе монастыри основаны были по образцу тибетскихъ ламайскихъ [2]).

Палласъ полагалъ, что ламаизмъ и буддизмъ вообще имѣютъ сходство съ несторіанскимъ христіанствомъ. Боленъ видѣлъ ламайское вліяніе на секту манихеевъ.

О буддизмѣ не трудно составить себѣ понятіе. Едвали есть другая область востоковѣдѣнія, разработанная такъ какъ буддизмъ. Довольно напр. пересмотрѣть ту массу трудовъ, которая перечислена у Кистнера въ его „Buddha and his doctrines“. Труды, перечисленные у Кистнера и Вебера (Indische Streifen, II), а также многое, помѣщенное въ періодическихъ изданіяхъ, посвященныхъ Индіи—какъ Лассена [3]), Вебера (Indische Studien)—а также библіографическій перечень въ Revue de Flandre, I, представляютъ богатый матеріалъ для изученія буддизма. Бюрнуфъ прекрасно разработалъ предметъ въ своемъ „Введеніи къ исторіи индѣйскаго буддизма [4])“, изъ котораго обильно черпали Лоранъ и другіе историки. У насъ въ Россіи Шифнеръ и Васильевъ содѣйствовали не мало къ изученію буддистской литературы и архіепископъ Нилъ изучалъ ламаизмъ въ Сибири.

Мы видимъ изъ послѣдняго сочиненія, что ламы ввели осѣдлую жизнь между бурятами, что кибитки—капища ламъ вмѣстѣ—и аптеки, а ламы—доктора, и если, явясь лишь въ половинѣ прошлаго столѣтія ламайство въ Сибири — по временамъ то гонимое, то покровительствуемое — теперь господствующая религія среди бурятъ, то этимъ оно обязано своимъ внутреннимъ силамъ, своему цивилизующему вліянію [5]), не смотря на всѣ частные пороки ламъ, какъ эксплуататоровъ невѣжества.

Казалось бы о буддизмѣ при этихъ обстоятельствахъ могло быть только одно мнѣніе. А между тѣмъ, послѣ приведенныхъ мнѣній, какой отзывъ о немъ же встрѣчаемъ мы у профессора Васильева. Васильевъ прямо ставитъ буддизмъ ниже магометанства, называетъ магометанство болѣе чистымъ, энергическимъ ученіемъ чѣмъ буддизмъ [6]).

---

[1]) Ibid. I, 199.
[2]) *Bazin* въ Journal As., 1866, VIII, 114—115.
[3]) Zeitschrift fur die Kunde des Morgenlandes.
[4]) Indroduction à l'histoire du Bouddisme Indien.
[5]) *Нилъ*. Буддизмъ въ Сибири, 251 и слѣд.
[6]) О движ. мусульмунства въ Китаѣ, 25.

Намъ кажется не трудно угадать сразу причину такого разногласія мнѣній. Одни говорятъ о буддизмѣ начальномъ, другіе о томъ, какимъ мы видимъ его въ наше время.

Буддизмъ Готамы былъ высокое ученіе. Людямъ кастъ Будда сказалъ, что хотя есть врожденное различіе въ природѣ людей, и однимъ отъ природы дается больше, другимъ меньше, но всѣ способны къ совершенствованію. И паріи были призваны имъ къ себѣ, и сдѣланы его учениками. Будда не говорилъ, что онъ можетъ творить чудеса, не выдавалъ себя за Бога — обоготвореніе его явилось послѣ. Онъ говорилъ своимъ ученикамъ: „пусть добрыя дѣла ваши будутъ сокрыты и видны всѣмъ ошибки ваши".

Но время совсѣмъ измѣнило этотъ скромный, честный буддизмъ. Напрасно Пинкертонъ хочетъ сравнивать Gotama съ нѣм. Gott [1]). Его предположеніе, что Будда-Сакіамуни былъ учителемъ скиѳскаго народа саковъ, пожалуй, еще можетъ быть допущено именно какъ предположеніе. Но, сравненіе Будды съ Водапомъ-Одиномъ и сопоставленіе Готамы съ Gott—не выдерживаетъ критики. Напротивъ Будда самъ на себя смотрѣлъ и смотрѣли его послѣдователи на него только какъ на мудраго человѣка. Лишь послѣ всеобоготворяющая Индія, — Индія, которая даже холеру чтитъ подъ видомъ старой богини Ола-Биби, сдѣлала изъ Будды божество и даже заставила Вишну держать зонтикъ надъ Буддою [2]).

Время измѣнило буддизмъ. Онъ и теперь еще религія, поднимающая дикія племена до степени другихъ, болѣе развитыхъ, но опустясь, чтобы поднять стоящихъ внизу, онъ слишкомъ нагнулся, слишкомъ большія уступки сдѣлалъ низкому уровню идолопоклонническихъ массъ и, потерявъ свою прежнюю чистоту, сдѣлался безсильнымъ для господства надъ умами болѣе развитыми.

---

[1]) Journal As., X, 284.
[2]) *Lassen*, II, 426, 454.

Древняя и современная Индія.

По покоренін англичанами Индіи, началась разработка туземныхъ литературныхъ памятниковъ, и европейскіе ученые съ удивленіемъ замѣтили сходство въ филологическомъ отношеніи между санскритскимъ языкомъ (языкомъ древнихъ индѣйцевъ) и греческимъ. Явилась мысль объ ихъ взаимномъ сродствѣ, а затѣмъ не трудно было убѣдиться, что языкъ древнихъ индѣйцевъ принадлежитъ къ одному семейству языковъ съ европейскими. Такимъ образомъ, явилось понятіе объ индо-европейской расѣ.

Не смотря на трудность изученія санскритскаго языка, какъ мертваго, и въ которомъ насчитывается до 3,996 грамматическихъ правилъ, древне-индѣйская литература изслѣдована въ настоящее время довольно обстоятельно. „Санскритъ“, значитъ „священный“ и этотъ языкъ священныхъ книгъ въ такой степени чуждъ современному простолюдину Индіи, что онъ читаетъ эти книги, не понимая смысла читаемаго, и обычай допускаетъ чтеніе индусскаго священнаго писанія даже съ конца фразы къ началу, такъ какъ для полученія благодати это считается равносильнымъ, а не понять придется и тутъ и тамъ—все равно.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ индѣйской литературы принадлежатъ четыре религіозныя книги—веды (книги вѣдѣнія, знанія, первоначально написанныя на пальмовыхъ листахъ) и собраніе законовъ Ману, жившаго еще въ баснословное время. Восьмнадцать индусскихъ эпическихъ поэмъ (пуранъ) представляютъ вмѣстѣ не менѣе 1,600,000 стиховъ и принадлежатъ менѣе отдаленной древности. Онѣ заключаютъ въ себѣ миѳологію индѣйцевъ.

Рамаяна (48,000 стиховъ) и Магабарата (200,000 стиховъ)

представляютъ собою героическія эпопеи. Эпизодъ Магабараты о Налѣ и Дамаянти воспѣваетъ Дамаянти, какъ образецъ супружеской вѣрности. Не смотря на древность Рамаяны, она уже говоритъ о дорогахъ, обсаженныхъ деревьями и цвѣтами, о дорогахъ пробитыхъ чрезъ скалы и проведенныхъ чрезъ лѣса.

Дѣянія, воспѣваемыя въ Рамаянѣ и Магабаратѣ, воспроизведены между изображеніями высѣченнаго въ скалѣ храма Эллоры, имѣющаго 45 сажень въ длину, 21 въ ширину и 7 въ вышину и представляющаго страшный физическій трудъ древняго общества въ изысканіи себѣ первыхъ условій удобства.

Шлегель познакомилъ съ Рамаяной нѣмцевъ. Боппъ сдѣлалъ популярнымъ въ Европѣ разсказъ о „Налѣ и Дамаянти“. На итальянскій перевелъ Рамаяну Горрезіо. Вообще отрывки изъ Магабараты и Рамаяны общеизвѣстны въ Европѣ.

Что касается скульптурныхъ памятниковъ древней Индіи, изобразившихъ сцены изъ индусской эпопеи, то надобно отдать справедливость англичанамъ, что они хорошо изучили ихъ. Тодъ— находившій большое сходство между памятники индѣйской Элефанты и египетской Элефантины, сообщилъ подробные и превосходные рисунки эллорскихъ и магамалайпурскихъ памятниковъ въ „Трудахъ“ англійскаго азіатскаго общества [1]). Видно, что рука индѣйскаго художника высѣкала изъ камня формы, иногда не уступавшія классическимъ греческимъ, хотя предъ нами въ индѣйскихъ рисункахъ существа не съ двумя, а съ многими руками. Рисунки сдѣланы очень отчетливо.

Пураны, позднѣйшее произведеніе индѣйской литературы, уже носятъ на себѣ вліяніе запада, его сказаній, и ученій.

Изученію ведъ посвящены были труды многихъ европейскихъ ученыхъ.

Рукописныя веды составляютъ сорокъ два тома въ листъ. Первоначально онѣ были написаны на пальмовыхъ листахъ, но кѣмъ и когда, никто не знаетъ; многихъ мѣстъ изъ нихъ не поймутъ ученѣйшіе изъ браминовъ. Даже болѣе употребительное для чтенія сокращеніе ведъ сдѣлано слишкомъ за 3,000 лѣтъ до нашего времени, какъ догадываются, судя по нѣкоторымъ упоминаемымъ въ немъ астрономическимъ даннымъ [2]).

---

[1]) Transactions of the R. As. Soc., II.

[2]) Journal of the Asiatic Soc. of Bengal, XXXIII, 225. Asiatic Journal, XXXI, 49. Ср. Weber, Indische Studien, II, 240.

Уже издававшійся въ концѣ прошлаго столѣтія сборникъ Asiatic Researches („Изслѣдованіе Азіи“) посвятилъ не мало страницъ изысканіямъ о ведахъ. Изданіе ведъ европейскими учеными началось только въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Такъ Розенъ издалъ въ 1830 г. въ Лондонѣ главную изъ четырехъ ведъ—Риг-веду. Въ 1838 г. была издана Аштака - веда. Съ сороковыхъ годовъ Берлинъ, пріобрѣтя коллекцію замѣчательныхъ санскритскихъ манускриптовъ, начинаетъ соперничать съ Лондономъ въ изученіи и изслѣдованіи ведъ.

Ротъ, Веберъ, Бенфей въ 1845—48 гг. старательно разрабатывали ведическую литературу. Но, конечно, послѣднее изданіе Риг-веды Максомъ Мюллеромъ, по кропотливой обработкѣ и обширности труда, далеко оставило назади прежнія. Это изданіе сдѣлано на иждивеніе англійскаго правительства.

Обычная форма изложенія ведъ — лирическая. Въ Риг-ведѣ собрано до 1,026 гимновъ. Языкъ ведъ древнѣе браминскаго санскритскаго и больше его приближается къ зендско-иранскому и языку древне-персидскихъ надписей [1]). Ведическій языкъ по отношенію къ санскриту то же, что церковно-славянскій къ русскому.

Веды говорятъ еще о томъ бытѣ, когда рогатый скотъ и лошади были главнымъ богатствомъ индусовъ, и о слонѣ упоминается въ нихъ еще, какъ о дивѣ: онъ называется „животнымъ съ рукою“ [2]).

Веды такъ священны, что нельзя измѣнять оборотовъ и выраженій, употребленныхъ въ нихъ. Брамины враждебно относятся ко всякому переводу ведъ на иностранные языки. Когда англичане, завоевавъ Индію, хотѣли ознакомиться съ ея священными книгами, чтобы не сталкиваться съ религіозными предубѣжденіями народа—брамины Бенареса отказались помочь въ переводѣ и когда, наконецъ, нашелся браминъ, соглашавшійся прочесть веды оріенталисту Джонесу, то убѣдительно просилъ, чтобы имя его оставалось неизвѣстнымъ, такъ какъ иначе онъ подвергся бы гоненію отъ своихъ, тѣмъ болѣе, что европейцы, потребители мяса—нечистые паріи въ глазахъ брамина, а парію велѣно законами Ману наливать въ уши горячаго масла, топленаго воска

---

[1]) *Journal of the Am. Or. Soc.*, III, 297.
[2]) Ibid., 312.

или растопленнаго олова за дерзновеніе изучать веды. Брамин просилъ Джонеса переплесть переводъ не иначе какъ въ шелкъ. или бархатъ, такъ какъ кожа или шерть (какъ взятая отъ животнаго) вещества нечистыя и не должны касаться книги, которую нельзя читать, не сдѣлавъ омовенія, нельзя читать въ извѣстные фазы луны, или въ присутствіи дурнаго человѣка, а также. тамъ, гдѣ слышны удары розги и гдѣ пронесли трупъ.

Веды состоятъ изъ отдѣльныхъ статей религіознаго, медицинскаго, юридическаго, астрономическаго и пр. содержанія.

Въ ведахъ, какъ въ эпопеяхъ Гомера, ничего не говорится о письмѣ и надобно полагать, что оно въ эпоху составленія ихъ еще не было извѣстно, что веды были написаны лишь значительно спустя по ихъ составленіи. Въ книгахъ Моисея прямо говорится о письменности и еслибы письмо существовало въ эпоху составленія ведъ, онѣ—говоритъ Максъ-Мюллеръ [1])—упоминали бы о немъ.

Магабарата уже говоритъ о писцахъ и, строгая въ охраненіи браминскихъ привиллегій, посылаетъ въ адъ тѣхъ писцовъ, которые будутъ переписывать веды.

Патріархальность быта Индіи въ эпоху ведъ рисуется и тѣмъ, что напр. „волостноеправленіе“ въ древнемъ санскритѣ называется словомъ значащимъ „коровій загонъ“, война—„ловля коровъ“ [2]) и т. д.

Веды говорятъ о единомъ Богѣ, называя его душею вселенной и одна изъ молитвъ индусскихъ представляетъ слѣдующее обращеніе къ Богу: „я то же, что и ты, хотя безмѣрно малъ я въ сравненіи съ тобою“. Индусская аллегорія рисуетъ небо головою Бога, солнце и луну—его глазами, землю ногами, воздухъ — дыханіемъ, веды—его рѣчью.

„Веды учатъ—говорятъ индусы—что Богъ есть и что *все* есть Богъ. Кто знаетъ это—знаетъ веды“. Въ ведахъ Вишну и Сива упоминаются очень рѣдко; сиваиты съ перпендикулярною чертою, нарисованною на лбу, и вишнуиты съ горизонтальною, пересѣкаемою тремя перпендикулярными черточками—явились только послѣ. Въ ведахъ нигдѣ не упоминается о сектахъ. Въ Риг-ведѣ брамины упоминаются, но о кшатріяхъ (воинахъ) не говорится нигдѣ.

---

[1]) *M. Müller*. A history of ancient Sanscrit literature, 497—524. Ср. Boethlingk, Mélanges A. St. Petersb., III, 766—717.

[2]) Duncker, Geschichte des Alterthums, II, 16.

Законы Ману можно разсматривать какъ дополненіе къ ведамъ. Въ этихъ законахъ часты ссылки на веды. Видно, что въ эпоху изданія ихъ ученіе браминовъ уже укоренилось въ странѣ.

Древне-индѣйскіе памятники архитектуры отличаются громадностью размѣровъ, говорятъ о страшныхъ усиліяхъ, употребленныхъ на сооруженіе ихъ, но не отличаются гармоніею и изяществомъ. Храмы Эллоры (полукругомъ въ милю длины) и Элефанты (названіе отъ сдѣланнаго изъ камня „слона“) высѣчены въ скалахъ. Магамалайпуръ (*мага*—большой, *пуръ*—городъ), развалины котораго, лежащія въ днѣ пути отъ Мадраса, тянутся болѣе чѣмъ на десять верстъ,—былъ высѣченъ въ скалѣ, такъ что, можно сказать, представляетъ столько же произведеніе архитектуры, сколько скульптуры. И все это высѣчено въ твердомъ порфирѣ, или красномъ гранитѣ. Но эта скульптура носитъ особенный характеръ. Фигуры о нѣсколькихъ головахъ, съ тремя глазами, съ нѣсколькими руками (у Сивы 16), вообще чудовищныя изображенія—были любимымъ сюжетомъ индѣйскаго творчества.

Колоссъ Будды въ 17 сажень вышины и 10 ширины, представляетъ длинныя и отвислыя уши, широкія губы и вообще былъ бы далеко некрасивъ, даже еслибы пушечные выстрѣлы невѣрующихъ не изуродовали его лица. Формъ тѣла этого колосса невидно, ихъ прикрываетъ слой гипса, изъ котораго индусскій художникъ слѣпилъ родъ плаща. Эта колоссальная фигура представляетъ очень грубую работу. Она также высѣчена въ скалѣ.

Если англійскій полковникъ Тодъ, осматривавшій подробно индусскіе памятники, говоритъ, что иныя головы на стѣнахъ индѣйскихъ храмовъ сдѣлали бы честь рѣзцу Кановы, то это относится лишь къ немногимъ произведеніямъ (напр. въ Эллорѣ), очевидно позднѣйшаго происхожденія.

Эркинъ находитъ, что памятники индусской старины грандіозны, живописны, но меланхоличны. Что же касается нынѣшней архитектуры въ Индіи—она съ ея вычурностью и, такъ сказать, базарностью—тоже въ сравненіи съ древнею, что факирство въ сравненіи съ чистымъ буддизмомъ.

Толстые слои красокъ и штукатурка на древнихъ зданіяхъ Индіи—лишь средство противъ всеистребляющей плѣсени, которая коренится своею черною паутиною на всемъ въ Индіи, если ее не сгоняютъ. Надобно замѣтить, что индусъ не только покрываетъ свои зданія известкою, но даже ѣстъ ее, вѣроятно, какъ

противогнилостное средство, въ странѣ, гдѣ гніеніе и порча, благодаря жару и влагѣ, развиваются быстро.

Индусская живопись, которою занимались почти исключительно женщины, не знала колорита. Богъ солнца, Брама, окрашивался сплошь въ красную краску; Вишну въ зеленую; Сива въ бѣлую; Вишну, принявшій образъ Кришны,—въ голубую.

Въ области музыки древніе индѣйцы сдѣлали болѣе. Любовь къ музыкѣ видна у индѣйцевъ изъ того, что супруга Брамы считалась богинею музыки, какъ дочь его нимфою танцевъ. Въ Индіи были извѣстны флейты, гитары, бубны. Семь потныхъ тоновъ извѣстны тамъ изъ отдаленныхъ временъ; каждымъ тономъ завѣдывала особая нимфа. Эти тоны назывались по начальнымъ слогамъ именъ нимфъ (*sa, ri, gha, mi, pa, dha, ni*). Перейдя къ арабамъ и персамъ, эти тоны называются—*do, re, mi, fa, sol, la, be*). Въ Европѣ, въ XI вѣкѣ, Гвидо Арецкій употребляетъ эти послѣднія названія съ тою разницею, что *do* былъ замѣненъ тономъ *ut* и послѣдній (*be*) опущенъ, но Лемеръ въ 1684 г. снова ввелъ этотъ послѣдній тонъ, назвавъ его *si*.

Въ дѣлѣ науки Индія много дала Европѣ. Можно безъ преувеличенія сказать, что все полученное Европою отъ арабовъ было въ основѣ болѣе или менѣе заимствовано арабами у китайцевъ или индѣйцевъ. Роль арабовъ, также какъ евреевъ и прежде финикіянъ, состояла главнымъ образомъ въ передачѣ научнаго запаса Индіи молодой Европѣ. Это былъ народъ-посредникъ, и этому посредничеству онъ обязанъ своею исторической ролью. Масса индусскихъ сочиненій была переведена на арабскій языкъ [1]).

Въ самомъ дѣлѣ индусы не только употребляли цифры, называемыя арабскими, прежде арабовъ, но индусамъ же приписывается изобрѣтеніе ариѳметическихъ правилъ, напр. десятичныхъ дробей. Прежде полагали, что алгебра—изобрѣтеніе арабовъ, но послѣ нашли древне-греческій трактатъ объ алгебрѣ, и наконецъ, Кольбрукъ доказалъ, что алгебра была еще прежде извѣстна индусамъ. Индѣйцы заимствовали впослѣдствіи кое-что у грековъ именно въ области математики, но основы этой науки всего вѣрнѣе перешли въ Грецію изъ Индіи.

Финикіяне и потомъ персы (при Даріѣ Гистаспѣ) [2]) много заимствовали, и передали Европѣ много заимствованій, у Индіи.

---

[1]) См. *Zeitschrift* D. Morg. Gesell., XXV, 378.

[2]) Laurent, I, 110, по Амміану Марцеллину.

Въ XII в. явились въ переводѣ на арабскій языкъ произведенія замѣчательныхъ индѣйскихъ медиковъ. Съ отдаленныхъ временъ въ Индіи было извѣстно 127 хирургическихъ инструментовъ. Индія славилась своими окулистами. Слава арабовъ и евреевъ, какъ врачей, вѣроятно, была плодомъ ихъ знакомства съ Индіей.

Но и въ области науки, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, настоящее Индіи представляетъ контрастъ блистательнымъ зачаткамъ прошлаго. Правда, грамотность сравнительно довольно развита въ средѣ туземцевъ, и въ селеніяхъ ихъ обыкновенно есть школы и учителя, но успѣхи индѣйской науки остановились давно.

Какъ въ Индіи, прежде столь музыкальной, хотя и пѣвшей подъ музыку пѣсни, дышавшія грустью, теперь музыкальныхъ мелодій почти не слышно и лишь скрипка съ барабаномъ тиранятъ уши иноземца, а инструменты былаго времени, всевозможныхъ видовъ и формъ, висятъ какъ памятники древности въ кабинетахъ любителей; такъ страна, подарившая Европѣ основы ея научнаго развитія, теперь также далека отъ Европы въ дѣлѣ научнаго движенія, какъ индусскій почтальонъ-скороходъ, разгоняющій въ мракѣ ночи пылающимъ факеломъ дикихъ звѣрей и бѣгущій съ котомкою отъ станціи до станціи, не уйдетъ за европейскимъ паровозомъ.

Что же за причина этого блеска прежде и паденія теперь? Ужели и Индія какъ Китай—страна-старецъ, отживающая свой вѣкъ, и даже болѣе дряхлый старецъ, чѣмъ небесная имперія?

Да. И мы позволимъ себѣ, или вѣрнѣе считаемъ долгомъ, свести здѣсь данныя, подтверждающія наше мнѣніе.

Во-первыхъ Индія теперь—*вовсе не та, что была прежде.*

Произошла коренная перемѣна во всемъ — въ природѣ и людяхъ.

Кто будетъ утверждать, что Германія Тацита то же, что Германія теперь? Измѣнилась почва, не тотъ климатъ, во многомъ измѣнился человѣкъ. Это произошло менѣе чѣмъ въ 2,000 лѣтъ, а Индія на памяти исторіи жила больше 4,000 лѣтъ. Какъ же въ ней было не измѣниться многому?

Новѣйшія изслѣдованія открыли въ Виртембергѣ подъ слоемъ земли въ нѣсколько футовъ—тундру съ ея мохомъ; въ Бельгіи и южной Германіи встрѣчаются ископаемые черепа людей лопарской расы.

Всѣ эти слѣды періода сѣвернаго оленя въ центрѣ Европы давно общеизвѣстны и нельзя сомнѣваться, что, начиная съ не-

ріода ледниковъ, климатъ, флора и фауна Европы постепенно измѣнялись. Климатъ, дѣлаясь все теплѣе, позволилъ культурнымъ животнымъ и растеніямъ юга Европы проникнуть далеко на сѣверъ.

Но Европа — составляетъ-ли исключеніе? Не естественнѣе-ли предположить, что тотъ же процессъ совершался и въ другихъ частяхъ свѣта, что европейскій материкъ представляетъ только частное проявленіе общаго закона?

Здѣсь мы постараемся сгруппировать именно данныя, которыя позволятъ прослѣдить подобный же процессъ измѣненій въ Азіи и отчасти въ Африкѣ.

Процессъ одряхлѣнія странъ Азіи отчасти уже былъ указанъ нами на средней Азіи и Китаѣ. Индія позволитъ намъ полнѣе прослѣдить перемѣны отъ ранняго періода жизни государства до старческаго зацѣпенѣнія.

Мы видѣли уже, изъ Ши-кингъ [1]), что Китай, въ которомъ люди одѣваются въ лисьи мѣха, охотятся совершенно на тѣхъ же звѣрей, какихъ видимъ въ Европѣ, и хвалятся краснымъ цвѣтомъ лица — вовсе не похожъ на нынѣшній Китай съ изнѣженнымъ, желтокожимъ, страдающимъ отъ жаровъ населеніемъ. Египетъ теперь представляетъ намъ желтокожихъ коптовъ, какъ потомковъ древнихъ его жителей, но чѣмъ глубже вкапывается археологъ въ египетскую древность, тѣмъ все болѣе египетскія муміи напоминаютъ кавказскій типъ. Это фактъ несомнѣнный и подтверждаемый массою авторитетовъ [2]) — а вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно важный.

Сопоставимъ его съ тѣмъ, что въ степяхъ Египта открываются окаменѣлые лѣса, напоминающіе природу совсѣмъ другихъ странъ, болѣе сѣверныхъ — и окажется, что нынѣшній Египетъ не только пустыннѣе, но и жарче древняго, что въ эпоху славы Египта природа и климатъ его, по всей вѣроятности, столько же походили на нынѣшнія, сколько европейская флора напоминаетъ пальмы и акаціи песчаныхъ степей.

Но ранній періодъ жизни Китая и Египта теряется въ вѣкахъ, и едвали когда нибудь придется ознакомиться съ нимъ подробнѣе.

---

[1]) См. главу „Историческій бытъ Китая“.

[2]) Рядъ свидѣтельствъ сгруппированъ у *Гаркави*, *О первоначальномъ обиталищѣ семитовъ, индо-европейцевъ и хамитовъ*, 59.

Судьбы Индіи прослѣдить легче.

Перенесемся въ самый отдаленный періодъ индѣйской исторіи, и на насъ тотчасъ повѣетъ Европою, чѣмъ-то стародавнимъ своимъ, сѣверпымъ.

Бенфей, сопоставляя индѣйскія названія звѣрей — волка, медвѣдя и пр.—высказывалъ убѣжденіе, что люди кавказской расы, явившіеся въ Индію, были европейцы, переселенцы изъ Европы [1]). Такое мнѣніе, какъ разъ шедшее въ разрѣзъ съ установившимся убѣжденіемъ, что Азія вліяла на Европу и слала въ нее переселенцевъ—имѣло за себя нѣкоторыя лингвистическія данныя.

На лингвистикѣ мы не будемъ останавливаться. Думаемъ, что прошло то время, когда вѣрили въ занесеніе языка изъ одной мѣстности въ другія разселявшимся цивилизовавшимъ племенемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ установилось мнѣніе, раздѣляемое въ наше время многими, что языкъ въ такой же степени какъ устройство черепа и другія особенности расы—созданіе мѣстной обстановки и духовной жизни народа,—напрасно рѣшать вопросъ о сходствѣ языка брамиповъ съ европейскими заимствованіемъ Европы у Индіи, или, наоборотъ, Индіи у Европы, а также общимъ происхожденіемъ изъ одной мѣстности. Просто тутъ и тамъ жизнь вылилась въ сходныя формы, а среди сходной природы и обстановки быта—явилась и родственность въ языкѣ.

Но вопросъ, поднятый ученымъ индологомъ — а такимъ мы имѣемъ право назвать Бенфея—затрогиваетъ другой, болѣе важный — о сходствѣ древне-индѣйскаго быта съ нынѣшнимъ, или сравнительно недавнимъ, европейскимъ.

Думаемъ, что есть не мало доказательствъ этого сходства.

Героическій періодъ Индіи имѣетъ большое сходство съ греческимъ. *Герои* Греціи и *суры* Индіи (для лингвиста несомнѣнно тождество того и другаго слова) дѣйствуютъ одинаково въ греческомъ и индусскомъ эпосѣ [2]). Тутъ и тамъ въ свитѣ героевъ видимъ пѣвцовъ, воспѣвающихъ ихъ дѣянія. Возьмемъ-ли обстановку тогдашней жизни (напр. изъ Магабараты) — мы увидимъ, что она вовсе не похожа на нынѣшнюю индѣйскую, но живо напоминаетъ средневѣковую европейскую.

Одинъ изъ тузсмныхъ индѣйскихъ публицистовъ, Раджендра-

---

[1]) *Spiegel*, Eranische Alterthumskunde, I, 428.

[2]) *Lassen*, I, 616—617.

лала Митра, набросалъ въ журналѣ Бенгальскаго общества [1]) картину древняго быта по Магабаратъ. Позволимъ себѣ привести нѣсколько извлеченій изъ нея.

Веды представляютъ индусовъ очень набожнымъ народомъ, но книги браминовъ имѣли цѣль представить такими индусовъ. Напротивъ, занятія и забавы древнихъ индусовъ показываютъ въ нихъ много удальства, наклонности къ шуткѣ, живости природы. Развлеченія того времени напоминаютъ—говоритъ Митра,—скорѣе забавы норвежскихъ морскихъ королей, или тевтонскихъ бароновъ, чѣмъ нынѣшнихъ индусовъ. Что рисуютъ намъ напр. главы 146 и 147 Магабараты? Индусская аристократія — въ томъ числѣ лица, приписанныя послѣ къ сонму боговъ—отправляется на „пикникъ“ (мы употребляемъ лишь выраженіе индѣйскаго писателя) и какъ проводитъ она тамъ время? На первомъ планѣ пьянство, и именно, какъ говорится въ просторѣчіи — „до положенія рисъ“. Пять крѣпкихъ напитковъ въ ходу—въ томъ числѣ водка и ромъ — настоящій ромъ изъ рисовой муки. Изъ сахаристаго, но вреднаго растенія, идущаго теперь въ пищу только „летучимъ лисицамъ“, какъ говорятъ индѣйцы (нетопырямъ)—тогда перегоняли крѣпкій спиртный напитокъ, хотя самаго растенія въ пищу также не употребляли. Для „закуски“ — въ санскритскомъ языкѣ сохранилось много словъ, памятью о томъ времени когда пили водку часто и всегда послѣ того закусывали.

Не рисъ и хлѣбъ играли главную роль за столомъ индуса того времени, какъ теперь, а буйволовое мясо, жарившееся на вертелахъ огромными кусками, или оленина, больше варившаяся. Теперь буйволовое мясо продается только на базарахъ Кашмира, а въ большей части Индіи человѣкъ не беретъ въ ротъ мяса. Въ древности только старики не ѣли мяса и не пили спиртныхъ напитковъ, а закусывая больше сладостями, собирались въ сторонку и смотрѣли какъ молодежь танцовала. Танцовали же въ то время не только мужчины съ женщинами, но и мужчины одни. Какъ эта страсть къ танцамъ непохожа на флегму и апатію нынѣшняго индуса! Женщины были въ обществѣ мужчинъ, чего теперь у браминовъ тоже нѣтъ. Мужчины танцовали съ женами, но и женщины веселаго поведенія были тутъ же наравнѣ съ порядочными — совершенно какъ наложницы средневѣковаго обще-

---

[1]) Journal Bengal Soc., 1872, III—IV, 340—343.

ства, тогда какъ теперь жена индуса съ презрѣніемъ отвернется отъ подобной женщины и не позволитъ себѣ быть въ ея обществѣ.

Но можетъ быть, по крайней мѣрѣ древніе брамины были суровы нравами и строго религіозны? Нѣтъ, Ars erotica Индіи, обязана своимъ началомъ брамину Санкалнѣ — это Анакреонъ и Байронъ Индіи. Воспѣваніе веселія и страсти не было ниже его брамінскаго достоинства.

Обращая вниманіе на хозяйство того времени — какіе мы видимъ предметы потребленія? Въ пищу идутъ куропатки, утки, голуби, сахаръ, сыръ. Мясо рогатаго скота въ такомъ употребленіи, что царь Рантидева, извѣстный своею благотворительностью, убивалъ 2000 штукъ скота ежедневно для своего стола, съ котораго кормились массы бѣдныхъ.

А теперь брамінъ съ ужасомъ смотритъ на мясную пищу. Общеизвѣстенъ разсказъ о томъ, какъ брамінъ, которому англичанинъ предложилъ въ шутку отвѣдать бифштекса, упалъ въ обморокъ отъ одного взгляда на ужасное кушанье.

Отчужденіе индусовъ нашего времени отъ мясной пищи—не аффектація и не педантизмъ брамінской религіозной философіи. Просто мясо—вредно въ жаркомъ климатѣ Индіи. Магометанинъ, по закону, имѣетъ право ѣсть мясо, но и онъ въ Бенгаліи, подобно индусу, не ѣстъ животной пищи [1]). Нашъ путешественникъ, кн. Салтыковъ, имѣвшій всѣ способы приглядѣться къ жизни нынѣшнихъ властителей Индостана, говоритъ, что англичане, благодаря своей мясной пищѣ и своимъ спиртнымъ напиткамъ, постоянно ходятъ въ Индіи подъ страхомъ смерти [2]). Климатъ, недозволяющій брамінамъ Бенгаліи мясной пищи, объясняетъ, почему и за потребленіе спиртныхъ напитковъ страшныя кары закона угрожаютъ нынѣшнему брамину. Въ Кашемирѣ климатъ суровѣе, тамошніе жители—эти вѣчные факторы и дѣльцы Индіи—по самому типу сравниваются съ нашими европейскими евреями—и мы видимъ, что кашемирскіе брамины ѣдятъ мясо.

Затѣмъ, можно прослѣдить, какъ постепенно выходила въ Индіи изъ употребленія мясная пища. „Мои соотечественники, вѣроятно, изумятся и возпегодуютъ—говоритъ Раджендралала Митра,—

---

[1]) *Ibid*, 1872, № II, 196.
[2]) Письма объ Индіи, 67.

когда я скажу имъ, что мясная пища была во всеобщемъ употребленіи у нашихъ предковъ". Дѣйствительно, брамину, стыдящемуся, что въ санскритѣ есть самое слово для „мясо" и старающемуся не произносить этого слова, по всей вѣроятности, непріятно читать, какъ его предки непремѣнно рѣзали корову при встрѣчѣ дорогаго гостя (какъ евреи тучнаго тельца) и называли гостя не иначе какъ „коровобойцею" [1]), въ самомъ лестномъ и почетномъ смыслѣ этого слова. Законы Ману не только разрѣшаютъ въ пищу мясо животныхъ, кромѣ верблюда, но даже требуютъ, чтобы мясо животнаго, принесеннаго въ жертву, шло въ пищу, а кто по совершеніи предписанныхъ обрядовъ не поѣстъ жертвеннаго мяса, тому законъ грозитъ рожденіемъ 21 разъ въ образѣ животнаго.

Но затѣмъ, постепенно стали вводиться наказанія за рѣзанье коровъ. Назначался за „убійство коровы" сорокодневный постъ. Потомъ виновный приговаривался къ испрошенію прощенія слѣдованіемъ въ теченіе нѣкотораго времени за коровами, ночлегами въ ихъ хлѣвѣ и т. д. [2]). Наконецъ, „коровоубійство" стало преслѣдоваться какъ важное преступленіе и изъ-за рѣзанья коровъ не разъ доходило у браминовъ до вооруженныхъ схватокъ съ невѣрующими.

Но можетъ быть древній индусъ, который ѣлъ, пилъ и жилъ вообще такъ же, какъ европеецъ, имѣя стада коровъ и лошадей и почти не зная слона—былъ подобно нынѣшнимъ индусамъ апатиченъ къ окружающему по натурѣ? Нынѣшній индусъ не знаетъ никого изъ чужестранцевъ, кромѣ англичанъ, и никуда—за очень рѣдкими исключеніями—самъ въ чужія страны не ѣздитъ. Даже поѣздка браминовъ, вскорѣ послѣ рожденія Спасителя, въ Палестину и Александрію едвали можетъ считаться доказанною, хотя извѣстія о ней и основываются на возвѣщеніи браминами о рожденіи Кришны („Христа"—въ браминскомъ выговорѣ) отъ Дѣвы [3]). Можетъ бытьтакъ апатичны къ окружающему были индусы и прежде?

Веды говорятъ прямо о мореплаваніи у индусовъ. Ману упоминаетъ о морскихъ законахъ. Многія названія на о-вѣ Мадагаскарѣ признаются за санскритскія [4]). Абиссинцы прямо произ-

---

[1]) *Colebrooke*, Asiatic Researches, VII, 288.
[2]) Journal Bengal, Soc., 1872, № II, 193.
[3]) *Weber*, Indische Streifen, II, 21.
[4]) *Laurent*, 1, 114.

водятъ себя отъ индусовъ, какъ-бы подтверждая разсказъ Пураны о выселеніи изъ Индіи колоніи въ сѣверную Африку. Значитъ индусы древняго времени не чуждались моря и сосѣдей.

Но затѣмъ, Магабарата уже относится неблагопріятно къ мореплаванію, а въ пуранахъ—еще болѣе позднихъ литературныхъ произведеніяхъ, морскія путешествія прямо запрещены.

Окружающій міръ сносился съ Индіею и послѣ, но не Индія съ нимъ. Греческое „касситеросъ“ и арабское „касдиръ“ [1]) (олово), заставляютъ отнести сношенія Западной Азіи съ Индіей къ очень отдаленному времени, потому что мѣдь съ примѣсью олова уже шла на выдѣлку сосудовъ, найденныхъ при раскопкахъ въ древней Троѣ, когда финикіяне еще не могли привозить олова изъ Англіи. Еврейскія слова: „хлопчатая бумага“, „слонъ“, „обезьяна“, „павлинъ“, „сандальное дерево“ взяты также съ санскритскаго. „Перецъ“ называется во многихъ европейскихъ языкахъ словами, происшедшими отъ санскритскаго „пипали“. Баснословно-богатый Офиръ древнихъ, какъ доказали Бенфей и Лассенъ, былъ Абгира, при устьѣ Инда [2]). Колумбъ, принявъ Кубу за Индію, писалъ испанскому королю: „Гора Сопора, куда прибывали въ три года корабли Соломона—у ногъ вашего величества“.

Ниневійскія раскопки подтверждаютъ слова Ктезія, что Нинъ и Семирамида ходили на Индію. Хотя самыя имена, можетъ быть, вымыселъ, но что вавилонскіе властители входили побѣдителями въ Индію, ручаются картины, изображающія слоновъ и плѣнниковъ, ведущихъ ихъ къ ассирійскимъ царямъ.

И такъ, окружающій міръ долго сносился съ Индіей и послѣ того, какъ она впала въ неподвижность, но неподвижность эта не была искони̇ою, какъ и въ Китаѣ. Слова Діодора и Плинія, что индѣйцы никогда не покидали своихъ предѣловъ—nunquam migravere finibus suis— вѣрны относительно только позднѣйшей эпохи. Точно также нельзя согласиться съ Лассеномъ, утверждающимъ, что китайцы, бывшіе въ Вавилонѣ, конечно, посѣщали Индію, но что индѣйцы никогда не ѣздили къ сосѣдямъ [3]). Такое заключеніе знаменитаго ученаго — естественная дань убѣжденію, что Индія всегда была какою мы видимъ ее теперь.

---

[1]) *Humboldt*, Cosmos, II, 436.
[2]) *Lassen*, I, 538.
[3]) *Lassen*, I, 858.

Но надѣемся, что приведенный рядъ фактовъ достаточно подтверждаетъ, что и въ Индіи, какъ въ Европѣ, совершался съ теченіемъ вѣковъ процессъ измѣненія въ климатѣ, а слѣдовательно, въ природѣ и человѣкѣ.

Такъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, на равнинахъ Пятирѣчья, гдѣ жили индусы, окруженные лошадьми и коровами — коровы и лошади остались уже, какъ рѣдкость. Едва извѣстный ведамъ слонъ, давно—главное животное этой мѣстности. „Оселъ“ и „верблюдъ“— слова въ санскритѣ сравнительно новыя [1]), а потому въ противоположность другимъ названіямъ животныхъ непохожія на европейскія. Верблюдъ, дѣйствительно, могъ явиться только съ степью, безъ которой онъ жить не можетъ.

И не даромъ слонъ пугается верблюда, и сбиваетъ съ себя вожатаго, при встрѣчѣ съ нимъ [2]). Число слоновъ, животныхъ болѣе влажныхъ мѣстностей — все болѣе уменьшается въ Индіи; число верблюдовъ, напротивъ, растетъ. Верблюдъ—эпитафія индѣйскому слону; онъ множится по мѣрѣ того, какъ степь распространяется на мѣстѣ прежнихъ цвѣтущихъ равнинъ. Верблюдъ явился въ Египтѣ и средней Азіи только съ степью — съ нею, конечно, и въ Индіи. Точно также не рѣдки теперь въ Индіи и люди съ негрскимъ типомъ, хотя Страбонъ утверждалъ прямо, что въ Индіи нѣтъ людей, похожихъ на эѳіоновъ [3]). Но прежде не было такихъ жаровъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ Азіи, гдѣ теперь бываетъ невыносимо жарко [4]).

Нужны-ли доказательства остепненія Индіи? Индъ описывали въ древности Геродотъ и Ктезій очень широкою, могучею рѣкою. Что заставило русскаго, ѣхавшаго по немъ 30 лѣтъ назадъ назвать его «стремительнымъ потокомъ грязи?» [5]). Маловодье. Мѣстности близь Инда, напр. безплодная пустыня Котчъ (Cutch) еще въ прошломъ столѣтіи питали многочисленныя населенія, но мосульмане сѣвера, нуждаясь въ водѣ, провели плотины, отрѣзали воду у южныхъ мѣстностей и послѣднія опустѣли [6]). Ссылаются на вражду мосульманъ къ южнымъ жителямъ для объяс-

---

[1]) *Spiegel*, I, 430.
[2]) Салтыковъ, 82.
[3]) *Strab.*, 690, 696. *Duncker*, II, 11.
[4]) *Journal As.*, 1849, XIII, 221.
[5]) Салтыковъ, 167.
[6]) Transactions R. A. S. III, 550.

нспія этого поступка. Но не вражда провела множество плотинъ для запруды рѣкъ во многихъ мѣстахъ Индіи, а нужда. Эти запруды—постоянное явленіе въ Деканѣ.

Не сразу и Котчъ лишился воды, хотя новыхъ плотинъ больше не возводилось: естественное обмеленіе было причиною того, что доля влаги, пропускавшаяся прежде на югъ, потомъ исчезла.

Причина обмеленія Инда та же, какую мы видѣли и относительно Желтой рѣки. Индѣйскій океанъ постепенно отступаетъ отъ береговъ [1]).

Еще Миддендорфъ доказалъ постепенное поднятіе берега Ледовитаго океана въ Сибири. Сопоставивъ съ этимъ отступленіе Восточнаго и Индѣйскаго оксана отъ береговъ материка — мы имѣемъ предъ собою общее возвышеніе материка Азіи.

Это одна изъ главныхъ причинъ климатическихъ перемѣнъ. *Причины* перемѣнъ въ этомъ отношеніи не составляютъ предмета нашего изслѣдованія. Мы хотѣли только указать на факты, доказывающіе, что эти перемѣны *были*, что условія жизни населенія въ Индіи стали совсѣмъ другія, чѣмъ были прежде, а чрезъ то сталъ другимъ и самый народъ.

И такъ, Индія—также народъ старецъ, и мосульманство—эта религія, идущая, какъ memento mori вслѣдъ за одряхлѣніемъ страны,—уже давно укоренилось въ Индіи.

Мосульманство и браминство по-братски живутъ другъ около друга въ Индіи. Мосульманскіе святые нерѣдко чтили веды и многіе изъ индусовъ, оставаясь браминистами, чтутъ мосульманскихъ святыхъ и совершаютъ обряды съ мосульманами [2]). Но вглядитесь въ индуса-мосульманина — вы тотчасъ замѣтите, что вызвало появленіе мосульманства въ Индіи.

Агра и Дели, столицы индусскаго мосульманства, напоминаютъ Каиръ не только по внѣшности, но и потому, что стоятъ въ степи. Всѣ главные мосульманскіе города въ степи; гдѣ степь, тамъ явилось и мосульманство. Буддистовъ считаетъ Брокгаузъ на всемъ земномъ шарѣ 455 мил., т. е. на 19 м. меньше чѣмъ христіанъ, а магометанъ только около 70 мил. Пропорція была бы не та, еслибы мосульманство не было религіею степей, вымирающей жизни, еслибы оно не несло съ собой печати смерти населенію и вмѣстѣ себѣ.

---

[1]) Ibid. „Indian ocean... with waters receding yearly from its shores“.
[2]) Journal As., 1831, VIII, 96. Салтыковъ, 42.

Что же удивительнаго, если мосульманство теперь слабѣе въ Индіи чѣмъ было два вѣка назадъ: эти два вѣка сдѣлали кое-что для оживленія страны. Что удивительнаго, если прежде процвѣтавшія мѣстности Индіи, гдѣ пріютилось мосульманство, стали все болѣе приходить въ упадокъ. Не мосульманство принесло упадокъ—оно явилось его слѣдствіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро страна бѣдиѣетъ произведеніями—являются перекочевки, скитальчество, хищничество. Кто составляетъ касту воровъ въ Барелли, главномъ городѣ рогаловъ, гдѣ на 40 т. индусовъ приходится 25 т. мосульманъ? Мосульмане [1]). Кто кузнецъ, мѣдникъ? мосульманинъ. (Домосѣдъ — индусъ имѣетъ мало дѣла съ металлами). Сторожа въ городѣ изъ мосульманъ—благодаря убѣжденію индусовъ, что хорошіе сторожа могутъ быть только изъ касты воровъ [2]). Но мосульманство побуждаетъ вмѣстѣ, какъ мы говорили уже, къ невольной взаимной помощи, тамъ, гдѣ все въ природѣ ведетъ къ истребленію людей. Мы вовсе не хотимъ унизить мосульманство, называя его предсмертною религіею государства. Напротивъ, эта религія—облегчающее агонію напутствіе отходящему.

Мосульмане въ Индіи — представители общественности: они пекари, водоносы, каравансарайщики, погонщики; разумѣется, они же—мясники и молочники. Зато изъ 145 садовниковъ Барелли только одинъ оказался мосульманиномъ и вообще индусъ-домосѣдъ съ его глинянымъ горшкомъ для вареная риса, несравненно трудолюбивѣе и промышленнѣе подвижнаго магометанина съ его мѣднымъ котломъ для мяснаго бульона.

Какъ видимъ, мосульмане и индусы раздѣлились въ занятіяхъ. но напрасно было бы думать, что мосульмане—не тѣ же индусы. Конечно, не мало потомковъ вторгнувшихся монголовъ живетъ въ нынѣшней Индіи, но эти вторгнувшіяся массы не только нашли въ Индіи родныя степи,—они видѣли какъ въ этихъ, все расширявшихся, степяхъ чисто-индусское населеніе присоединялось къ ихъ вѣрѣ. Измѣненіе въ жизни и обстановкѣ вело къ измѣненію религіозныхъ обрядовъ. Конечно, въ высшихъ классахъ, искусственно противящихся внѣшнимъ вліяніямъ, это измѣненіе потребностей съ перемѣною въ обстановкѣ выражается меньше.

---

[1]) Transactions, I, 477.
[2]) Ibid.

Брамины въ Кашемирѣ остались браминами. Но простой народъ тамъ давно уже мосульмане.

Какъ въ Китаѣ, магометанство въ Индіи сурово и меланхолично. Въ Китаѣ мосульманамъ запрещены пусканіе ракетъ и музыка при похоронахъ; въ Индіи также запрещены имъ, въ этихъ случаяхъ, громкіе крики и трауръ. Магометанинъ, апатичный во всемъ, апатично относится и къ горю. Въ Китаѣ магометанство возстало противъ домовъ терпимости, потому что ввело гаремы. Въ Индіи гаремная жизнь еще не очень привилась, и потому женщины домовъ терпимости у мосульманъ есть. Въ Локноу, въ пору владычества мосульманъ, иныя подобныя женщины имѣли доходъ въ 100 фунт. стерл. (800 рублей) въ мѣсяцъ.

Китаецъ, выщипывавшій волоса на лицѣ прежде чѣмъ узналъ, что Магометъ предписываетъ стричь, или вырывать волоса на всѣхъ частяхъ тѣла кромѣ головы, и индусъ, совершавшій священныя омовенія до мосульманства, приняли новую вѣру, потому что нашли въ ней много соотвѣтствовавшаго измѣнившимся условіямъ своего быта. Англичане могутъ не дружить магометанству, потому что магометане безпокойнѣе браминистовъ, и на праздникѣ Камсе въ Мадрасѣ доходило до вооруженныхъ схватокъ изступленныхъ мосульманъ съ англичанами. Но новая вѣра все-таки будетъ распространяться въ странѣ и въ то же время скашивать и разрѣжать ея населеніе — потому что она — вѣстникъ смерти.

Смерти еще нѣтъ, но есть оцѣпенѣніе. Толстый раджа жуетъ бетель или пьетъ вино, стоящее по 250 р. за бутылку, вино, въ которомъ разведены для укрѣпленія желудка раджи алмазы, яхонты и жемчугъ. Русскій путешественникъ обжегъ себѣ ротъ этимъ сильно-возбудительнымъ составомъ, понадѣявшись на объясненіе, что алмазы укрѣпляютъ человѣка и яхонты также очень полезны [1]), но индѣйскій раджа пьетъ дорогой напитокъ, подобно древней Клеопатрѣ египетской, распускавшей драгоцѣнныя жемчужины въ винѣ, и пьетъ съ такою же флегмою, съ какою куритъ сахарный песокъ, или банановую пастилу, облитую розовымъ масломъ; съ какою обвѣшиваетъ бездѣлушками и обливаетъ духами посѣтителя, представляющагося ему. Зато неподвижный раджа, возящійся съ своимъ богатствомъ, какъ съ игрушками,

---

[1]) *Салтыковъ*, 112.

обыкновенно непомѣрно толстъ, и ввелъ дородность въ моду, такъ что туземный живописецъ, желая польстить русскому аристократу, непремѣнно хотѣлъ нарисовать его съ большимъ животомъ [1]). Вмѣстѣ съ своими дородными, бездѣятельными, взрослыми дѣтьми—раджами и Индія, чуждая всякихъ политическихъ инстинктовъ, находится въ томъ усыпленіи, апогей котораго — неподвижно сидящій мосульманинъ-факиръ. Въ ней ли сходство съ прежнею живою, дѣятельною, много сдѣлавшею для первоначальной цивилизаціи, молодою Индіею?

---

[1]) *Салтыковъ*, 45.

Примѣчанія.

Дворъ богдыхана.

Серра представилъ массу нѣбезинтересныхъ подробностей о пекинскомъ дворѣ [1]). Главнѣйшія изъ нихъ позволимъ себѣ привести здѣсь въ извлеченіи.

Богдыханъ можетъ назначить своимъ преемникомъ своего младшаго сына, или даже внука — при вопросѣ о престолонаслѣдіи обращается вниманіе на способности и характеръ избираемаго лица. При дворѣ 5000 евнуховъ и столько же другой прислуги. У богдыхана большой гаремъ, состоящій изъ женъ и наложницъ. Женъ выбираетъ богдыханъ изъ благородныхъ татарокъ, которыхъ отцы должны доставлять на богдыханскій смотръ съ 12 лѣтняго возраста. Не выбранная по третьему смотру — считается свободною отъ этой повинности. Вспомнимъ, что такіе же смотры были при дворѣ московскихъ государей, принявшихъ этотъ восточный обычай отъ завоевателей Китая. Наложницы выбираются изъ дѣвушекъ-служанокъ и штатныхъ полагается семь. Рожденіе ребенка считается важною связью между отцомъ и матерью въ Китаѣ и когда разъ богдыханъ отослалъ отъ себя беременную наложницу—судебная власть потребовала, чтобы онъ вновь принялъ ее. По второму призыву властей богдыханъ долженъ былъ подчиниться требованію закона.

Такія отношенія судебной власти къ богдыхану напоминаютъ намъ англійскіе порядки, гдѣ принцы крови являются наравнѣ съ другими предъ судомъ. Но въ Китаѣ не всегда вмѣшательство

---

[1]) Transactions R. As. Soc., III, 131—137.

блюстителей закона въ придворныя дѣла проходило даромъ. Такъ министръ Сун-Кіунъ потребовалъ отъ богдыхана, ведшаго разгульную жизнь, чтобы тотъ вернулся къ пониманію долга, но въ отвѣтъ узналъ, что совѣтнику предоставлено выбрать самому себѣ родъ наказанія за дерзкое заявленіе. Министръ отвѣчалъ, что онъ можетъ предложить четвертованіе, отсѣченіе головы, или задушеніе. Изъ дворца пришелъ приказъ: быть ему губернаторомъ отдаленной, Илійской провинціи—обыкновеннаго мѣста почетной ссылки.

Принцевъ крови въ Китаѣ множество — они составляютъ цѣлый классъ населенія. Какъ китайская казна получаетъ доходъ деньгами и хлѣбомъ (въ началѣ нынѣшняго столѣтія деньгами получалось 18 м. фунт. стерлинговъ), такъ и содержаніе отъ себя даетъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Принцы крови, по достиженіи 15 лѣтъ, получаютъ ежемѣсячно по 3 „монеты“ и 2 мѣшка рису — содержаніе не очень блестящее. Зато имъ идутъ пособія на свадьбы и похороны и, говорятъ, желаніе получить это пособіе не разъ отправляло преждевременно на тотъ свѣтъ женъ принцевъ. Болѣе близкіе родственники богдыхана получаютъ содержаніе, дозволяющее имъ жить по-княжески.

Поэзія китайцевъ [1]).

Гармонія китайскаго стиха состоитъ главнымъ образомъ въ обиліи гласныхъ звуковъ. Въ китайскомъ языкѣ не только много двугласныхъ, но есть и троегласныя. Согласныхъ мало, и они не рѣзки. Фрере полагалъ, что китайцы пишутъ только силлабическимъ размѣромъ. Напротивъ, Девисъ говоритъ, что множество поэтическихъ произведеній въ Китаѣ написано и тоническимъ. Китаецъ прибѣгаетъ къ риѳмѣ не часто, а долго и совсѣмъ не зналъ ее—онъ болѣе сочувствуетъ короткому стиху. Такъ въ Шикингъ обыкновенный размѣръ стиховъ—четырехсловный. Китайская поэзія любитъ звукоподражаніе — гдѣ идетъ рѣчь о звукѣ барабана, тамъ китаецъ-поэтъ старается вылить свою рѣчь въ звуки, какъ бы напоминающіе грохотъ барабана, хотя на языкѣ, не имѣющемъ звука *p*, это болѣе чѣмъ трудно. Въ 1813 г. китаецъ — учитель языка у одного англичанина, привезенный въ Европу, написалъ поэму „Лондонъ“, гдѣ описываетъ европейскую жизнь, съ точки зрѣнія очень благопріятной для европей-

---

[1]) *Transactions R. As. Soc.*, II, 394—449.

цевъ. «Дома въ Лондонѣ такъ высоки — говоритъ китайскій авторъ—что съ нихъ можно хватать звѣзды». Объ этой поэмѣ въ 10 страницъ, описывающей всѣ диковинки Англіи и Европы, подробнѣе говорится въ Quarterly Review 1817 г. Другой китайскій авторъ, писавшій о Европѣ, торговалъ 30 лѣтъ съ европейцами въ Азіи и, зная ихъ лишь изъ этихъ сношеній, отзывается о нихъ съ пренебреженіемъ, какъ о варварахъ.

«Китай-городъ» и «Кремль» Москвы.

Подробное изученіе исторіи Китая и Японіи прямо указываетъ на востокъ какъ источникъ многаго въ обычаяхъ, и даже языкахъ, запада. Головнинъ, говоря, что его поразили японскія слова „деньги“ и „якорь“ по сходству съ русскими [1]), конечно, не могъ предвидѣть, что Зибольдъ впослѣдствіи даже Чингисъ-хана произведетъ изъ Японіи [2]). Оставляя лингвистикѣ разъяснить, не явилось-ли слово „деньга“ въ средней Азіи (откуда заимствовали его и мы) и въ Японіи изъ одного источника—Китая—мы не остановимся и на словѣ „якорь“, хотя японское ikari („гнѣвъ“ и „якорь“) представляетъ аналогію съ европейскими anger и anchor, по переходу и связи идей. Но не можемъ не поднять вопроса: точно-ли «Китай-городъ» Москвы получилъ свое названіе изъ того источника, какой обыкновенно признавался историками, и не плодъ-ли оно невольной связи между Китаемъ и Россіею, благодаря монголамъ?

Мы не станемъ проводить параллели между ниневійскимъ Керемлемъ (Keremlis), этою крѣпостью Ниневіи, городомъ божіимъ [3]) и московскимъ Кремлемъ, хотя несомнѣнно, что напр. слова «Богъ» и «небо» въ незапамятныя времена были произнесены въ Месопотаміи: Богъ было изображеніе божества, которому поклонялся народъ, называвшійся общимъ именемъ сабейцевъ и жившій тамъ, гдѣ теперь *Багдадъ* („данный богомъ“) [4]); у сабейцевъ же былъ богъ „Живо“ [5]). „Небо“,—названіе главнаго божества древней Месопотаміи, звучитъ въ именахъ многихъ ассиро-

---

[1]) Записки, III, 21.

[2]) Nippon, I, Anmerk. 148. Ср. Preussische Expedition nach Ost-Asien, 35.

[3]) *Rawlinson*, The five great Monarchies, I, 312. *Niebuhr*, Geschichte Assurs und Babels, 276.

[4]) Journal As., 1841, XII, 247.

[5]) Journal As. 1842, XIII, 332.

вавилонскихъ правителей и заставило одного изъ западныхъ ученыхъ перевести имя „Набухданосара“—„небомъ данный царь [1]).“

Позволяемъ себѣ также прочесть извѣстное начало клинообразной надписи «Bagha vasarka»—«Богъ высокій» тѣмъ болѣе, что западные ученые отказались объяснить слово „vasarka“, хотя и переводятъ его „magnus“. Затѣмъ въ клинообразныхъ же надписяхъ встрѣчаемъ „sar sarre“ — въ переводѣ „царь царей“ [2])— что для лицъ, знакомыхъ съ сходствомъ славянскаго и зендскаго языковъ, представляетъ полное опроверженіе тѣхъ, кто хочетъ видѣть въ „царь“ латинское „цезарь“, — забывая, что „caesar“ должно было бы перейти въ русскій языкъ въ исключительной греческой формѣ „кесарь“ (какъ въ нѣм. Kaiser), никакъ не съ звукомъ ц.

При всемъ томъ, повторяемъ, мы не рѣшаемся ставить ниневійскій кремль въ параллель съ русскими кремлями по недостатку прямыхъ доказательствъ. Еще такъ мало сдѣлано для разъясненія пути, какимъ шли на сѣверъ слова: сварогъ (инд. сварга), дѣти (санс. діать— потомство), Хорсъ (егип. Хорусъ) добрь (егип. «уединенное капище»), собака (перс. спако—„собака“; имя жены пастуха, воспитавшаго Кира), обезьяна (перс. пузине)—что слишкомъ смѣло дѣлать какія-нибудь заключенія о сохраненныхъ преданіяхъ глубокой древности. Можетъ быть лингвистикѣ будетъ суждено открыть, что „*мѣдь*“, получавшаяся славянами отъ *медовъ* (мидійцевъ), представляетъ полную аналогію съ aes *aeris* (ярь) названіемъ, явившимся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ этотъ металлъ былъ впервые полученъ отъ *аргійцевъ*. Пока все это, однако, лишь гаданія въ непочатой области науки. Все, что пока можно предположить — это вліяніе медо-персовъ на колонизацію береговъ Понта и занесеніе туда старо-персидскихъ и зендскихъ словъ и понятій съ береговъ Тигра и Евфрата. Но намъ кажется, что произведеніе «Китая-города» изъ китайскаго, а не западнаго источника, болѣе чѣмъ вѣроятно. „Красный городъ“ въ Пекинѣ и въ Міако играетъ совершенно ту же роль, какую нашъ „Китай-городъ“ съ его „Красною площадью“. „Красный городъ“ китайской и по образцу ея—японской—столицы названіемъ своимъ напоминаетъ то время, когда еще у китайцевъ любимымъ цвѣтомъ

---

[1]) *Prichard*, Phys. Hist. of Man, IV, 563—564. ср. *Rawlinson*, I, 71.
[2]) *Oppert* Mém. sur les rapports de l'Egypte et de l'Assirie, 41, 125.

былъ не желтый, какъ теперь, а красный (какъ у славянъ „прекрасный“), время, когда китайцы, какъ мы старались доказать, основываясь на Ши-кингъ, больше походили на нынѣшнихъ европейцевъ чѣмъ на нынѣшнихъ китайцевъ, имѣющихъ большое сходство съ семитами.

При первыхъ московскихъ государяхъ правительственная Россія, благодаря монголамъ, не могла не знать Китая гораздо больше чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Удивительно-ли, что часть города, сосѣдняя съ царскимъ дворцомъ, точно такъ же какъ въ Китаѣ и Японіи застроенная почти исключительно лавками — была названа Китаемъ — городомъ?

Китайскія древности на западѣ.

Можно прибавить еще нѣсколько подробностей въ доказательство сношеній Китая съ западомъ въ эпоху глубокой древности. Лейярдъ нашелъ въ древнѣйшихъ слояхъ ниневійскихъ памятниковъ маленькія, цвѣтомъ бѣлыя съ зеленымъ, бутылки съ китайскими надписями [1]). Въ параллель съ указаніемъ Винкельмана о китайскомъ разрѣзѣ глазъ у древне-египетскихъ статуй, приведемъ, что рисунки, снятые съ ѳиванскихъ памятниковъ въ Египтѣ, поражаютъ тою же особенностью въ изображеніяхъ ѳиванскихъ жительницъ, и именно не низшаго класса, а аристократокъ [2]). Съ этимъ не лишнее рядомъ поставить, что древніе египтяне, подобно китайцамъ, не знали разницы между звуками *р* и *л* и одинъ и тотъ же египетскій іероглифъ соотвѣтствуетъ обоимъ звукамъ [3]). Древне-египетскія кресла представляютъ поразительное сходство въ отдѣлкѣ съ нынѣшними китайскими [4]). Кстати можно упомянуть, что крошечная китайская ножка, надъ которою такъ смѣялись наши казаки, окружавшіе Ковалевскаго, — кажется, была въ такой же модѣ въ Египтѣ какъ въ Китаѣ, если вспомнимъ выборъ Псамметихомъ невѣсты себѣ за крошечную ножку [5]).

---

[1]) *Layard*, Babylon and Nineveh, 232.

[2]) *Wilkinson*, The ancient Egyptians, 390.

[3]) *Гаркави*. О первопач. обит. семитовъ, индо-европейцевъ и хамитовъ, 1.

[4]) *Ibid.*, 193.

[5]) *Aelian*. Hist. div., XIII, 33.

Научное міровоззрѣніе сибирскаго буддизма.

Ламаизмъ признаетъ въ человѣкѣ пять главныхъ органовъ: сердце, печень, легкое, почки, и селезенку. Число сухихъ и кровяныхъ онъ опредѣляетъ въ 360 — очевидно по числу градусовъ земнаго шара, если не дней древняго солнечнаго года. Замѣтимъ, что буддистская медицина видитъ въ человѣкѣ прежде всего микрокозмъ—міръ въ миніатюрѣ.—Главныхъ кровяныхъ жилъ она признаетъ 12. Человѣкъ, утоляющій голодъ, долженъ сдѣлать 42 глотка—по ученію ламъ, этого достаточно, чтобъ наполнить $^2/_3$ желудка; если наполнится больше, слѣдуетъ болѣзнь. Главныхъ недуговъ 404, второстепенныхъ 1350. 101 болѣзнь, т. е. $^1/_4$, проистекаетъ отъ „злыхъ духовъ“ (мы видѣли какъ часто восточный человѣкъ понимаетъ подъ ними „міазмы“), $^1/_4$ излечивается діетой, столько же терапическими средствами и, наконецъ, $^1/_4$ признается неизлечимыми.

Всѣхъ лекарственныхъ видовъ у ламъ 612 — большею частью изъ растительнаго царства и добываются преимущественно изъ растеній Китая, Тибета и Индіи. Ламы насчитываютъ 58 родовъ пульса; у здороваго человѣка пульсъ ударяетъ въ пять разъ чаще чѣмъ дышетъ человѣкъ. Замѣчателенъ способъ излеченія ламами опасныхъ горячекъ. Больнаго окутываютъ свѣжесодранными кожами съ жирнаго и здороваго животнаго. Постепенно кровь на кожѣ блѣднѣетъ, кожа дѣлается слизлою, теряетъ жизненность, покрывается зеленью, а между тѣмъ больной поправляется и, при частой перемѣнѣ кожъ, быстро излечивается. Очевидно это — то же, что животная ванна, или леченіе животнымъ электричествомъ. Вообще на ламайскую терапію, выдержавшую опытъ вѣковъ, слѣдовало бы обратить больше вниманія. Ей, повидимому, отдаетъ должную дань даже и арх. Нилъ, у котораго мы заимствовали приведенныя подробности [1]).

Леченіе жинь-шенемъ занимаетъ видное мѣсто у ламъ, и это естественно, если принять во вниманіе, что чудесная цѣлебность дорогаго корня вовсе не плодъ китайской фантазіи. Ковалевскій приписываетъ этому корню долголѣтіе китайскихъ императоровъ [2])

---

[1]) *Нилъ.* Буддизмъ въ Сибири, 266—271.
[2]) Пут. въ Китай, II, 195.

и говоритъ, что въ Китаѣ умирающимъ безъ завѣщанія обыкновенно дается пріемъ жинь-шеня, чтобы временно возбудить упадающія силы.

Догматы современнаго буддизма.

Въ Японіи считается до 400 буддистскихъ сектъ, но всѣ онѣ исповѣдуютъ пять главныхъ заповѣдей: 1) не убивай, 2) не крадь, 3) не нарушай брака, 4) не лги, 5) не употребляй ничего опьяняющаго. Тридцать-пять буддистскихъ сектъ не признаютъ храмовъ и поклоненія образамъ. При всемъ томъ всѣ буддистскія секты, какъ ни расходятся онѣ въ ученіяхъ, живутъ согласно одна около другой, и разныя секты имѣютъ иногда въ одной и той же японской семьѣ своихъ адептовъ, вовсе не поселяя между ними вражды, потому что расколъ, доводимый до распри, показываетъ только гражданскую рознь и разобщенность интересовъ, а не различіе религіозныхъ убѣжденій.

Крещеніе водою у буддистовъ происходитъ, по словамъ Клапрота, гдѣ-нибудь въ темномъ мѣстѣ дома, куда не достигаетъ посторонній взоръ. Тамъ ребенокъ поливается изъ мѣднаго сосуда водою, которую французскій авторъ готовъ назвать «la rosée doncе».

Буддизмъ бонзовъ признаетъ въ мірѣ 48,000 человѣческихъ слабостей и большая часть ихъ, кажется, удѣлъ женщины. Буддисты, по замѣчанію патера Ксавье, утверждаютъ, что любая женщина имѣетъ болѣе грѣховъ, чѣмъ всѣ мужчины на землѣ вмѣстѣ (quaevis mulier plus criminum habeat, eorom arbitratu. quam omnes in universo mundi ambitu viri) и съ женщинъ, конечно, на этомъ основаніи, собирается самая богатая жатва бонзами, во имя искупленія грѣховъ.

„Ной и потопъ“ по индусскимъ преданіямъ.

У Мену-Сатіавраты, властителя всей земли, было три сына—говоритъ Падма-пурана—Серма, Харма и Япети. Разъ Мену выпилъ меду больше чѣмъ нужно и, опьянѣвъ, лежалъ не покрытый ничѣмъ. Харма призвалъ своихъ братьевъ и указалъ имъ на положеніе отца. Оба почтительные сына прикрыли наготу родителя. Словомъ, какъ видимъ, разсказывается исторія Ноя и его

сыновей. Но дѣло въ томъ, что «пураны» несравненно позднѣйшаго происхожденія и, безъ сомнѣнія, заимствованіе индусовъ у запада.

Преданіе о потопѣ сохранилось у большинства народовъ. Мы не встрѣчаемъ его у китайцевъ, но и у нихъ говорится о хлынувшихъ водахъ, такъ что люди въ страхѣ бѣжали на возвышенныя мѣста и тамъ спаслись отъ ярости волнъ.

Преданіе о потопѣ сохранилось въ индусскихъ храмахъ на картинахъ, изображающихъ Вишну, спасающаго землю отъ волнъ. На поверхности спадающей воды видна радуга.

СОДЕРЖАНІЕ.

КИТАЙ И ЯПОНІЯ.

СТР.

«Составленныя идеи» и разубѣжденія. 3

Китайскія древности на западѣ. Сходство Китая съ древнимъ Египтомъ. „Китайская конституція“.

Три послѣдніе вѣка въ исторіи азіатскаго востока. . . 19

Причины прежняго отчужденія и сближенія теперь. Голландцы „не-христіане“. Китайскій авторъ о японской факторіи. Чай въ исторіи. Обезводненіе китайской равнины и его политическіе результаты. Мосульманство—предсмертная религія народовъ—и распространеніе его въ Китаѣ.

Историческій бытъ Китая. 35

Великая стѣна. Конфуцій и его соперникъ. Афоризмы Конфуція. Его книги. Жизнь древняго Китая по Ши-кингъ.

Знакомство Китая съ окрестными народами. 49

Общеніе между китайцами и евреями. Путешествія китайцевъ на западъ. Китайскія географіи западной Европы и Россіи.

Участіе Японіи во всемірно-историческихъ событіяхъ. . . 58

Одновременные сходные порядки въ Японіи и Европѣ. Японія—какъ ученица Китая.

Языкъ. 70

Болѣе чѣмъ гдѣ нибудь отраженіе исторіи. Какъ создалась китайская письменность? Древнее міровоззрѣніе китайцевъ по ихъ азбукѣ. Невозможность изучить Японію, не изучивъ Китая.

Историческая литература. 83

Иностранные и русскіе ученые объ азіатскомъ востокѣ. Судьбы нашей пекинской миссіи. Русскіе японцы.

ИНДІЯ.

Догматъ самопстязанія и политическія судьбы Индіи. . . 92

Причины легкости завоеванія Индіи чужестранцами. „Столбъ Сивы“ и его паденіе. Хозяйство англичанъ въ Индіи. Жалобы на спасеніе жизни.

Какъ явились касты? 106

Вліяніе Европы на касты. Брамины—туземцы и воины—пришельцы. Индія—какъ страна разнородныхъ племенъ.

Браманизмъ и буддизмъ. 117

Браманизмъ—варварство, буддизмъ — просвѣщеніе. Движеніе Индіи назадъ. Ламаизмъ въ Тибетѣ и Сибири. Подвижничество буддистовъ съ гигіенической точки зрѣнія. Буддизмъ честный и „искаженный“.

Древняя и современная Индія. 129

Литература, искусство и наука Индіи. Древнія сношенія Индіи съ окружающимъ міромъ. Нынѣшняя апатія. Рѣзкое отличіе нынѣшней Индіи отъ древней. Бытъ индусовъ по Магабаратѣ и сходство его съ европейскимъ. Туземный писатель-публицистъ объ индусскихъ обычаяхъ прежде и теперь. Мосульманство въ Индіи. Индія страна-старецъ.

Примѣчанія. 146

Дворъ богдыхана. Поэзія китайцевъ. „Китай-городъ“ и „Кремль“ Москвы. Китайскія древности на западѣ. Научное міровоззрѣніе сибирскаго буддизма. Догматы современнаго буддизма. „Ной и потопъ“ по индусскимъ преданіямъ.

Цѣна 75 коп.

90
H-65